

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН УССР

АРХЕОЛОГИЯ
ПРИКАРПАТЬЯ,
ВОЛЫНИ
И ЗАКАРПАТЬЯ
(КАМЕННЫЙ ВЕК)

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1987

В монографии на основании новейших археологических исследований, осуществленных на территории Прикарпатья, Вольни и Закарпатья, освещается история древнего населения эпох палеолита, мезолита, неолита и энеолита, специфика формирования этноса в западных регионах Украинской ССР в период первобытнообщинного строя.

Для историков, археологов, краеведов, музейных работников.

Авторы *Р.Т.Грибович, Л.Г.Мацкевой, Н.А.Палецишин, В.П.Савич, А.П.Черныш*

Редакционная коллегия *А.П. Черныш* (ответственный редактор), *В.В. Аулих, Л.И. Крушельницкая, И.К. Свашников, В.Н. Цыгылык*

Рецензенты *И.И. Винокур, В.Н. Станко*

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике.

Монография

**РОМАН ТЕОДОРОВИЧ ГРИБОВИЧ,
ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ МАЦКЕВОЙ,
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕПЕЦИШИН,
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ САВИЧ,
АЛЕКСАНДР ПАНКРАТЬЕВИЧ ЧЕРНЫШ**

**АРХЕОЛОГИЯ ПРИКАРПАТЬЯ,
ВОЛЬНИ И ЗАКАРПАТЬЯ**

(каменный век)

Утверждено к печати ученым советом Института общественных наук АН УССР

Редактор *В.П.Лагодзкая*
Обложка художника *С.В.Назарова*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технические редакторы *Т.К.Валицкая, Л.Н.Мурзавцева*
Оператор *Т.А.Радкевич*
Корректоры *А.Ф.Коровниченко, Н.Б.Кудряцева*

ИБ № 8457

Подп. в печ. 13.08.87. БФ 25637. Формат 70x108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Универс. Офс. печ. Усл. печ. л. 11,90. Усл. кр.-отт. 12,43. Уч.-изд.л. 14,78 + вкл. 0,30 = 15,08. Тираж 950 экз. Заказ 7 – 212. Цена 2 р. 50 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3. Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул.Репина, 4.

А 0607000000-516 59-87
М 221 (04)-87

© Издательство "Наукова думка", 1987

На территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья известно значительное количество разновременных памятников, относящихся к древнейшим периодам первобытнообщинного строя. Археологическое изучение данной территории началось еще в прошлом столетии, но интерпретация добытых материалов осуществлялась на основании характерных для буржуазной науки методологических позиций, отрицающих наличие закономерностей в развитии общества.

Исследование проблем истории древнейшего населения территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья на основе марксистско-ленинской методологии было начато лишь после воссоединения западных областей с Советской Украиной. Классики марксизма-ленинизма выделили в развитии общества ряд общественно-экономических формаций. В основе каждой формации лежит способ производства материальных благ, необходимых для существования общества. Добываемые во время археологических исследований материалы, прежде всего орудия труда, являются ярким показателем уровня развития производительных сил.

В Прикарпатья, Волыни и Закарпатья в советское время осуществлены значительные систематические археологические исследования, открыты памятники различных периодов, имеющие европейское значение. Эта территория расположена на стыке Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь прослежены древнейшие в Европе очаги развития культуры, имеющие эталонное значение, позволившие поставить ряд теоретических вопросов: о времени становления родового строя, происхождении древнейших жилищ и т.д. Этот район расположен на водоразделе рек балтийского и черноморского бассейнов с рядом небольших рек, текущих на север к Балтийскому морю и на юг — к Черному морю, что благоприятствовало взаимосвязям групп древнего населения, взаимному проникновению различных этнических групп, оказывавших влияние на культуру коренного населения, усложняло характер исторического процесса развития хозяйства, культуры и социального строя.

Археологические материалы свидетельствуют, что здесь наблюдалось проникновение ряда археологических культур из других районов, а также о том, что возникшие на этой территории культуры распространялись и в другие районы, здесь происходила трансформация ряда культур.

Археологические источники подтверждают наличие специфических черт у некоторых культур данной территории, но общий ход развития общества в данном районе, как и в других, происходил на основании закономерностей, открытых классиками марксизма-ленинизма. Проведенные исследования позволяют раскрыть конкретные особенности становления и развития общества не только в этом регионе, но и в сопредельных, проследить характер этнокультурных связей.

В работе на основании материалов новейших комплексных археологических исследований освещаются пути и время древнейшего заселения Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, даются характеристика особенностей присваивающего хозяйства и процесса становления воспроизводящего, определение особенностей социального строя и основных этапов развития культуры древнего населения, освещение вопросов происхождения, исторических судеб, этнического облика и характера взаимосвязей культур этой территории.

Хронологически настоящий труд охватывает периоды древнего каменного века-палеолита, среднего каменного века — мезолита, нового каменного века — неолита и каменно-медного века — энеолита. Данные о некоторых энеолитических культурах, которые не вошли в монографию, будут изложены в следующем выпуске коллективного труда "Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья".

ГЛАВА 1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Территория Украинской ССР расположена в юго-западной части Русской равнины. Семь западных областей УССР размещены на пространстве между 48—52° северной широты и 22 и 27—30° восточной долготы. Территория ее 110,7 тыс. км², на ней проживает около 9,2 млн чел*. По особенностям рельефа можно выделить пять основных районов: 1) зона полесской низменности; 2) Вольно-Подольская возвышенность; 3) Прикарпатье; 4) украинские Карпаты; 5) Закарпатская (потисская) низменность [Цись, 1962].

Северная часть западноукраинского региона занимает западную часть Украинского Полесья — так называемое Волинское Полесье, расположенное в северной части Волинской и Ровенской областей. Поверхность Волинского Полесья преимущественно равнинная, но встречаются местности волнистые, холмистые, грядовые и низменные. Эта территория характеризуется разветвленной речной сетью и наличием озер. Реки имеют замедленное течение и заболоченные поймы. Большинство озер карстового происхождения. Среди них выделяются большие и очень глубокие: Свитязь, Пульмо, Польское, Загорское и др. Растительность этой территории имеет своеобразные особенности, выделяющие ее в отдельную географическую область, характеризующуюся большим распространением лесов (около 40 % площади). Среди лесов преобладают сосновые боры, покрывающие песчаные террасы рек Турии, Припяти, Стохода, Горыни, Стыри и др. В отдельных районах области встречаются дубово-грабово-сосновые леса с примесью березы, клена, явора, осины, береста и т.д. В заболоченных местностях довольно распространенными являются ольшаники. Пойменные луга сплошь заболочены и покрыты разнотравянистой растительностью [Физико-географ. районирование УССР, 1968].

На территории Западноукраинского региона выделяется еще Малое Полесье, которое представляет собой аккумулятивно-денудационную равнину, ограниченную на севере Волинской возвышенностью, на юго-западе — Ростоchem, на юге — Гологоро-Кременецким приподнятым краем Подольской возвышенности.

Вольно-Подольская возвышенность является составной частью лесостепной зоны Украины, на западе она переходит в Галицко-Волинскую впадину. Согласно схеме физико-географического районирования, Ростоche, Ополье, Западное и Северное Подолье, а также Южная Вольнь относятся к Западноукраинской зоне. Волинская возвышенность отличается довольно выразительными орографическими чертами. В лесостепной зоне расположены Львовская и Тернопольская области, южные части Ровенской и Волинской областей и частично Ивано-Франковская, Черновицкая области.

Сложное геологическое строение этой территории обусловило образование разнообразных форм рельефа: кражи, широкие понижения, волнистые плато, возвышенные местности, которые расчленены многочисленными реками. В этой области расположен большой европейский водораздел стока рек на север и юг. На территории Ростоche и Ополья наиболее распространены холмы, образующие целые гряды, которые простираются с северо-запада на юго-восток. Приднестровская полоса отличается скалистыми ущельями с крутыми склонами, тянущимися на много километров вдоль долины Днестра и его притоков. На территории Ростоche встречаются карстовые формы рельефа. Реки многочисленны, быстро текущие, принадлежат к бассейнам Днестра и Южного Буга.

В пределах Вольно-Подольской возвышенности распространены серые и светло-серые почвы, а в долинах и по проходным долинам рек, а также в ряде местностей равнинного плато имеются черноземы. Растительный покров под влиянием антропогенного фактора претерпел коренные изменения. В прошлом преобладающим типом растительности были леса. В настоящее время площадь лесных массивов сильно сократилась. Луга и луговые степи превращены в поля с различными сельскохозяйственными культурами. В оврагах и на крутых склонах балок этой территории прорастают дубово-букковые или грабово-дубовые и грабовые леса. Отдельными островками встречаются букковые леса. На песчаных почвах развиваются дубово-сосновые. Разнообразен травянистый покров [Физико-геогра-

*По данным на 1 января 1983 г.

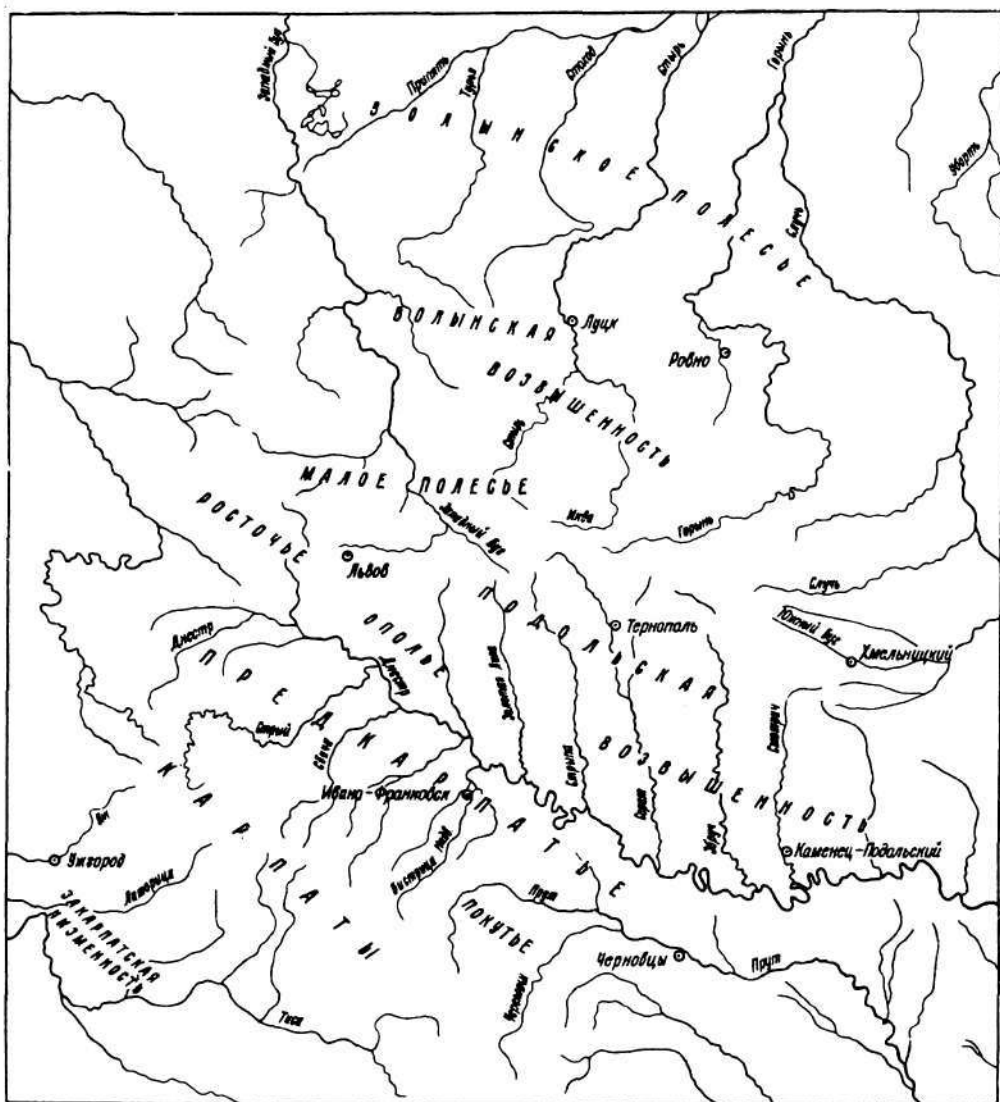

Рис. 1. Схематическая карта Прикарпаття, Волини и Закарпаття

фическое районирование УССР, 1968; Богущкий, Свинко, 1975, Артюшенко, Арап, Безусько, 1982].

Предкарпатье представляет собой физико-географическую область, расположенную между юго-западным краем Подольской возвышенности и северо-восточными склонами Украинских Карпат, занимает территорию около 280 км от Санско-Днестровского междуречья до Буковинского предгорья. Рельеф Предкарпаття формировался под влиянием поднятия территории, происходившего с конца плиоцена и продолжавшегося в течении всего четвертичного периода. Ландшафт расчлененный и состоит из холмисто-грядовых водораздельных возвышенностей, оврагов и балок. Речная сеть густая, характерны глубокая эрозия и серия речных террас. Реки Днестр, Стрый, Свича, Ломница, Быстрица и другие имеют быстрое течение. В почвенном покрове господствуют дерново-подзолистые, поверхность глеевые почвы. Леса дубово-буковые, чередуются с разнотравными лугами. В лесах встречаются дуб, ясень, клен, явор, граб, береза и др. Хвойные леса на этой территории имеют ограниченное распространение, а сосновые боры приурочены к песчаным холмам. Небольшие площади заняты ольховыми лесами. Весь комплекс физико-географических условий этой области позволяет отнести ее к лесной с широколиственными лесами и разнотравными лугами [Цысь, 1962; Геоботаничне районування Української РСР, 1977].

Украинские Карпаты — часть лесистых Карпат, расположенных в западноукраинском регионе УССР. Ширина этой части Карпат около 100 км, протяженность вдоль северо-восточного края достигает 280 км. Северо-восточную полосу гор занимают Карпаты, соответствующие внешней антиклинальной (скибовой) зоне. Они известны под названием Береговой, Оровской, Сколевской, Парашинской и Землинской скиб. В пределах Внешних Карпат выделяются восемьдесят хребтов. Наиболее четко выражены моноклиналильные хребты в пределах средневысотных Сколевских Бескид, занимающих междуречье Стрыя—Мизинки.

Параллельно Внешним Карпатам простирается водораздельно-верховинская горная полоса. В северо-западной части зоны орографически выделяются Верховинский водораздельный хребет с выположенными, легко проходимыми перевалами: Ужогский — 889 м, Ворохтинский — 841 м, Бескидский — 1041 м. В юго-восточной части Водораздельно-Верховинской зоны простирается Ворохта-Путильское низкогорье (Ясинский перевал — 913 м у верховья Черной Тисы) [Цысь, 1962].

Закарпатье представляет собой низменную равнину, расположенную на правом берегу р. Тисы, только южнее Виноградово она частично распространяется и на левобережье реки. Эта местность преимущественно наклонена в сторону Тисы. На фоне монолитной равнины поднимаются островные вулканические горы — Береговское холмгорье. Закарпатская низменность расположена в теплой зоне. В пределах этой равнины много староречий, возникших вследствие изменения направления течения притоков Тисы, Ужа, Латорицы и др. Луговые почвы на первой надпойменной террасе оглеены. Довольно распространены также мощные луговые слабо оглеенные почвы со значительным гумусным горизонтом. Это почвы наиболее плодородные. Естественный растительный покров сильно изменен. Редко встречаются небольшие массивы дубовых и смешанно-широколиственных лесов. На территории западноукраинского региона выделено три основных типа ландшафта: 1) зона смешанных лесов, характерная для Полесья; 2) лесостепная зона, охватывающая большую часть указанной территории без Карпат; 3) зона Украинских Карпат с вертикальной ландшафтной зональностью [Геоботаничне районування Української РСР, 1977]. Климат этой территории, как и всей территории УССР, умеренно континентальный. Особенностью его является большая влажность и большое количество осадков по сравнению с восточными областями УССР.

На территории западных областей Украины имеется значительное количество рек, принадлежащих к бассейну Черного и Балтийского морей. Именно в районе Львова находится часть главного европейского водораздела между стоками указанных морей. Прослеживаются реки горного происхождения, которые стекают с Карпат (верховья Тиссы с притоками, верховья Прута, Серета, Днестра с правобережными притоками и с левобережным притоком Стриваяж), реки Полесской низменности и расчлененных равнин (левобережные притоки Днестра, притоки Припяти). Наличие густой сети рек способствовало заселению этой территории человеком с древнейших времен.

Данные о физико-географических особенностях территории западноукраинского региона свидетельствуют о том, что здесь были все условия для существования и развития человеческих поселений на протяжении длительного времени. Физико-географические условия, которые сейчас наблюдаются в этом регионе, в основных чертах существуют с начала эпохи так называемой геологической современности или голоцена — части антропогена кайнозойской эры. Необходимо отметить, что в эпоху голоцена естественные условия не были стабильны, так как зафиксированы определенные изменения в физико-географических условиях этой территории, а в более древних отрезках антропогена такие изменения существеннее.

* * *

Историю археологического изучения территории Прикарпатья, Вольни и Закарпатья можно разделить на два периода: досоветский и советский. Досоветский период начался еще в прошлом столетии, когда были осуществлены раскопки ряда памятников (Плиснеско, Кошиловцы, Неслухов, Городница, ряд курганов на Вольни и т.д.). Следует отметить организацию во второй половине прошлого столетия ряда музеев, проведение археологических выставок и археологического съезда в г. Львове в 1885 г. Тогда же был опубликован ряд сводных работ по археологии указанной территории [Головацкий, 1877; Demytkiewicz, 1888; Porre, 1878 и др.].

В XX в. археологические исследования на этой территории были продолжены. Так, осуществлены исследования в Галиче и Плисниске, Белзе и Нижнем Струтине, Незвисках и Комарове, Шипеницах и других пунктах. В это время появился ряд трудов, в которых дана характеристика отдельным памятникам и культурам, а также ряд работ обобщающего характера, посвященных археологии Прикарпатья, Волыни и Закарпатья [Hadaczek, 1912, 1912 а; Janusz, 1913, 1919; Zatlukal J. et E., 1937]. В этот период на данной территории выделен ряд археологических культур.

В опубликованных работах львовских, краковских и других археологов, занимавшихся изучением археологических памятников Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, были обобщены фактические материалы, но интерпретация многих вопросов производилась на основе свойственных для буржуазной науки методологических позиций. Это было характерной чертой досоветского периода в археологическом изучении интересующей нас территории. Более того, некоторые исследователи ряд вопросов исторического развития древнего населения данной территории освещали с позиций польского шовинизма или буржуазного украинского национализма. Особенно это относится к интерпретации периода Древнерусского государства.

Принципиально новым в археологическом изучении территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья является советский период. Археологическое исследование территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья стало осуществляться планомерно на новой методологической основе. Теория марксизма-ленинизма рассматривает археологические памятники, как источники для восстановления картины исторического развития общества на его древнейших этапах, для изучения хозяйства, культуры и социального строя древнейшего населения от древнекаменного века по древнерусский период.

После воссоединения западных областей Украины с Советской Украиной были осуществлены организационные мероприятия с целью изучения древнейшей истории этого региона. Так, в ряде областных и районных центров созданы краеведческие музеи.

Эти музеи объединили различного характера коллекции, которые сохранились.

В 1939 г. во Львове был организован исторический музей республиканского значения, объединивший ряд коллекций, находившихся в этом городе ранее у частных лиц; в 1945 г. в г. Ужгороде создан Закарпатский государственный краеведческий музей республиканского значения; в 1940 г. в Ивано-Франковске возник областной краеведческий музей. В Черновцах, где сохранился музей, существовавший с 1861 г., был организован историко-краеведческий музей. На основе музея, созданного в 1906 г., появился областной краеведческий музей в г. Ровно. Областные музеи возникли также в Тернополе и Луцке.

Наряду с ними начали функционировать и научные учреждения археологического профиля. Во Львове в 1940 г. был учрежден Отдел Института археологии АН УССР, задачей которого являлось осуществление археологических исследований на территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, разработка проблем истории древнейшего населения этой территории на основании теории марксизма-ленинизма, подготовка кадров специалистов по археологии.

В 1951 г. был создан Институт общественных наук АН УССР, в состав которого вошел Львовский отдел Института археологии*. Поставленные перед отделом задания осуществлялись путем проведения широкомасштабных полевых исследований, и подготовки тематических работ как по общим проблемам истории древнейшего населения Прикарпатья и Волыни, так и по отдельным конкретным проблемам различных периодов.

Было организовано и проведено значительное количество экспедиций на территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, а итогом разработки научных проблем явилась публикация пяти коллективных монографий, шести сборников, 22 индивидуальных монографий, посвященных отдельным периодам или памятникам, опубликование множества научных статей в различных изданиях, как центральных, так и республиканских, а также зарубежных.

Среди опубликованных работ особое значение имеет цикл сводных обобщающих работ по археологии Прикарпатья и Волыни, где впервые на основании археологических источников был обобщен процесс развития хозяйства, культуры и социального строя древнего населения в его конкретных проявлениях на данной территории [Стародавнє населен-

* С 13 мая 1983 г. — Отдел археологии западного региона УССР.

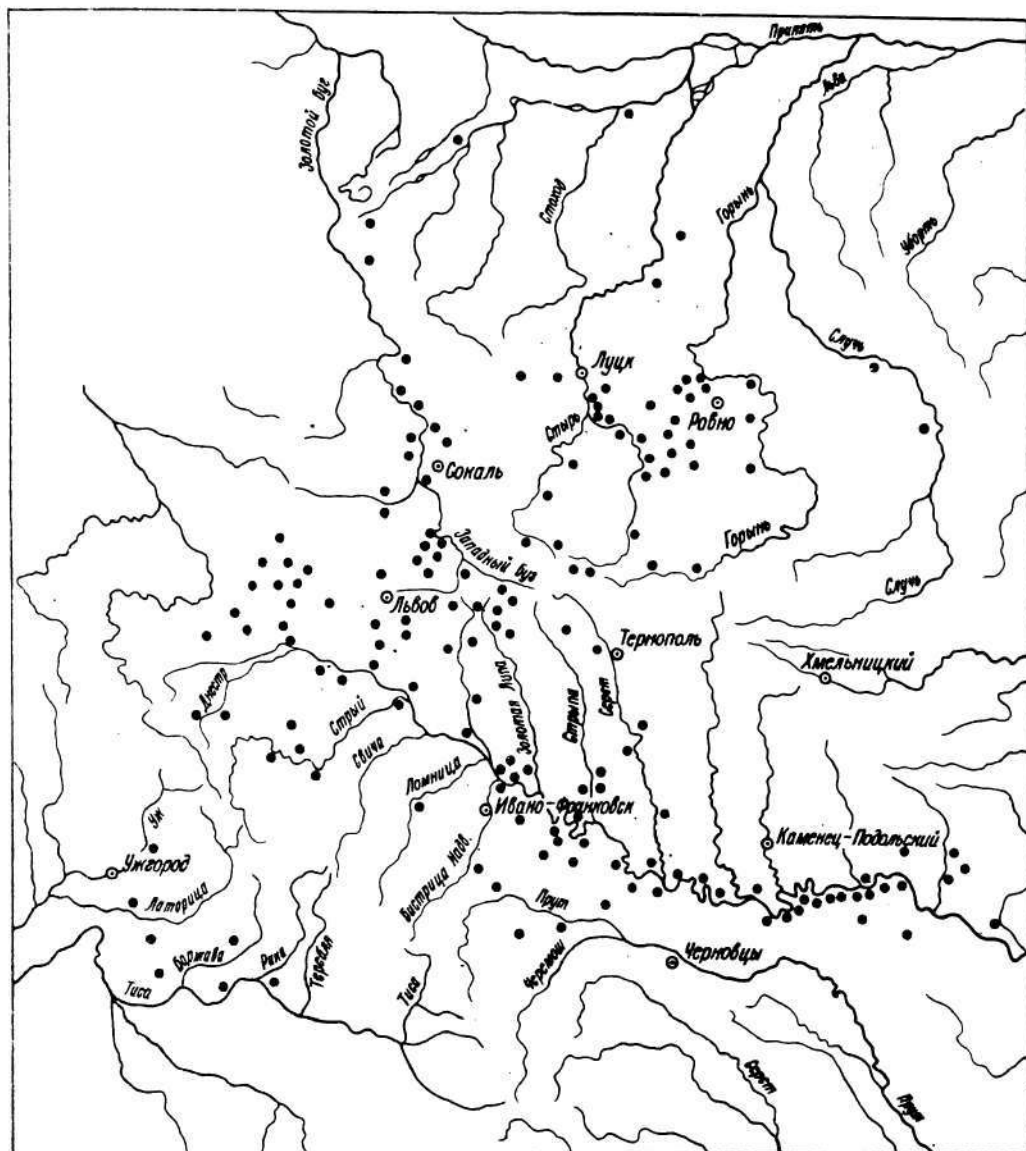

Рис. 2. Схематическая карта района работ экспедиций Института общественных наук АН УССР

ня... 1974; Населення..., 1976; Археологічні пам'ятки..., 1981; Археологічні пам'ятки, 1982; Археологічні пам'ятки..., 1983].

В археологическом изучении Прикарпатья, Волыни и Закарпатья большую роль играют также университеты. Это Львовский (Н.А. Пелешишин, Р.М. Чайка) — Ужгородский (Э.А. Балагури, В.Г. Котигорошко), Черновицкий (М.П. Михайлина) университеты.

Ряд пединститутов также осуществляют археологические исследования: это Луцкий (М.М. Кучинко) и Ивано-Франковский пединституты (Б.А. Василенко).

В археологических исследованиях на территории западных областей УССР принимали участие и археологи РСФСР. Полевые исследования на территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья проводили Т.С. Пассек в Поливаном Яре и Берновом в Черновицкой области, М.К. Каргер в Галиче и во Владимире-Волынском, И.И. Ляпушкин, Ю.В. Кухаренко, В.В. Кропоткина, К.В. Каспарова на Волыни, П.А. Раппопорт на Волыни и Буковине, П.И. Борисковский в Черновицкой области, Г.И. Смирнова на Буковине и в Закарпатье, А.И. Мелюкова в Черновицкой области, И.П. Русанова на Буковине, Г.Ф. Никитина и Н.К. Анисюткин в Черновицкой области, В.С. Титов на Закарпатье и т.д.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Окружающая человека природная среда играла значительную роль в жизни общества палеолитического времени.

Основные черты современного рельефа поверхности на территории Прикарпатья, Вольни и Закарпатья сформировались еще в конце третичного периода кайнозойской эры [Цысь, 1951, с. 22]. Позднее, в период антропогена, когда возникло и развилось человеческое общество, происходили дальнейшие преобразования ландшафтных условий, климата. На животный и растительный мир четвертичного периода или антропогена, на рельеф территории Европы значительное влияние оказало оледенение, имевшее несколько фаз*. Согласно альпийской терминологии, в период антропогена наблюдались гюнцская, миндельская, рисская и вюрмская фазы оледенения, во время которых произошло резкое похолодание климата. Последние три фазы советские геологи называют окским, днепровским и валдайским оледенениями.

В межледниковые периоды (интергляциалы) потепление улучшило климатические условия, способствовало благоприятному развитию животного и растительного мира. В пределах ледниковых фаз прослеживаются интерстадиалы с некоторым потеплением климата. Следует отметить, что в определении количества ледниковых фаз интерстадиалов в их пределах, мнение геологов расходятся, как и по вопросу о времени начала антропогена — четвертичного периода и его хронологических границ.

В настоящее время нижняя граница антропогена — четвертичного периода относится к более древнему времени, чем считалось, так как в этот период включают и часть верхнего плиоцена — конечной фазы третичного периода кайнозойской эры [Громов, Краснов, Никифорова, Шанцер, 1961; Никифорова, 1982]. Это вызвано тем, что в понимании антропогена в животном и растительном мире прослеживаются признаки похолодания климата со времени верхнего плиоцена. Кроме того, антропогеновая система также содержит данные о древних антропологических находках на территории Африки (например, в Олдувее) [Четвертичная система, 1982].

Антропоген включает следующие периоды: *эоплейстоцен* (постплиоцен), куда входят верхний виллафранк, гюнц и миндель, собственно плейстоцен с рисской и вюрмской фазами оледенения и *голоцен* — современный период [Иванова, 1966].

Некоторые советские исследователи считают, что в антропоген необходимо включать также и так называемый астиийский ярус верхнего плиоцена, синхронный акчагылу, так как в это время прослеживаются первые признаки похолодания климата. По их мнению, границу между неогеном и антропогеном необходимо проводить в подошве астия-акчагыла, рассматривая ее в качестве верхней границы плиоцена [Никифорова, 1961; Громов, Краснов, Никифорова, Шанцер, 1961]. На наш взгляд, эту точку зрения следует учитывать, так как в последнее время на территории Африки обнаружены еще более древние, чем в Олдувее, антропологические остатки.

Процесс изменения климатических условий в антропогене отразился на фауне, встреченной в соответствующих геологических отложениях. Советские ученые на основании изучения фаунистических остатков, встреченных в разновременных геологических отложениях конца плиоцена и времени антропогена, определили наличие ряда фаунистических комплексов, которые последовательно отражают процесс развития и изменения природной среды, климатических условий в период антропогена в самом широком хронологическом понимании этого термина.

Так, в частности, определены фаунистические комплексы; молдавский (русильонский) соответствует астиийскому ярусу — нижнему виллафранку, в это время были за-

* Некоторые ученые отрицают наличие четвертичных оледенений, объясняя четвертичное похолодание другими причинами [Пидопличко, 1946, с. 51, 54, 56].

фиксированы первые слоны, быки, лошади; хэпровский комплекс отвечает среднему виллафранку; одесский — дунаю, дунаю-гюнцу, являющийся нижней частью эоплейстоцена; таманский, соответствующий гюнцу, являющийся верхом эоплейстоцена; тираспольский — миндель-рису и рису представлял собой средний плейстоцен и, наконец, комплекс, соответствующий рисс-вюрму и вюрму, в котором наблюдаются ранняя и поздние фазы с мамонтом, северным оленем, относящийся к верхнему плейстоцену [Громов, 1948; Громов, Краснов, Никифорова, Шанцер, 1960, 1961; Алексеева, 1961; Никифорова, 1981; Вангейгем, Зажигин, 1982, Четвертичная система, 1982].

После наступления геологической современности за указанными следует современный фаунистический комплекс, который характеризуется наличием современной фауны.

Со времени одесского фаунистического комплекса, выделенного А.И. Шевченко, собственно, и начинается эоплейстоцен, начало которого определяется временем около 2—1,8 млн лет, а конец — 0,7 млн лет. Таким образом, длительность эоплейстоцена около 1—1,3 млн лет [Четвертичная система, 1982]. Нижний плейстоцен определяется временем от 0,7 до 0,35 млн лет, средний плейстоцен относится ко времени от 0,35 до 0,12 млн лет, а верхний — от 0,12 до 0,01 млн лет [Четвертичная система, 1982].

Для фаунистических комплексов плейстоцена свойственны появление и развитие видов, приспособленных для существования в холодном климате. Это мамонт, шерстистый носорог, северный олень. Эти животные в дальнейшем или вымирают при переходе к геологической современности с более теплым климатом или же сохраняются в зоне тундр (северные олени).

Человек и человеческое общество возникли в период, когда в физико-географических условиях возникли признаки похолодания климата, что было следствием влияния ледников. Согласно имеющимся данным науки о происхождении человека, человеческое общество является результатом длительного развития природы, находящейся в вечном движении и преобразовании. Возникновение человека и человеческого общества является наивысшей ступенью развития природного мира — это скачок от биологического к социальному фактору.

Ф. Энгельс писал, что в человеке "природа приходит к осознанию самой себя"*. Решающую роль в процессе возникновения человека и человеческого общества сыграл труд. По заключению Ф. Энгельса, "он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека"**. С помощью труда, орудиями труда человек активно воздействует на природу, господствует над ней.

Человек возник в процессе многолетнего развития природы из ископаемых человекообразных обезьян, которые существовали в тропическом поясе. В настоящее время наука о происхождении человека знает много находок как ископаемых человекообразных обезьян, так и остатков ископаемых людей на различных стадиях развития физического строения скелета, мозга с определенными особенностями. Особенно много данных по этому вопросу за последние десятилетия обнаружено на территории Африки.

В развитии физического типа ископаемых людей антропологи выделяют три стадии: стадия архантропов или обезьяно-людей, характерная для эоплейстоцена, раннего и среднего плейстоцена, стадия палеоантропов или первобытных людей, характерных для первой половины верхнего плейстоцена, и стадия неоантропов или разумных людей, характерных для второй половины позднего плейстоцена, которые ничем существенным не отличаются от современных людей ни по строению скелета и черепа, ни по объему мозга.

Архантропы (питекантропы, парантропы, атлантропы, синантропы, гейдельбергцы и т.д.) проживали в раннем палеолите, неандертальцы — палеоантропы — в среднем палеолите или мустьерской эпохе, а неантропы — в позднем палеолите и мезолите. Это три стадии в развитии физического строения ископаемых людей, которое происходило на протяжении значительного времени, исчисляемого несколькими миллионами лет.

На территории Европы обнаружены остатки архантропов. Речь идет о гейдельбергской челюсти, о находках в Бильцингслебене (ГДР) и Вертешселеш возле Будапешта в Венг-

* Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы // Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 357.

** Там же. — С. 486.

рии. На территории Азии и Африки найдены питекантропы и синантропы. На территории Саропы, как и на других континентах, обнаружены остатки неантропов [Рогинский, Левин, 1963].

Последние открытия на территории Африки коренным образом изменили наши представления как о времени появления древнейших остатков ископаемого человека, так и о появлении человеческого общества в целом [Урысон, 1976]. Они позволили не только определить более глубокую древность ископаемых человекообразных обезьян-австралопитеков — предков человека, а также установить наличие нескольких разновидностей этих существ, одно из которых развилось в направлении человека, но и обнаружить остатки ископаемых человекообразных существ в геологических отложениях более древних, чем четвертичный период в старом понимании этого термина.

В 50–60-х годах в так называемом Олдувейском ущелье в Африке Л. и М. Лики обнаружили остатки ископаемых человекообразных обезьян типа австралопитеков, получивших название президжантропов, и костных остатков современных этим обезьянам примитивных обезьянолюдей — гомо габилис, умевших изготавливать орудия труда из камня. Олдувейский разрез высотой в 100 м дал возможность также зафиксировать наличие и костей питекантропов, которые здесь были обнаружены с орудиями типа рубил; остатки питекантропов стратиграфически перекрывали как остатки австралопитеков-зиджантропов, так и президжантропов — умелых людей или гомо габилис [Дебец, 1964; Кожин, Фролов, 1968; Урысон, 1973].

Изучение калий-аргоновым методом абсолютного времени образцов пород из слоя, где были открыты остатки президжантропов, дало дату 1,88 млн лет [Иванова, 1965]. Следовательно, эта промежуточная форма между австралопитеками и питекантропами существовала в виллафранкское время, являясь более древним видом ископаемых людей по сравнению с питекантропами примерно на 1 млн лет, и представляла собой более древнюю находку по сравнению с началом четвертичного периода в старом понимании этого термина, которое определялось раньше временем в 1 млн лет.

Кроме изучения Олдувейского ущелья на территории Африки проводились исследования и в других районах, принесшие не менее сенсационные результаты по вопросу определения времени появления человека и человеческого общества.

Мы не будем останавливаться на всех этих исследованиях, но отметим несколько, имеющих принципиальное значение для решения интересующей нас проблемы. Так, Р. Лики в Восточной Африке в 1968–1972 гг. в районе оз. Рудольф на стоянках Кооби-Фора, Илерет открыл костные остатки ископаемых гоминид и орудия труда. Абсолютное время этих находок 2,6 млн лет. Кроме того, в 1972 г. этим же исследователем обнаружены остатки почти полного черепа человекообразного существа, в отложениях, датированных временем в 2,8 млн лет; объем мозга составлял 800 см^3 , т.е. на 150 см^3 больше, чем у олдувейского умелого человека.

Другие экспедиции, работавшие в Эфиопии, в местности Хадар, в 70-х годах, также нашли остатки австралопитековых и гоминид. В частности, здесь были обнаружены костные остатки австралопитековых и гоминид и среди них особь существа женского пола прямоходящего предчеловека [Кларк 1977; Урысон 1972].

Учитывая эти данные и другие находки, можно полагать, что появление человека и человеческого общества произошло около 3–2,5 млн лет назад, а прародиной человечества является обширная рифтовая зона Восточной Африки, что не случайно, так как согласно одной из гипотез, объясняющей причины появления человека, во время мощного движения земной коры и деятельности вулканов в рифтовой зоне Восточной Африки произошло усиление радиации, вызвавшей мутационные изменения среди одной из разновидностей австралопитеков, обитавшей в этом районе, в результате чего образовался новый вид.

Таким образом, одна из разновидностей австралопитеков является предками людей. В связи с этим следует отметить, что согласно последним данным по вопросу о времени существования австралопитеков древнейшие среди них датируются временем в 5 млн лет, а наиболее поздние сосуществовали с человекообразными существами типа гомо габилис.

Следует отметить, что, несмотря на наличие данных о древнейших человекообразных существах, вопрос о выделении древнейшей стадии в процессе антропогенеза пока еще является дискуссионным среди специалистов. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться общепринятого взгляда о трех стадиях развития физического типа человека, со-

ответствующих определенным периодам палеолитического времени — наиболее древнего этапа в развитии первобытнообщинного строя.

В период палеолита бытовали орудия из различных пород камня, приспосабливающее хозяйство (охота, собирательство) обеспечивало ископаемому человеку возможность существования в условиях низкого уровня развития производительных сил. В это время сформировался физический тип современного человека, он научился добывать и использовать огонь, изготавливать разнообразные орудия труда, оружие, сооружать жилища, готовить одежду и др. В палеолитическое время возник родовой строй, который сменил первобытное человеческое стадо, наблюдавшееся на наиболее древних ступенях этого периода.

В качестве названия для древнего каменного века термин палеолит (из греческого языка: *палайос* — древний, *литос* — камень) был впервые предложен в 1865 г. английским ученым Д. Лебокком. Несколько позднее этот период начали разделять на три ступени: ранний (или нижний), средний и поздний (или верхний), которые были выделены на основании наличия особенностей в технике обработки кремня.

В дальнейшем среди многих исследователей этого периода распространилось мнение о необходимости разделять палеолит лишь на два этапа, ибо средний палеолит, или мустьерское время стали включать в раннепалеолитическую ступень. Это, по мнению автора, неправильно, так как нельзя объединять в одну ступень представителей различных стадий в развитии физического типа человека. Его формирование в процессе антропогенеза произошло на протяжении длительного времени, исчисляемого сотнями тысяч и даже миллионами лет. Нельзя объединять в одну ступень архантропов и палеоантропов, которые имели значительные отличия в степени развития материальной культуры.

В прошлом столетии прогрессивный французский ученый Г. Мортилье предложил для палеолита хронологическую шкалу с учетом господствующих форм кремневых орудий и стратиграфических условий их залегания на памятниках Франции. Были выделены шельская, мустьерская, солютрейская и мадленская эпохи.

Эта хронологическая классификация, уточненная впоследствии А. Брейлем и О. Картальяком, имеет определенное значение и сейчас, хотя в последнее время среди исследователей наблюдается тенденция выделения в ряде районов развития палеолитической культуры локальных культур, среди которых многие параллельно сосуществовали. В результате этого вопросы хронологии остаются менее разработанными, так как хронологическая шкала Мортилье — Брейля почти не применяется или применяется лишь для территории Западной Европы, общепринятых хронологических шкал для нашей территории в настоящее время пока нет. Они только разрабатываются, а существуют лишь локальные хронологии для отдельных районов, разработанные преимущественно на типологической основе и трудно сопоставимые между собой. Лишь некоторые порайонные хронологические шкалы базируются на стратиграфических данных. Первым шагом в отношении разработки хронологии палеолита для нашей территории является хронологическая схема, опубликованная в 1984 г. [Палеолит, 1984]. Кроме этого, следует отметить, что в последнее время стали выделяться культуры не только в позднем палеолите, но и в среднем, и даже в раннем, что не всегда оправдано и в необходимой степени аргументировано.

В дальнейшем материалы мы будем излагать соответственно трем этапам палеолита, древнейшим из которых является ранний палеолит.

РАННИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Р а н н и й п а л е о л и т в настоящее время, учитывая последние открытия на африканском континенте, датируется временем от начала существования человека и человеческого общества — от 3—2,5 млн лет до 120 тыс. лет — до начала среднего палеолита.

Ранний палеолит условно разделится одними исследователями на олдувейскую, шельскую (аббевильскую) и ашельскую эпохи по названию соответствующих памятников на территории Африки и Европы, а другими — на олдувейскую, раннеашельскую (вместо шельской), средне- и позднеашельскую эпохи, включая в ранний палеолит и мустье [Палеолит, 1984].

Геологически ранний палеолит датируется временем эоплейстоцена с астиийским ярусом, ранним и средним плейстоценом. Наиболее древние этапы раннего палеолита — это время существования первобытного человеческого стада [Черныш, 1983].

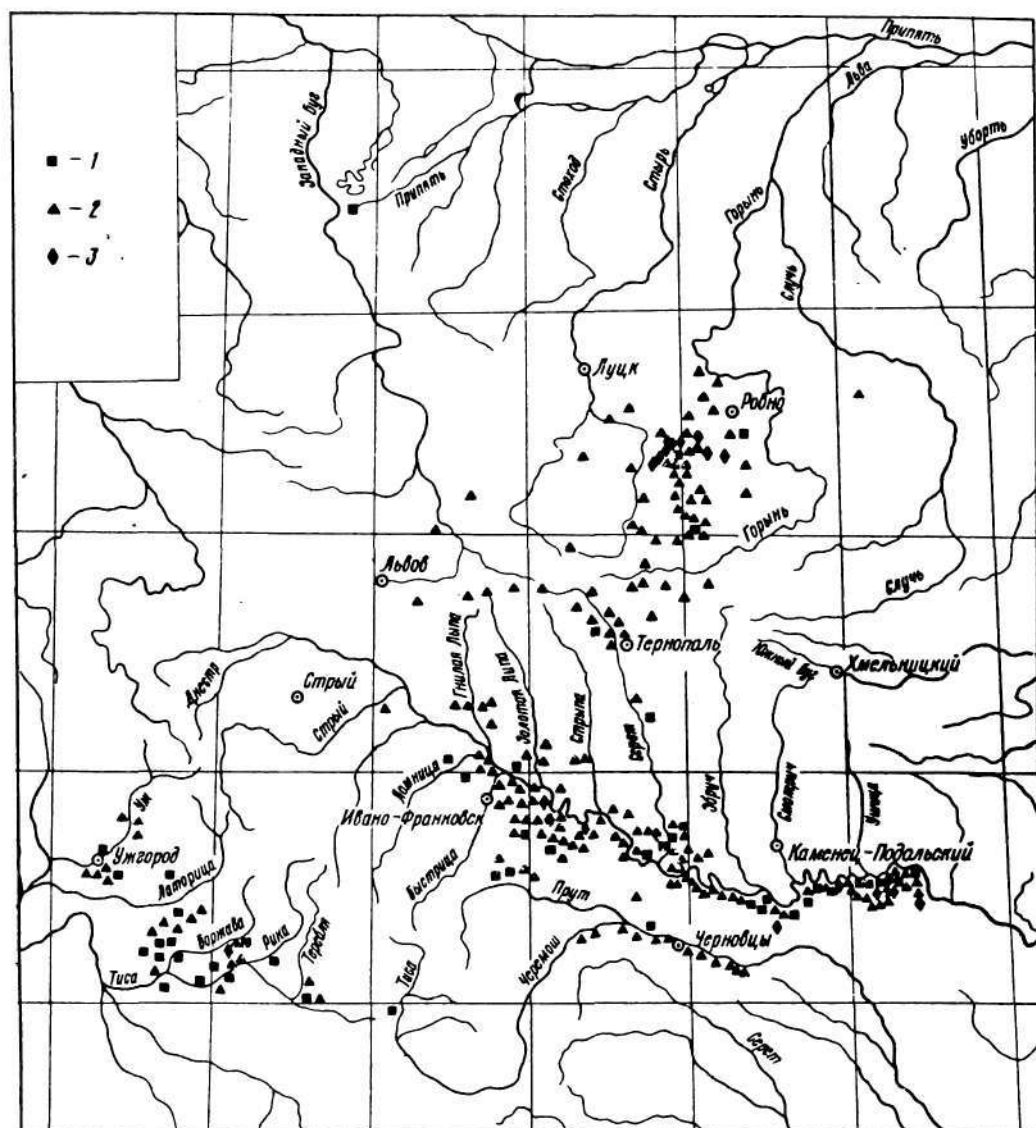

Рис. 3. Схематическая карта основных стоянок и местонахождений палеолита западного региона УССР.

1 — ранний и средний палеолит; 2 — поздний палеолит; 3 — многослойные стоянки

Основным видом хозяйственной деятельности в раннепалеолитическое время являлись собирательство и охота. Для этого периода характерно употребление наиболее примитивных орудий труда из камня типа расколотых или оббитых галек и рубил, являвшихся универсальными орудиями. В это время существовали ископаемые люди типа питекантропов, синантропов, атлантропов, которые известны преимущественно из местонахождений, открытых в Африке, Азии и Европе.

На территории СССР каменные изделия раннепалеолитического времени обнаружены на Кавказе, в Средней Азии, на территории УССР. На некоторых стоянках произведены стационарные исследования, но антропологических остатков этого времени пока не встречено. Единственным исключением пока является находка челюсти человека с переходными от архантропов к палеоантропам чертами — Азыжская пещера в Азербайджане [Гаджиев, Гуссейнов, 1970; Гуссейнов, 1985].

Разведками установлено наличие раннепалеолитических местонахождений на террито-

рии Поднестровья [Борисковский, 1953; Черныш, 1965, 1973; Анисюткин, 1981]. Наиболее известным из них является местонахождение возле с. Лука Врублевская Хмельницкой области, открытое в 1946 г. на бечевнике левого берега Днестра П.И. Борисковским и С.Н. Бибиковым [Борисковский, 1953]. Здесь были собраны ручные рубила, массивные отщепы из черного кремня. Дополнительные сборы материалов на этом местонахождении произвел А.П. Черныш. Комплекс изделий местонахождения Лука Врублевская датируется раннеашельским временем [Борисковский, 1978]. Стратиграфической привязки данное местонахождение, к сожалению, не имеет.

В окрестностях Луки Врублевской, но на склоне плато, обнаружено еще одно раннепалеолитическое местонахождение с наличием кремневых изделий [Черныш, 1965, 1973].

Много местонахождений встречено на правом берегу Днестра вблизи с. Бабин Кельменецкого района Черновицкой области. Во время разведок на правом берегу Днестра А.П. Черныш на поверхности склона высокой террасы в урочище "Яма" на стоянке Бабин I собрал кремневые изделия, состоящие из двухплощадочного нуклеуса, скребовидного орудия, массивных отщепов, сколотых под тупым углом с крупными ударными площадками. Находки имеют следы выветривания поверхности [Черныш, 1965]. На мысу высокой террасы правого берега Днестра, возле с. Мысуровка Заставновского района Черновицкой области, в 1951 г. автор на поверхности в слое галечника обнаружил кремневые находки со следами оббивки и выветривания, рубилообразное орудие [Черныш, 1973]. Группу отщепов архаического облика собрал геолог Г.И. Раскатов на высокой террасе правого берега Днестра возле с. Букивна Городенковского района Ивано-Франковской области [Раскатов, 1954].

Ряд местонахождений на Днестре открыл Н.К. Анисюткин. Среди них отметим местонахождение Дарабаны-Кетросы на правом берегу Днестра, в районе с. Дарабаны Хотинского района Черновицкой области, в 70 м южнее стоянки Кетросы (Дарабаны VI). Здесь Н.К. Анисюткин обнаружил обломок бифаса из алеврита-песчаника [Анисюткин, 1981].

Ниже по Днестру, на территории МССР, во время разведочных работ также открыт ряд местонахождений с находками ашельского времени.

Открытие большинства указанных местонахождений на высоких террасах, кроме переложенных местонахождений на бечевниках, является опеределенным показателем их древности, так как высокие террасы, начиная с третьей, датируются временем не ранее рисского оледенения [Иванова, 1977].

Раннепалеолитические местонахождения Поднестровья относятся к различным фазам ашельского времени, включая и ранний ашель. Они свидетельствуют о том, что заселение Поднестровья происходило в ашельское время. Наличие большого количества местонахождений в южной части Поднестровья дает основания полагать, что заселение происходило с юга. В связи с последним отметим также раннепалеолитические находки на р. Прут Черновицкой области УССР, где найдены раннепалеолитические изделия в окрестностях г. Черновцы (местонахождение Лутария), подтверждающие продвижение древнего населения с юга на север [Анисюткин, 1981]. На указанных местонахождениях Поднестровья остатков фауны не сохранилось. Поэтому основным показателем для определения характера хозяйственной деятельности древнего населения раннепалеолитического времени являются кремневые изделия. Состав этих изделий (скреблообразные орудия, отщепы с ретушью, употребляющиеся как ножевидные орудия, несколько рубилец) дает основание полагать, что они использовались как для собирательства, так и обработки охотничьей добычи. Собирательство было одним из главных хозяйственных занятий ископаемого человека в раннепалеолитическое время.

Больше данных о раннепалеолитических местонахождениях мы имеем в настоящее время с территории Закарпатья. Материалы раннепалеолитического времени были собраны в 1967–1968 гг. геологом В.Ф. Петрунем во время разведочных работ, осуществленных в окрестностях с. Рокосово Хустского района Закарпатской области.

На поверхности склонов вершин и в стенках оврагов предгорьев Карпат им открыто два местонахождения — Рокосово 1 и Рокосово 2. Здесь собраны нуклеусы, рубилообразные орудия, массивные отщепы и пластины, изготовленные из обсидиана, андевита, кварцеобразного песчаника. Местонахождение датировалось ашельским временем, часть материалов относилась к мустье. Эти находки привели к более широкому изучению палеолита данной территории.

Так, в 1969 г. указанные местонахождения возле с. Рокосово обследованы возглавляемой В.Н. Гладилиным Закарпатской палеолитической экспедицией, начавшей регулярные систематические исследования в этом районе. На местонахождениях Рокосово I и Рокосово II обнаружены новые дополнительные материалы, а также было открыто восемь новых местонахождений в окрестностях с. Рокосово (местонахождение Рокосово III, Рокосово X) и на других пунктах [Гладиллин, Смирнов, 1970; Гладиллин, 1975].

Среди новооткрытых местонахождений привлекает внимание стоянка Королево I на высоком левом берегу Тисы, в карьере для добычания щебня, на горе Сергейль, которая является высокой стометровой раннечетвертичной террасой древнего верхнететисского озера.

Стоянка Королево I на протяжении многих лет (начиная с 1974 г.) систематически исследуется Закарпатской палеолитической экспедицией АН УССР под руководством В.Н. Гладиллина. Стационарные исследования позволили обнаружить здесь серию (девять) слоев раннего и среднего палеолита на глубине до 12 м от поверхности, дающих стратиграфическую колонку развития культуры ископаемого человека от ашеля по мустье включительно. Толщина четвертичных отложений мощностью в 12 м здесь разделена семью горизонтами ископаемых почв [Гладиллин, 1978, Солдатенко, 1982]. В указанной толще наблюдались остатки от девяти раннепалеолитических культурных горизонтов и одного позднепалеолитического. Нижние три относятся к раннему палеолиту.

По мнению В.Н. Гладиллина, самый нижний седьмой горизонт прослеживался на границе между пестроцветными глинами и восьмой прослойкой — желто-коричневыми суглинками [Гладиллин, 1977]. Среди собранных здесь изделий — рубила, чопперы, грубые скребловидные и скобелевидные орудия, отщепы клэктонского характера. Слои датировались ранним аше́лем.

Шестой горизонт культурных остатков прослежен на самой нижней ископаемой почве, залегающей между восьмым и седьмым геологическими прослойками. Среди собранных здесь находок — обломки рубил и рубящих орудий, скребловидные орудия, леваллуазские нуклеусы, массивные отщепы и пластины. Этот слой датировался средним аше́лем (рис.4).

Наконец, третий раннепалеолитический слой был зафиксирован в верхней части пятой прослойки суглинков. Среди изделий прослеживается сочетание клэктонских, леваллуазских и протопризматических приемов обработки кремня. Датировается слой поздним аше́лем.

Ашельские слои аналогичны материалам из Рокосово I. Геологическое время ашельских слоев Королево I гляциррисс.

Материалы ашельских слоев Королево I, как и мустьерских, не содержат остатков фауны. Они не имеют палеонтологического обоснования, но дают стратиграфическую колонку развития культуры ископаемого человека для ашеля Закарпатья, а также позволяют определить особенности развития культуры в данном районе в ашельское время [Гладиллин, 1978, 1981].

На территории Юго-Западной Волыни раннепалеолитических изделий пока не обнаружено, но наличие таких находок в районе Житомира, найденных В. Месяцем [Месяц, 1962, 1962 а], а также переотложенных в районе Шацких озер [Черныш, Богущкий, Артюх, 1987] дает основание полагать, что процесс заселения Волыни также происходил в ашельское время.

Больше имеется сведений о мустьерском времени. Мустьерское или среднепалеолитическое время относится к периоду от 120 до 35 тыс. лет, учитывая существующие радиоуглеродные датировки ряда стоянок. Человечество в своем развитии в этот период сделало ряд важнейших завоеваний в развитии хозяйства, культуры и социального строя. Человек освоил огонь, научился сооружать жилища различных типов для долговременного обитания и поселки из групп жилищ, являвшиеся родовыми, в этот период возникает искусство, родовой строй и, возможно, счет. Для кремневых изделий этого периода характерны такие изделия, как остроконечники и скребла, но появляются и другие категории орудий, свидетельствующие о развитии специализации труда и разделении труда по полу, о дальнейшем развитии производительных сил.

Для мустьерского времени характерен физический тип палеоантропов или неандертальцев. На территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья известно более 50 стоянок мустьерского времени. Наличие на этой территории более значительного количества стоянок и местонахождений по сравнению с раннепалеолитическим временем является показателем того, что увеличилось количество древнего населения в этом районе. На ряде стоянок му-

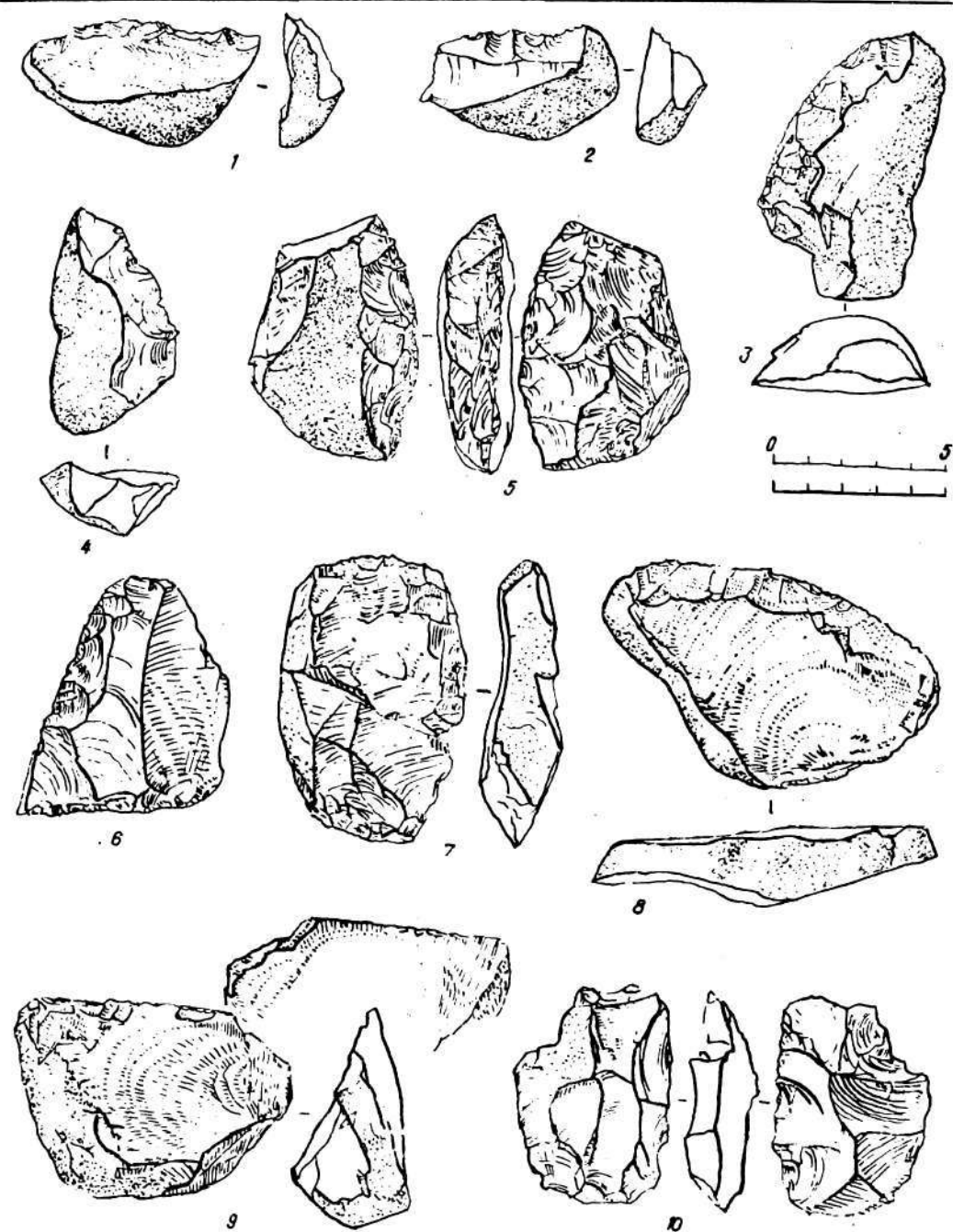

Рис. 4. Изделия ашельского времени. Стоянка Королево I, шестой слой (по В.Н. Гладилину)

стьерского времени были осуществлены стационарные раскопки на большой площади, что позволило получить разнообразные материалы для характеристики хозяйства, культуры и социального строя населения, обитавшего здесь в среднепалеолитическое время.

В пределах Прикарпатья, Волыни и Закарпатья одним из наиболее изученных районов является Поднестровье, где осуществлены многолетние исследования серии многослойных памятников, имеющих эталонное значение для изучения хозяйства, культуры и социального строя древнего населения Европейской части СССР и прилегающих районов Европы, для разработки многих проблем палеолита.

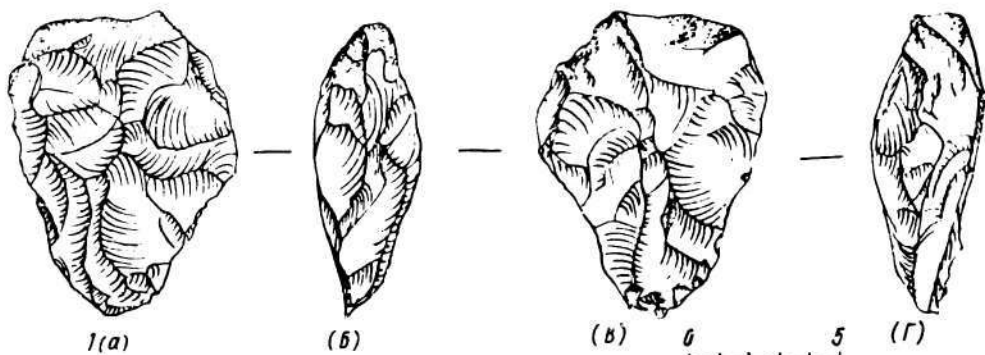

Рис. 5. Ручное рубило. Стоянка Молодова I, пятый слой мустье

Среди мустьерских памятников Поднестровья, изученных на большой площади, наиболее ценными являются стоянки Молодова I, Молодова V, расположенные на правом берегу Днестра возле с. Молодова Сокирянского района Черновицкой области.

Многослойная стоянка Молодова I, которая была открыта в 20-х годах румынскими геологами, расположена в отложениях тыловой части второй надпойменной террасы Днестра [Иванова, 1980]. Осуществленные здесь в 1955–1961, 1963 и 1974–1984 гг. раскопки на большой площади Днестровской палеолитической экспедицией, возглавляемой А.П. Чернышем, позволили обнаружить и изучить остатки девяти разновременных поселений: пять нижних относятся к мустьерскому времени. Они исследованы на площади около 1400 м² на глубине 10–12 м от поверхности. Изучение этих поселений позволило открыть разнообразные кремневые изделия, кости ископаемых животных, остатки краски, угля, кострищ, руины различного типа жилищ [Черныш, 1961, 1982].

Среди мустьерских поселений стоянки наиболее богатым по количеству культурных остатков является поселение четвертого слоя мустье, находившееся в третьей от сажистого прослоя полосе сизых суглинков — горизонте оглеения, на глубине 11,5–11,7 м от поверхности. Здесь было открыто сооружение типа яранги размерами 5 x 8 м по внутреннему кольцу. Основание жилища сооружено из костей мамонта, оно имело овальную форму. Само жилище — овальный цоколь — состояло из крупных костей мамонта (12 расколотых черепов, 34 лопатки, тазовые кости, 51 кость конечностей, 15 бивней, 3 нижних челюсти). Внутри жилища было 16 кострищ, более 30 тыс. кремневых изделий, большое количество костонных остатков — костей животных (мамонт, северный олень, лошадь, зубр, носорог, лось, волк, заяц, бурый медведь, птицы и т.д.), терки, отбойники.

Изучение площади поселения на протяжении многих лет позволило обнаружить серию других жилищ, но менее долговечных, сооруженных также из костей мамонта, имевших овальную или округлую форму. Средние размеры руин этих жилищ — 30 м². Остатки яранги, являвшейся долговременным зимним жилищем, окружались остатками более кратковременных осенних, весенних и летних жилищ. Это было долговременное поселение.

Исключительный интерес имеет открытие остатков удлиненной формы кладовой — хранилища запасов мяса и костей — строительного материала для сооружения жилищ. Размеры этой камеры хранилища-погреба — 28 м² (8 x 3,5 м), а глубина от древней поверхности 0,8–1,2 м. Она конструктивно входит в западную часть трехкамерного 10-го жилища. В камере-погребе найдены остатки 10 черепов, 27 бивней, 13 лопаток, 10 тазовых костей, ребер, 19 костей конечностей.

Если учесть, что на площади яранги было 12 черепов, на остальной площади 2 черепа, а внутри кладовой 10, то можно полагать, что человек истребил стадо из 24 мамонтов. Если же учесть остатки бивней и произвести соответствующие подсчеты, то это число будет еще большим. На площади поселения встречены также предметы искусства: кости со следами черной или красной краски, а также со следами гравировки, передающие мотивы прямых и волнистых линий, зигзагов.

Наличие на площади яранги многочисленных культурных остатков является свидетельством длительного пребывания мустьерского человека на данном участке: здесь не только

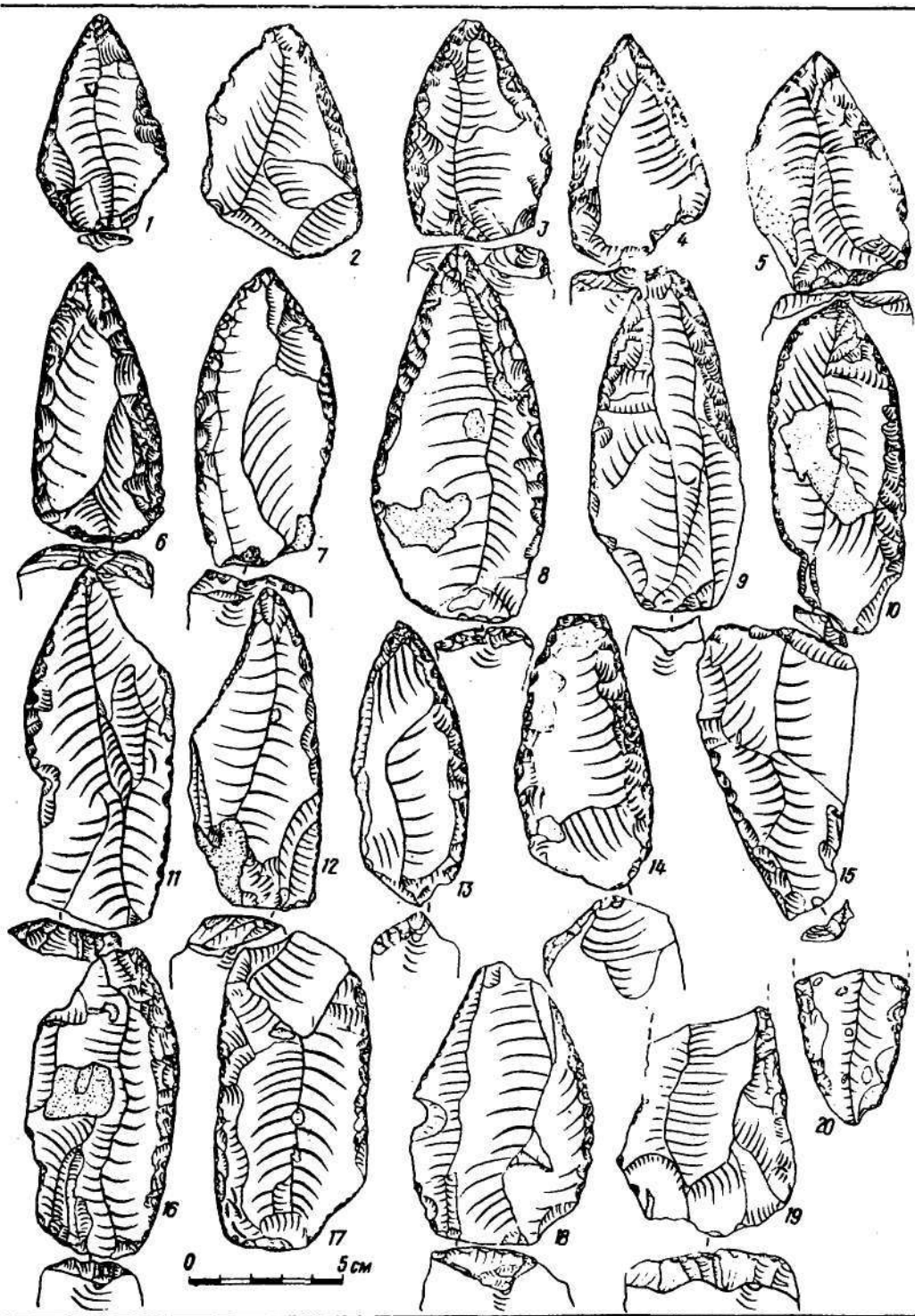

Рис. 6. Кремневые изделия мустьерского времени. Стоянка Молодова I, четвертый слой мустье. Абсолютное время больше 44000 лет

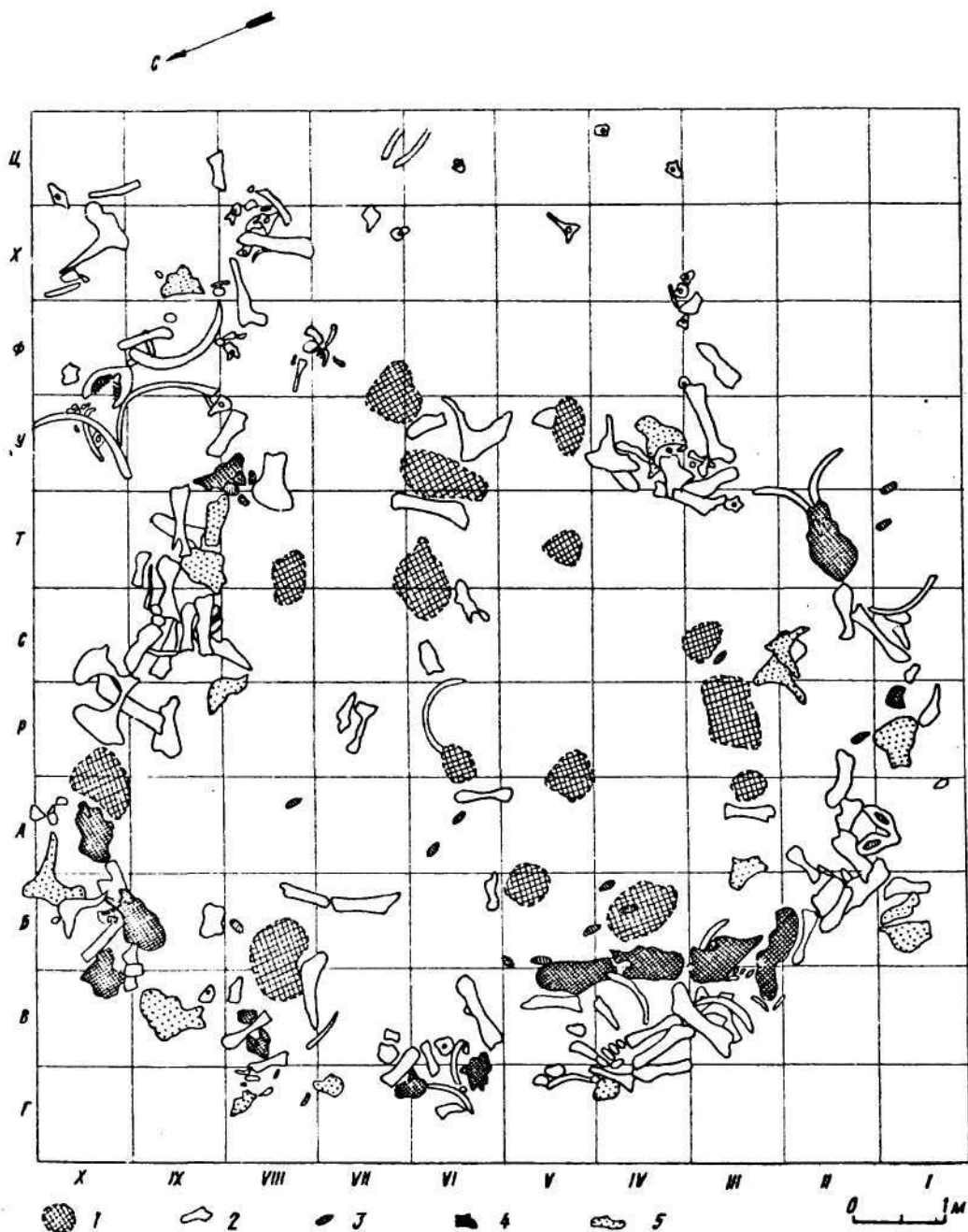

Рис. 7. План остатков зимнего долговременного жилища типа яранги. Стоянка Молодова I, четвертый слой мусья.

1 — остатки кострищ; 2 — кости животных; 3 — зубы мамонта; 4 — остатки черепов; 5 — лопатки мамонта

употреблялась в пищу охотничья добыча, но и обрабатывался кремь, изготовлялись орудия труда.

Среди обнаруженных на площади поселения орудий — ножевидные изделия, остроко-
нечники, скребла, зубчатые орудия и т.д. На изученной площади поселения открыты также
остатки мастерских по изготовлению орудий — специальных участков, где, кроме площади
долговременного жилища типа яранги, также обрабатывался кремь. Таких участков бы-

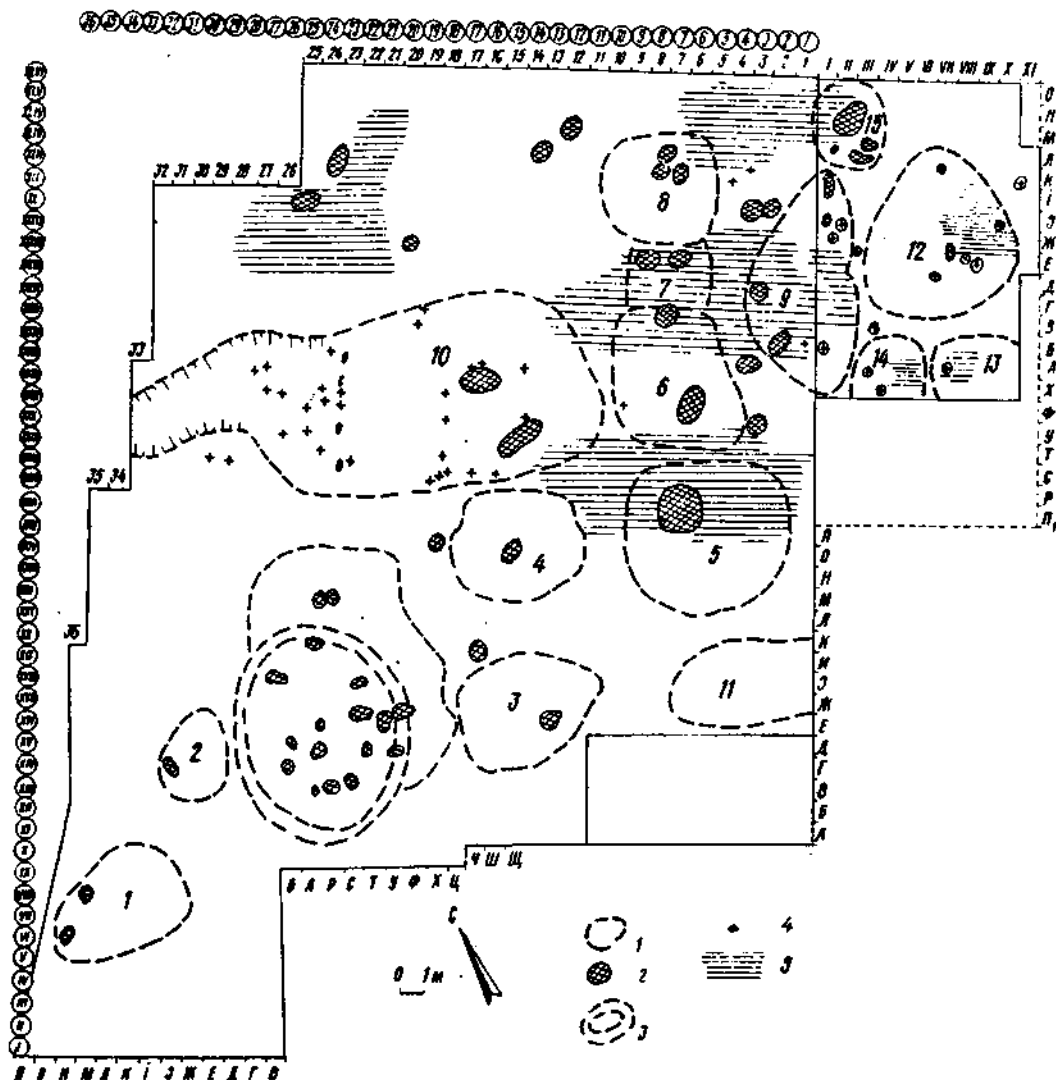

Рис. 8. Стоянка Молодова I, четвертый слой мутья. План поселения.
 1 — остатки скоплений; 2 — кострища; 3 — жилища типа яранг; 4 — кости; 5 — места обработки кремня

ло открыто четыре. Всего на изученной площади поселения обнаружено около 40 тыс. кремневых находок. Среди них 1016 орудий труда. В большом количестве прослежены терки и отбойники из галек, которые употреблялись для обработки продуктов собирательства и обработки кремня. Таких предметов в четвертом слое найдено 150.

Анализ остатков древесного угля из жилища, осуществленный в groningenской лаборатории по радиоуглеродному методу, дал число 44000 лет назад со знаком больше, так как окончательной цифры не установлено. Обитатели поселения охотились на таких животных, как мамонт (ранний вид), являющийся преобладающим видом среди охотничьей добычи, лось, северный олень, бурый медведь, лошадь, зубр, шерстистый носорог, заяц, волк и др. Кости мамонта широко использовались в качестве строительного материала для сооружения жилищ.

Открытие в четвертом слое остатков долговременного коллективного жилища дало основание автору в свое время поставить вопрос о возникновении родового строя в мустьерское время [Черныш, 1961, 1964, 1965, 1973]. Это мнение в настоящее время разделяют многие советские исследователи. Изучение этой стоянки в последние годы на большой площади позволило прийти к выводу о наличии в мустьерское время на стоянках открыто-

го типа родовых поселков на удобных для проживания местах, состоявших из серий жилищ различного характера. В четвертом слое таких жилищ было обнаружено 16.

На стоянке Молодова I, кроме поселения четвертого слоя мустье, были обнаружены еще четыре мустьерские поселения. На них найдены остатки кострищ, кремневые изделия, орудия труда (остроконечники, скребла, ножевидные орудия), а также остатки охотничьей добычи — кости животных, среди которых преобладал мамонт [Черныш, 1961, 1965, 1982]. Эти мустьерские поселения, как и четвертый слой, относятся к леваллуазскому варианту мустье. Следует отметить, что в мустьерских слоях стоянки Молодова I изредка также встречались орудия с двусторонней обработкой типа рубил*.

Так, в частности, в 1983 г., в пятом слое мустье, самом низком стратиграфически, на глубине около 12 м от поверхности было найдено треугольное рубило с двусторонней обработкой. Это говорит о том, что для молодовского мустье-леваллуа рубила также характерны, хотя их было встречено немного.

Уникальное открытие было сделано во втором слое мустье стоянки Молодова I: на глубине 8,75—8,55 м от поверхности, во второй от сажистого прослоя полоске сизых суглинков, на площади скопления культурных остатков выявлена лопатка мамонта с выгравированной контурной фигурой животного (олень или лось?), зигзагообразными линиями, углами, треугольниками, волнистыми линиями, знаком женского пола, следами нарисованных черной краской линиями, следами многочисленных ударов. По мнению автора, здесь передана сцена охотничьей магии. Эта находка с учетом данных других мустьерских памятников дала основание исследователю поставить вопрос о наличии искусства в мустьерское время и о том, что истоки искусства следует искать в ашельское время [Черныш, 1978, 1979, 1982].

Следующим уникальным памятником Поднестровья является многослойная стоянка Молодова V, находящаяся в 1,2 км от предыдущей. Стоянка расположена на мысообразном пологом склоне правого берега к второй террасе [Иванова, 1980]. Она открыта в 1948 г., исследовалась в 1951, 1953—1958, 1960—1964 гг. Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук, возглавляемой автором [Черныш, 1961, 1965, 1973]. Во время исследований стоянки найдены остатки 20 разновременных поселений, находившихся на глубине от 0,7 до 11 м от поверхности. Стоянка дает стратиграфическую колонку развития культуры ископаемого человека на протяжении около 30 000 лет.

Мустьерские слои стоянки обнаружены на глубине 9—11 м от поверхности в суглинках и отложениях сизых суглинков — горизонтах оглеения. Мустьерские слои исследованы на площади 256 м².

Два наиболее богатых мустьерских поселения стоянки Молодова V во время полевых исследований были зафиксированы как слой 11 и 12.

Остатки поселения 11 слоя обнаружены на глубине 9,5—9,65 м в светло-желтых суглинках. На исследованном участке прослежено значительное количество культурных остатков (нуклеусы, скребла, остроконечники, ножевидные орудия, отбросы производства, обломки костей ископаемых животных, остатки угля, краски, терки и отбойники из галек, кострища), которые представляли собой два скопления: более интенсивного центрального и менее интенсивного юго-восточного. Площадь центрального скопления 63 м² (9 x 7), толщина линзы в центральной части этого скопления 15—20 см. По краям его наблюдались крупные кости мамонта (лопатки, бивни, тазовые кости, расколотые черепа, кости конечностей) и шерстистого носорога (конечности и лопатки). Всего здесь обнаружено 6 бивней, 11 тазовых костей, 7 черепов, 2 челюсти, 8 лопаток, 16 костей конечностей мамонта. В границах овального скопления прослежены остатки пяти кострищ. Линза скопления имела темный цвет, была заполнена кремневыми изделиями, обломками костей, остатками угля, кусочками краски.

Характер расположения культурных остатков в пределах центрального скопления 11 слоя стоянки Молодова V дает основание для заключения, что здесь также были открыты остатки долговременного жилища мустьерского времени, которое по радиоуглеродному методу датируется временем 40300 и 45600 лет назад (со знаком больше).

Обитатели поселения охотились на мамонта (ранний вид), бурого медведя, пещерного льва, шерстистого носорога. Кроме охоты важной отраслью хозяйства этого времени также являлось собирательство.

* В настоящее время стоянка Молодова I затоплена водохранилищем Могилев-Подольского комплексного гидроузла.

Остатки поселения 12 слоя стоянки Молодова V обнаружены на глубине 10,33–10,5 м от поверхности в светло-желтых суглинках делювиального происхождения. На исследованной площади найдены два скопления культурных остатков: северное и западное. Размеры наиболее интенсивного северного около 30 м² (5 x 6 м), оно имело овальную форму. Толщина линзы этого скопления 5–10 см, линза имела темный цвет, в границах линзы прослежены остатки древесного угля, остатки краски — охры, обломки костей ископаемых, терки и отбойники из галек, нуклеусы, орудия, отбросы производства. В центральной части скопления обнаружены остатки кострища глубиной 20 см. По краю скопления на ряде участков встречались крупные кости мамонта: обломки конечностей, лопатки, бивни. Некоторые бивни верхними концами были ориентированы к центру. Следовательно, они составляли каркас сооружения для жилья мустьерского времени.

Западное скопление 12 слоя, менее интенсивное по количеству культурных остатков, также имело размеры около 30 м², в центре наблюдались остатки кострища. Это, по-видимому, остатки жилища.

Среди охотничьей добычи поселения 12 слоя преобладают кости мамонтов (ранний вид), но встречены остатки и зубра. Обитатели этого поселения кроме охоты занимались и собирательством. О последнем свидетельствуют находки многочисленных терок и остатков краски.

Мустьерские поселения многослойных стоянок Молодова I и Молодова V геологически датируются временем конца брерупа — одного из интерстадиалов первой половины вюрма [Иванова, Ренгартен, Болиховская, 1981].

Мустьерские поселения Молодова I и Молодова V относятся к варианту мустье с леваллуазскими чертами в технике обработки кремня. Материалы этих поселений аналогичны ряду памятников Закарпатья (верхние слои Королево I), Поднестровья (Кетросы), Крыма, Поднепровья, Кавказа, Румынии, Передней Азии, Средней Азии и других территорий. Леваллуазский вариант мустье имеет широкое территориальное распространение.

В 1969–1974 гг. Днестровская палеолитическая экспедиция Института общественных наук АН УССР, работавшая под руководством автора при участии ряда специалистов других отраслей (геологи, геофизики, палеоботаники, почвоведы, палеонтологи), провела стационарные исследования стоянки Кормань IV, расположенной в отложениях второй надпойменной террасы Днестра возле с. Кормань Сокирянского района Черновицкой области УССР. Здесь были прослежены остатки 16 разновременных поселений [Черныш, 1977, Иванова, 1977]. Часть этих поселений по геологическим условиям залегания сопоставляются с соответствующими слоями стоянок Молодова I и Молодова V. Нижние слои стоянки Кормань IV относятся к мустьерскому времени.

Следы поселения 12 слоя зафиксированы на глубине 11,5–11,7 м от поверхности в нижней части нижнего яруса ископаемой почвы. Здесь прослежены остатки костей раннего вида мамонта, ископаемой лошади, носорога, зубра. Среди кремневых изделий — пирамидальные и двухплощадочные нуклеусы со следами подтески, массивные отщепы с грубой подправкой ударных площадок, несколько скребел. Следов тонкой подправки краев ударных площадок в отличие от стоянок Молодова I и Молодова V здесь не установлено.

На глубине 10,8–11,3 м от поверхности, в верхней части нижнего яруса ископаемой почвы, в интенсивном сажином прослое — остатках пожара, был зафиксирован 11 слой*. Здесь обнаружены кости мамонта, лошади, обыкновенного оленя, северного оленя, найдены в небольшом количестве и кремневые изделия, состоящие из нуклеусов с подтеской краев, отщепов с грубой подправкой ударных площадок, массивных орудий для резания.

Радиоуглеродная датировка 11 слоя, произведенная в гринингенской лаборатории, позволила получить конечную абсолютную дату (44400 плюс 2050 минус 1605 лет.). Геологически по И.К. Ивановой 11 и 12 слои стоянки Кормань IV относятся к одному из вюрмских интерстадиалов, имеющих название Поперинге и Моерсфорд [Иванова, 1977]. Они наблюдаются во второй фазе вюрмского оледенения и геологически являются более поздними, чем молодое мустье-леваллуа.

Поздние поселения зафиксированы на глубине 9,6–9,8 м от поверхности (10-й слой) в среднем ярусе ископаемой почвы. Найдены остатки костей зубра, а также кремневые изделия: нуклеусы, отщепы и пластины с подправкой краев ударных площадок. Геоло-

* Сажиный прослой прослеживался и на стоянках Молодова I, Молодова V, Атаки I, а также на стоянке Эринсдорф в ГДР.

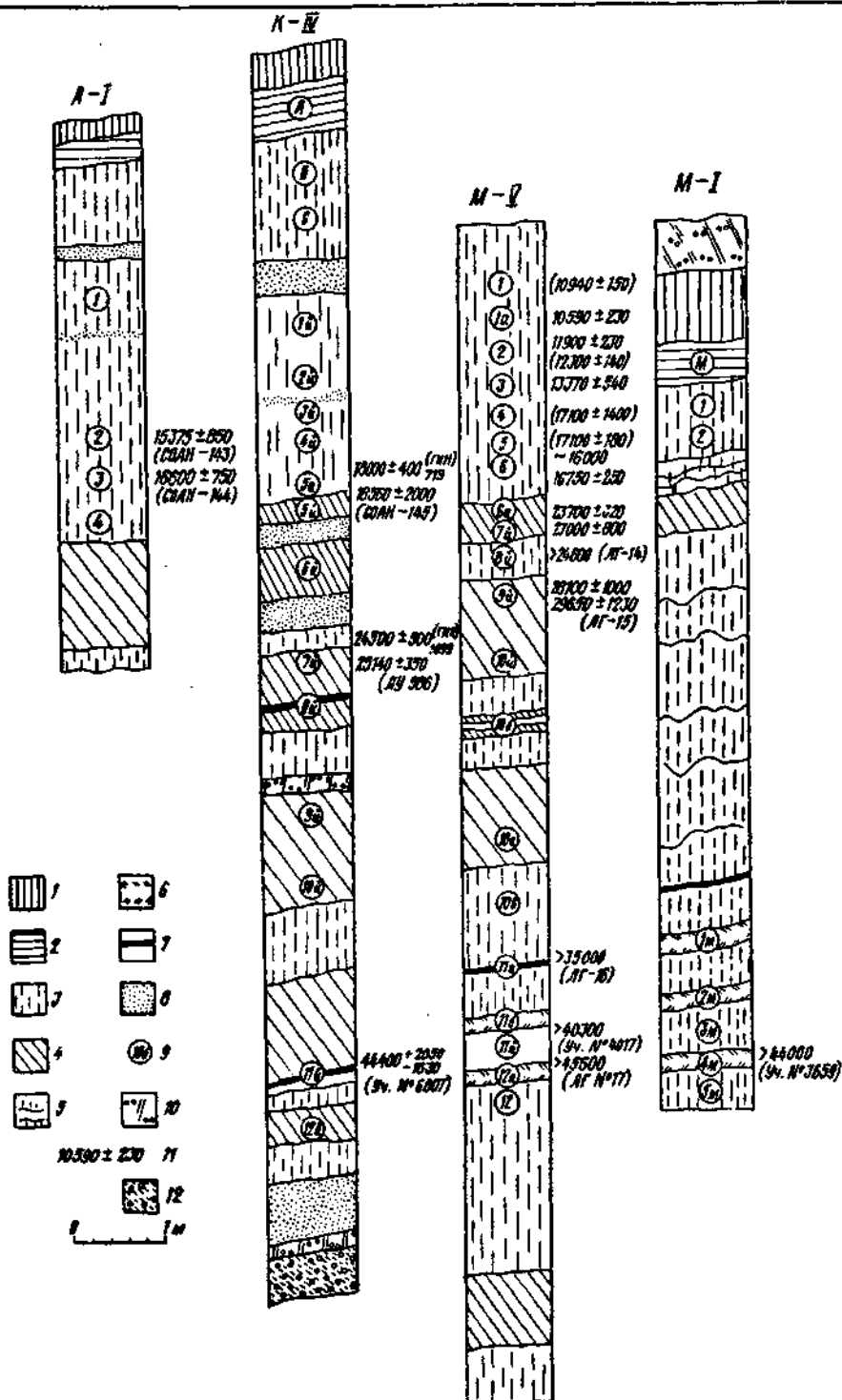

Рис. 9. Схема стратиграфического сопоставления разрезов многослойных стоянок Поднестровья, имеющих определения абсолютного времени по радиоуглеродному методу.

А-I стоянка Атаки I; К-IV стоянка Кормань IV; М-V стоянка Молодова V; М-I стоянка Молодова I.

Условные обозначения: 1 — гумусированный слой; 2 — подпочва B; 3 — лессовидный суглинок; 4 — ископаемая почва; 5 — слоистые суглинки; 6 — сизый суглинок (горизонт оглеения); 7 — сажи́стая прослойка; 8 — прослойки песка; 9 — культурные слои и горизонты; 10 — щебень; 11 — абсолютное время; 12 — галечные отложения

гически эти находки датируются временем интервала Хенгело, Подградьем внутри второй холодной фазы Вюрма [Иванова, 1977]. Археологически этот комплекс, по-видимому, аналогичен слою 10 стоянки Молодова V [Иванова, 1977, Черныш, 1977, 1973].

На глубине 8,8—9,3 м в среднем ярусе ископаемой почвы встречены находки девятого слоя. Здесь обнаружены обломки костей ископаемой лошади, обыкновенного оленя, лося, а также небольшое количество кремневых изделий, состоящих из крупных двуплощадочных нуклеусов, отщепов со следами подправки ударных площадок. Наконец, на глубине 7,8—8,2 м от поверхности, в сажистом прослое и слое ископаемой почвы под ним наблюдались обломки костей носорога, а также кремневые изделия, состоящие из нуклеусов, скребков-резцов, отщепов со следами подправки краев ударных площадок. Эти слои являются переходными между мустье и поздним палеолитом, свидетельствующие о том, что разрыва между мустье и поздним палеолитом не существует, что мустьерские традиции сохраняются в памятниках начальной фазы позднего палеолита.

Следует отметить еще один многослойный памятник в отложениях второй надпойменной террасы, где были прослежены мустьерские следы. Это стоянка Атаки I Кельменецкого района Черновицкой области, исследованная Днестровской палеолитической экспедицией в 1965 г. Здесь в прослойке ископаемой почвы на глубине 4,9—5,7 м от поверхности прослежены изделия мустьерского облика, состоящие из одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов, массивных отщепов и пластин со следами подправки ударных площадок.

Нельзя не отметить также многослойную стоянку Оселивка I, исследовавшуюся Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук АН УССР в 1966—1968, 1985—1986 гг., находящуюся на третьей террасе правого берега Днестра у с. Оселивка (Кишла Неджимова) Кельменецкого района Черновицкой области. На этой стоянке во время раскопок на глубине 4—4,4 м от поверхности в отложениях горизонта оглеения, содержащего сажистый прослой, нижележащего прослоя ископаемой почвы и прослоя лесовидных суглинков были зафиксированы мустьерские кремневые изделия, состоящие из плоского нуклеуса, отщепов, скребла типа Ла Кина, ножа аккайского типа с двусторонней обработкой. Эти изделия свидетельствуют о продвижениях групп древнего населения в направлении с юга на север.

Исследования мустьерских памятников в Поднестровье в последние годы были осуществлены и другими учеными-археологами.

В 1965—1966 гг. возле с. Атаки Хотинского района Черновицкой области в урочище Стинка (склон четвертой террасы) Н.К. Анисюткин произвел раскопки палеолитической стоянки. Здесь были зафиксированы остатки двух культурных слоев, находящихся в перетолженном состоянии в суглинках. Эти два слоя датируются поздним финальным мустье. Среди встреченных изделий — нуклеусы, отщепы, скребла, р'била, листовидные наконечники. Последним этот пункт отличается от молодого мустье с леваллуазскими чертами [Анисюткин, 1966, 1969].

Кроме стоянки Стинка в данном районе обнаружено еще несколько местонахождений мустьерского времени. Так, западнее с. Атаки Хотинского района найдено местонахождение Осыпка, где собраны дисковидные и шаровидные нуклеусы, скребла и орудия, имеющие выемчато-зубчатую ретушь. Кроме того, мустьерские находки собраны на местонахождениях Стинка II, Калиновка, Стинка III, Стинка IV, которые, по мнению исследователя, относятся к мустьерско-теякскому варианту индустрии [Анисюткин, 1970].

Материалы района Осыпки, Атак Хотинского района представляют значительный интерес, ибо подтверждают, как отмечалось выше, наличие нескольких вариантов мустье на территории Прикарпатья. Об этом же свидетельствуют и материалы стоянки Кетросы. На протяжении ряда лет ее исследовал Н.К. Анисюткин, руководивший работой Дарабанского отряда Днестровской палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР, а также экспедиции Государственного Эрмитажа.

Стоянка открыта в 1972 г., исследовалась в 1974—1979 гг. [Анисюткин, 1981]. Она расположена на правом берегу Днестра, в 3-х км от с. Дарабаны Хотинского района Черновицкой области. Стоянка находилась на левом берегу оврага Кишлянский яр, в 120—100 м от его впадения в Днестр. Культурные остатки прослежены в суглинках, покрывающих вторую надпойменную террасу вдоль края оврага. Была вскрыта площадь около 220 м².

На стоянке Кетросы обнаружено несколько горизонтов залегания культурных остатков, где кроме кремневых изделий найдены и остатки фауны (мамонт, лошадь, бизон, благородный олень, носорог, медведь, сурок). Среди кремневых изделий — нуклеусы,

скребла, ножи с обушком, ножевидные орудия, зубчатые орудия. По технике обработки индустрия этого памятника относится к типичному мустье в его леваллуазской разновидности [Анисюткин, 1980].

Примечательно открытие на стоянке Кетросы остатков трех жилищно-бытовых комплексов, в том числе небольшое жилище площадью в 12 м². По заключению исследователей стоянка Кетросы относится ко второй половине похолодания, зафиксированного между амерсфортом и брерупом [Иванова, Болиховская, Ренгартен, 1981], т.е. к концу Вюрма I.

Среди других памятников Поднестровья выделяется стоянка Касперовцы, расположенная возле одноименного села Залещицкого района Тернопольской области. Здесь на р. Серет — левом притоке Днестра, в 30-х годах, во время зачистки салона берега р. Серет, в слое ископаемой почвы встречены нуклеусы, скребла, отщепы и пластины, атипичные резцы, скребки. Найдены здесь и кости мамонта, шерстистого носорога, зубра, лошади, обыкновенного оленя и волка. Стоянка Касперовцы датируется временем позднего мустье.

Среди стоянок мустьерского времени на р. Серет привлекает внимание стоянка Пронятин, расположенная на правом берегу р. Серет, правого притока Днестра, в окрестностях г. Тернополя, возле с. Пронятин. Здесь во время исследований экспедиции Тернопольского краеведческого музея, возглавляемой А.С. Сытником, в 1977–1981 гг. исследована площадь около 200 м².

Культурный слой мустьерского времени находится на глубине 2,3–2,5 м от поверхности, под слоем лесса, в буровато-палевых суглинках на правом берегу Серета, на склоне в 800 м северо-восточнее с. Пронятин. Во время раскопок найдены остатки костей мамонта, носорога, а также более 3000 экз. кремневых изделий, в том числе орудия труда (остроконечники, скребла). Собранные здесь изделия по технике обработки аналогичны материалам из Молодово I и Молодово V, что дало основания отнести это поселение к мустью, типичному в леваллуазском варианте [Сытник, 1978, 1979, 1980, 1981]. Примечательна находка в Пронятине костей зубра со следами гравировки как предмета мустьерского искусства.

На р. Серет известно также еще несколько мустьерских местонахождений, открытых в 20–30-е годы. Следует отметить Ивановку (Янов) в Тереховлянском районе, где в лесовидных суглинках был встречен кварцитовый отщеп со следами использования и обломок костяной наковаленки, а также Печорну Залещицкого района, где встречены скреблообразные орудия из кварцита. Другие местонахождения на территории Поднестровья и в районах притоков Днестра состоят из небольшого количества материалов, собранных на поверхности без находок фауны.

Значительные работы по изучению среднепалеолитического времени были осуществлены в Закарпатье.

Сведения о находках скреблообразных орудий стали известны еще в 1900-е годы в результате сборов Ф. Легоцкого в районе Мукачева, но достоверные данные о находках каменных изделий мустьерского времени в этом районе дали лишь разведки П.П. Сова 1948 г. в районе Ужгорода. Позднее, в 1958 г. во время добавочных обследований каменные изделия мустьерского времени собраны на Замковой горе и Радванской горе в Ужгороде, в Горянах возле Ужгорода [Сова 1964]. Изделия из камня встречены также на мысах высоких террас или склонах гор над р. Уж. Среди пород, которые использовались для обработки, — кремнистый сланец, черный кремнь, роговик, яшма, кремнистый песчаник, реже опал и обсидиан.

Среди собранных предметов следует отметить дисковидные нуклеусы, одноплощадочные нуклеусы, орудия типа остроконечников, скребла, ножевидные орудия и т.д.

Несколько новых местонахождений в Закарпатье обнаружил Н.К. Анисюткин в районе Мукачева. Так, в 1965 г. вблизи с. Шелестове Мукачевского района на вершине горы Тупча, на гальштатском городище, в шурфах, в суглинках собраны изделия из кварцита и андезита, которые состоят из дисковидного нуклеуса, аморфного нуклеуса, отщепов, орудия с выемкой (Тупча I), а в 300 м южнее горы на эрозированной поверхности террасы найдено скребло и несколько отщепов из андезита (Тупча II). На южном склоне горы, в 200 м от городища, собраны дисковидный и аморфный нуклеусы, зубчатое орудие, чоппер из гальки (Тупча III) [Anisutkin, Banasz, 1971; Стародавнє населення..., 1974; Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині, 1981]*.

* Стоянки Кольчино I, II, III по новому наименованию.

Мустьерские изделия в Закарпатье во второй половине 60-х годов обнаружил и геолог В.Ф. Петрунь. Это находки возле с. Рокосово Хустского района ашельского и мустьерского времени. Среди них дисковидные, одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы, отщепы и пластины леваллуазского облика, рубилообразное изделие, остроконечники. Для изготовления орудий употреблялись обсидиан, андезит, кварцитообразный песчаник [Петрунь, 1968].

Большой вклад в изучение мустье Закарпатья внесла Закарпатская палеолитическая экспедиция АН УССР под руководством В.Н. Гладиллина, которая с 1969 г. ведет систематические исследования в этом районе. Многолетние работы этой экспедиции позволили обнаружить ряд памятников палеолита.

Стоянка Королево I расположена возле г. Королево Виноградовского района на высоком левом берегу Тисы, в районе карьера. Здесь, на стометровой террасе Тисы, в толще суглинков, разделяемых ископаемыми почвами, обнаружена серия культурных слоев с остатками изделий из андезита, кварцита, кремня, обсидиана [Гладиллин, 1978].

Нижние ашельские слои VII, VI, V описаны выше, поэтому остановимся на мустьерских слоях стоянки IVa, IV, III, IIa и I, которые встречены в нижней части 2-й ископаемой почвы (IVa), датируемой ресс-вюрмским временем; в зоне контактов верхнего и нижнего горизонтов 2-й ископаемой почвы (горизонт IV); в верхней части верхнего горизонта 2-й ископаемой почвы (III культурный слой); в суглинках, залегающих над 2-й ископаемой почвой (горизонт IIa); в суглинке между 2-й и 1-й ископаемыми почвами (горизонт II); в нижней трети суглинка над 1-й ископаемой почвой (I горизонт).

Во всех этих культурных горизонтах или слоях мустье встречено около 17 тыс. кремневых находок без остатков фауны [Солдатенко, 1978]. Анализ кремневых изделий позволил исследователям прийти к выводу, что здесь наблюдается проявление трех вариантов мустьерских индустрий: леваллуазской (горизонты IVa, IV, III), зубчатого мустье (горизонт I) и нелеваллуазской (горизонт IIa), отражающих, по мнению Л.В. Солдатенко, несколько этапов заселения этого района носителями различных культурных традиций. Леваллуа здесь возникло на основании местной ашельской основы [Солдатенко, 1982].

Колонка развития культуры мустьерских горизонтов стоянки Королево I очень интересна, но ее нарушает наличие познепалеолитического слоя, перекрываемого зубчатым мустье, что дает основания полагать сосуществование позднего палеолита с мустьерскими культурами.

Указанные выше типы мустьерских индустрий имеют соответствующие аналогии в других памятниках этого района, а также среди памятников окружающих районов, и в частности памятников Поднястровья, где наблюдаются леваллуазские памятники типа Молодовского мустье и Кетрос, которые, по мнению Гладиллина, возникают на основе королевского леваллуа.

В 1975 г. Закарпатская палеолитическая экспедиция открыла мустьерскую палеолитическую стоянку Королево II, находящуюся на 20-метровой террасе, в 300-х метрах от стоянки Королево I. Там было прослежено пять культурных горизонтов, из которых три относятся к мустьерскому времени. Наиболее насыщенным культурными остатками был третий слой, имевший леваллуазский характер кремневого инвентаря [Солдатенко, 1982].

Среди других памятников, открытых Закарпатской экспедицией, отметим Черну I, где собраны материалы леваллуазского облика; Черну X, IV, VI, VIII, Новоселицу I, II, Хижу I, Плешки II, на которых прослежены материалы нелеваллуазского облика. Местонахождения Дибровы, Черны IV, Хижи IV, Заставной II, Оноковиц, Горян, Радванской горы II, Черны II, Хижи II, III, Виноградова, Берегово III, Виселичной горы, Шаян II, Ильницы, Белой церкви, Становец, Солотвино I, II, Чернечей горы, Плешки I и других пунктов дали коллекции кремневых изделий [Солдатенко, 1982].

Эти новые материалы, обнаруженные в результате систематических исследований Закарпатской экспедиции, являются показателем того, что Закарпатье в мустьерское время было широко заселено группами древнего населения, которые не были однородными.

Мустьерские местонахождения известны и на территории Волыни. Так, коллекции мустьерского времени обнаружены в Месяце в районе Житомира [Месяц, 1962]. Известны находки мустьерского времени и в Юго-Западной Волыни: в 1960 г. во время разведок вблизи с. Липа Дубновского района Ровенской области В.П. Савич обнаружил в овраге Полищукос яр кости мамонта и кремневые изделия, состоящие из дисковидных нуклеусов, двух скребел и нескольких отщепов [Савич, 1964]. Эти данные подтверждают, что территория Волыни в мустьерское время была заселена.

В настоящее время наиболее изучены памятники Поднестровья, ибо комплексное исследование их дало материал для решения многих общих вопросов истории древнего населения.

Данные стоянок Поднестровья позволили получить источники для пересмотра существующей концепции о времени возникновения родового строя в мустьерскую эпоху палеолита.

Открытие коллективных жилищ из крупных костей мамонтов в четвертом слое мустье стоянки Молодова I, 12 и 11 слоях многослойной стоянки Молодова V, являющихся коллективными жилищами, дало основание предполагать, что это были жилища родовых общин. Таким образом, родовый строй возник не в позднем палеолите, а в мустьерское время [Черныш, 1964, 1983].

Это мнение в настоящее время разделяет большинство специалистов различных отраслей науки: археологи, этнографы, историки. Положение о возникновении родового строя в мустьерское время поддерживают С.Н. Бибиков, Г.В. Григорьев, В.П. Любин, Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев, Д.А. Крайнов, Л.А. Файнберг и др., но имеются и сторонники возникновения родового строя в позднепалеолитическое время.

Изучение характера расположения жилищ и групп жилищ на мустьерских стоянках, исследованных на большой площади, позволило прийти к выводу о существовании мустьерских поселений, состоявших из групп жилищ: производственных участков, где обрабатывался кремь, а также камер-хранилищ запасов пищи и строительного материала. Поселения являлись поселками родовых общин, ведущих коллективное хозяйство при коллективном распределении добытых материальных благ, обеспечивавших существование в условиях низкого уровня развития производительных сил.

Некоторые исследователи ранее вообще отрицали возможность существования поселений ископаемого человека в мустьерское время, считая, что такие поселения были возможны только в позднем палеолите (И.Г. Пидопличко). Эта точка зрения не подтвердилась.

Мустьерские поселения состояли из центральных участков, где находились долговременные жилища и жилища весенне-осеннего и летнего характера, а также из периферийных участков, где мустьерский человек находился периодически. Находки большого количества остатков мамонта, дававшего запасы пищи, наличие камер-хранилищ дают основания полагать, что в мустьерское время существовала оседлость, что и привело к необходимости сооружать различные типы жилищ и камер для хранения запасов пищи. Лишь наличие оседлости позволяет проследить огромное количество культурных остатков во время исследования мустьерских поселений.

Как свидетельствуют данные полевых исследований, процесс обработки кремня осуществлялся в зимнее время на площади долговременных жилищ, а в остальные времена года — на специальных участках — местах обработки, своеобразных мастерских.

Наличие сооружений для жилья, а также кухонных остатков вне их — обломков костей ископаемых животных и в том числе обожженных или продольно расколотых, является свидетельством того, что это остатки охотничьей добычи. Охота являлась в то время основным видом хозяйственной деятельности обитателей мустьерских поселений, дополняясь лишь собирательством. О собирательстве как добавочной отрасли хозяйственной деятельности свидетельствуют находки остатков краски, различных плиток из песчаника и сланца, на которых растирали злаки, корни, находки терок из галек.

На исследованных поселениях были встречены многочисленные остатки кострищ, которые являются свидетельством того, что мустьерский человек широко освоил и применял огонь. В кострищах наблюдались как остатки древесного угля, так и обожженные обломки костей животных. Последнее является доказательством того, что кости могли употребляться в качестве топлива.

Осуществленные исследования мустьерских стоянок дали возможность, как отмечалось выше, проследить серию предметов, которые можно рассматривать в качестве проявлений мустьерского искусства. Речь идет о находках на стоянках Молодова I и Пронятии. Были прослежены не только следы гравировок, передающих различные мотивы геометрического характера и очертания фигур животных и даже, возможно, человека, но и проявления живописи с использованием краски! Это дало возможность поставить вопрос о появлении древнейшего искусства в среднем палеолите.

Среди обнаруженных во время раскопок обломков костей различного размера встречались кости с разнообразными нарезками, расположенными часто ритмично в определен-

ном порядке. Это дает возможность предполагать, что счет появился в мустьерское время, а не в позднепалеолитическое, как принято считать.

Материалы по мустье Прикарпатья, Волыни и Закарпатья дают основания считать, что в мустьерское время в культуре ископаемого человека, по-видимому, имелись некоторые различия. Так, серия памятников относится к так называемому типичному мустье с левалуазским характером изделий, здесь также прослежены и проявления зубчатого мустье, следы мустье с листовидными наконечниками, мустье с теякскими чертами. Все это свидетельствует о том, что население, вероятно, было неоднородным.

Изучение мустьерских поселений дало возможность определить геологическое время исследованных памятников интересующего нас района.

Мустьерские поселения относятся к периоду от рисс-вюрма по Вюрм 1—2 включительно. Материалы мустьерских поселений Прикарпатья, Волыни и Закарпатья свидетельствуют о прогрессивном развитии техники производства, о дальнейшей дифференциации орудий, об усложнении производственных процессов, о дальнейшем развитии интеллекта ископаемого человека и его достижениях в развитии культуры.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ПОДНЕСТРОВЬЯ, ЗАКАРПАТЬЯ

Позднепалеолитическая эпоха в развитии хозяйства, культуры и социального строя ископаемого человека, учитывая существующие радиоуглеродные определения памятников этого времени, относится ко времени от 38—35 до 11 тыс. лет назад.

В период позднего палеолита человек освоил технику изготовления разнообразных орудий, что является показателем развития специализации производственных процессов. В это время усовершенствовалась техника домостроительства, развились различные формы искусства, включая и музыкальное искусство, возникли первые формы религиозных верований, человек научился считать.

Произошло похолодание климата, что зафиксировано составом фауны, прослеженной на стоянках этой поры. В частности, характерно распространение на стоянках остатков мамонта, шерстистых носорогов, постепенное увеличение остатков северного оленя, находки остатков песка, леммингов, мускусных овцебыков и т.д. Похолодание климата связано с усилением ледниковых явлений, влиявших на климатические условия в целом, что принуждало ископаемого человека искать укрытия в пещерах, сооружать разнообразные типы жилища для долговременного обитания, изготавливать одежду из шкур животных.

В период позднего палеолита продолжался процесс дальнейшего расселения групп палеолитического населения в направлении с юга на север, а также на северо-восток и северо-запад. Это привело к появлению в отдельных районах некоторых локальных различий в культуре и даже культур локального характера.

Позднепалеолитическое время является новым более высоким этапом в развитии производительных сил в эпоху первобытнообщинного строя. Возникает ряд новых технических приемов в производстве орудий, которые были неизвестны неандертальскому человеку: следует отметить появление техники шлифовки, распиливания и сверления камня, техники обработки кости и рога.

На территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья известно значительное количество стоянок и местонахождений позднепалеолитического времени, что является показателем увеличения численности населения в процессе расселения древнего населения в новые районы, освобождающиеся ледником, и того, что ископаемый человек позднепалеолитического времени находил здесь благоприятные условия для своего существования. Стоянок и местонахождений позднепалеолитического времени в указанных районах известно более 600. Среди указанных трех крупных физико-географических районов Поднестровье — наиболее изученный район.

Несколько позднепалеолитических стоянок на территории Поднестровья было обнаружено еще в прошлом столетии. В 20—30-х годах XX ст. разведки на левобережье Днестра провел М.Я. Рудинский, открывший серию позднепалеолитических памятников. На правом берегу Днестра разведочные работы были осуществлены геологами Н. Морощаном, И. Ботезом, а также Ч. Амброжевичем. Они открыли ряд стоянок позднего палеолита Поднестровья.

Позднее, в 40-х годах в Поднестровье работали известные исследователи палеолита — С.Н. Бибииков, П.И. Борисковский. Последнему принадлежит опыт разработки хронологии

позднего палеолита Поднестровья на основании типологического анализа собранных на поверхности материалов позднепалеолитического времени. Начиная с 1946 г. в Поднестровье работает А.П. Черныш, который возглавляет работу Днестровской палеолитической экспедиции Института общественных наук АН УССР и Института археологии АН УССР. Этой экспедицией были осуществлены широкие разведочные работы и исследованы многослойные стоянки Днестра, часть из которых являются уникальными памятниками, позволяющими проследить развитие культуры ископаемого человека на протяжении десятков тысяч лет. Многолетние исследования эталонных памятников палеолита, являющихся ключом для решения многих проблем палеолита Европы вообще, позволили получить ценные стратиграфические наблюдения, материалы о развитии производительных сил, об изменении природной среды, окружавшей ископаемого человека, залегания культурных остатков, и проследить закономерности в геологических условиях залегания разновременных поселений, характер развития культуры и ее особенности в данном районе. Большинство памятников исследовано на большой площади, что позволило проследить остатки жилищ, изучить их характер и типы на изученных поселениях.

Характеристика эталонной многослойной стоянки Молодова V дана при рассмотрении материалов нижних мустьерских слоев этой стоянки, но мустьерские слои стратиграфически перекрывались позднепалеолитическими и мезолитическими. Так, среди 20 разновременных поселений стоянки Молодова V слои 10а и 10б являются переходными от мустье к позднему палеолиту, а слои 10, 9, 8, 7, 6а, 6, 5, 4, 3, 2 — позднепалеолитическими. Верхние позднепалеолитические слои исследованы на площади около 935 м², а более низкие — на площади 750 м² [Черныш, 1961, 1973].

На поселении десятого слоя, находившемся на глубине 4,7–4,9 м от поверхности, в прослойке ископаемого гумуса обнаружены остатки кострищ, кремневые изделия (нуклеусы, пластины, отщепы, двойные симметричные острия, игольчатые острия, скребки и резцы на пластинах с краевой ретушью, наконечник с двусторонней обработкой плоской ретушью и другие изделия), кости ископаемых животных (северный олень, мамонт, носорог), а также остатки угля сосны и ели. Десятый слой геологически датируется временем паудорфского (брянского) интерстадиала.

Выше, в прослойке ископаемой почвы, на глубине 4,4–4,2 м от поверхности, были открыты остатки поселения девятого слоя, на котором прослежено несколько скоплений культурных остатков, концентрировавшихся вокруг очажных пятен. В этом слое обнаружены остатки костей лошади, северного оленя, мамонта, зубра, носорога; остатки угля сосны и ели, а также кремневые изделия (симметричные острия, нуклеусы, скребки и резцы на пластинах с краевой ретушью и т.д.). Абсолютное время поселения этого слоя по радиоуглеродному методу 29650±230 и 28100±1050 (M-15), что позволяет отнести этот слой ко времени паудорфского интерстадиала (Вюрм II–III).

Поселение восьмого слоя обнаружено в светло-желтых суглинках на глубине 3,95–3,8 м от поверхности. На исследованном участке прослежено пять скоплений культурных остатков, а также открыты очажные пятна, остатки угля сосны и дуба, кости лошади, северного оленя, мамонта, обыкновенного оленя, зайца. Среди кремневых изделий встречались наконечники с боковой выемкой в атипическом варианте.

Остатки поселения седьмого слоя являются наиболее насыщенными культурными остатками среди всех слоев стоянки Молодова V. Этот слой был зафиксирован на глубине 3,68–3,4 м от поверхности в тонкой прослойке ископаемого гумуса. В нем зафиксировано интенсивное скопление культурных остатков типа так называемых жилых площадок с многочисленными кострищами внутри, являвшихся остатками расположенных на близком расстоянии небольших жилищ. Вне центральной площадки также наблюдались кострища, но залегающие отдельно. На изученной площади встречено огромное количество кремневых изделий (нуклеусы, пластины, отщепы, пластины с ретушью, острия игольчатые, острия различных типов, острия Граветт, резцы, скребки, проколки, наконечники с боковой выемкой, скреблообразные орудия и т.д.), обломки костей ископаемых животных (лошадь, мамонт, обыкновенный олень, зубр, носорог, лисица, волк, песец и т.д.), остатки угля сосны и кедра; многочисленные изделия из рога и кости (шесть “жезлов начальников”, роговые кирки, острия наконечников, копий и дротиков, лощила и т.д.). Радиоуглеродная датировка седьмого слоя 23000±800 (MO-11) и 23700±320 (ГИН-10).

Материалы этого слоя относятся ко времени конца паудорфского интерстадиала.

Поселение шестого слоя стоянки Молодова V наблюдалось на глубине 2,6–2,7 м от поверхности в серо-желтых суглинках. Здесь открыты остатки долговременного жилища

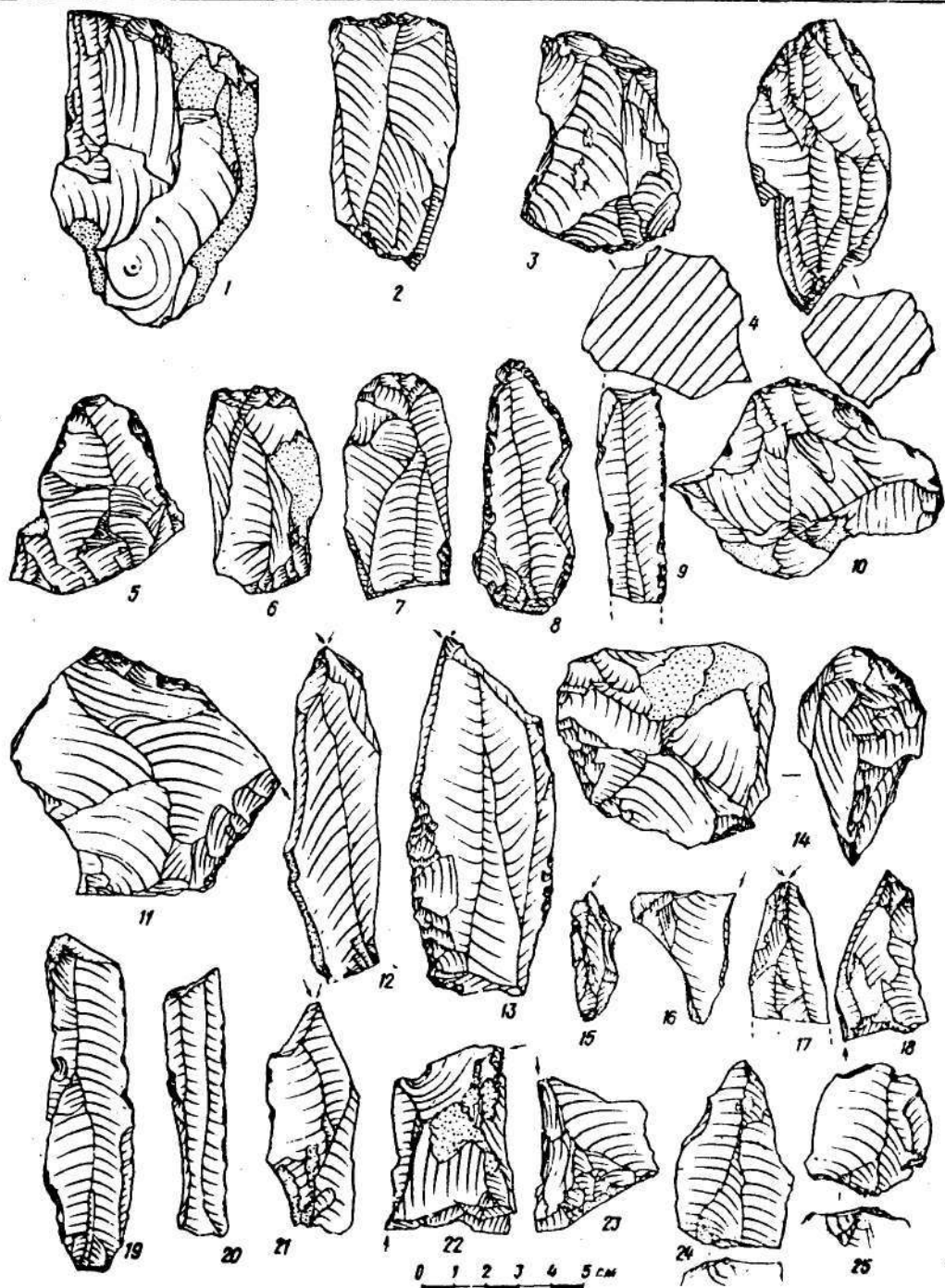

Рис. 10. Изделия седьмого слоя стоянки Кормань IV. Абсолютное время 25140 ± 360

размерами 28 м^2 ($4 \times 7 \text{ м}$), серия кострищ, многочисленные изделия из кремня, кости и рога. Среди них, как и в нижележащем седьмом слое, встречались продольные рукоятки из ребер для вставки крупных кремневых вкладышей, схематическая статуэтка из бивня мамонта, уникальная плитка сланца с нарезными зубьями, серия веретенообразных наконечников дротиков и копий из кости и рога, фауна: северный олень, лошадь, мамонт, благо-30

родный олень, носорог. Здесь также обнаружен уголь сосны и кедра. Радиоуглеродная датировка шестого слоя 16750 ± 250 (ГИН) дает основание отнести его к началу Вюрма III, а археологически — к раннемадленскому времени.

Пятый слой был зафиксирован в серо-желтых лессовидных суглинках на глубине 2,35–2,2 м от поверхности. Здесь прослежены остатки жилищных сооружений, очажные пятна, кремневые изделия, молотки из рогов оленя, костяные наконечники дротиков, орудие для плетения, терки, отбойники. Среди фауны много костей северного оленя. Датируется пятый слой около 17100 ± 180 по бензолловому методу.

Поселение четвертого слоя наблюдалось на глубине 2,05–1,9 м от поверхности в серовато-желтых лессовидных суглинках. Здесь встречены остатки скоплений культурных остатков, являвшихся руинами жилищ, кострища, кремневые изделия, изделия из кости и рога, кухонные остатки (кости северного оленя, мамонта, зубра, лося, волка, песца). Прослежен также уголь пихты. Среди изделий — флейта из рога оленя.

Третий слой стоянки обнаружен в серовато-желтых лессовидных суглинках на глубине 1,6–1,8 м от поверхности. На изученной площади поселения прослежены остатки жилища размерами около 16 м^2 ($3 \times 5 \text{ м}$), имевшего овальную форму, сооруженного из жердей, ряд скоплений культурных остатков, серию очажных пятен, кремневые изделия, кухонные остатки: плитки, камни, остатки угля. Среди кремневых изделий — нуклеусы, острия Граветт, короткие скребки, резцы, пластинки с притупленным краем. Среди изделий из кости и рога — схематизированные статуэтки, топоробразные орудия, наконечник дротика с тонкими двусторонними прорезями для микролитических вкладышей, бивень мамонта с вырезанными углублениями. Фауна: северный олень, мамонт, зубр, лошадь, лось, бык, благородный олень, песец, заяц. В третьем слое встречен уголь сосны. Радиоуглеродная датировка этого слоя 13370 ± 540 (ГИН) дает основание отнести его к Дриасу I, а археологически — к позднемадленскому времени.

Следы поселения второго слоя позднего палеолита были исследованы на глубине 1,2–1,35 м от поверхности в серовато-желтых делювиальных суглинках. Здесь открыты остатки овального наземного жилища, сооруженного из костей северного оленя, скопления культурных остатков, кострища, разнообразные изделия из кремня, кости и рога. Среди кремневых изделий резцы и скребки небольших размеров, пластинки с притупленным краем, роговой молоток, пластинки со скошенным ретушью краем, обломок рогового топоробразного орудия, флейта из рога, продольная рукоятка из ребер с двусторонними прорезями. Среди фауны второго слоя много остатков северного оленя, встречены также лось, лошадь, зубр, бык мелкой породы, олень неуточненного вида. В слое прослежен уголь сосны. Радиоуглеродная датировка второго слоя 11900 ± 230 дает основание отнести это поселение в Дриасу II, а по культуре — к памятникам конца позднего палеолита. Выше залежали слои раннего мезолита.

Слои стоянки Молодова V дают возможность проследить развитие культуры ископаемого человека на конкретных категориях инвентаря и по составу фауны. Стратиграфически основные слои стоянки имеют радиоуглеродные определения абсолютного времени.

Другие, исследованные на Днестре, памятники также дают много сведений о развитии позднепалеолитической культуры. На стоянке Молодова I изучены остатки трех позднепалеолитических поселений, перекрывавших стратиграфически мустьерские поселения и, в свою очередь, перекрывавшиеся мезолитическим поселением [Черныш, 1982].

Следующим эталонным памятником является многослойная стоянка Кормань IV, которая стратиграфически фиксирует развитие культуры от мустье по мезолит.

На глубине 6,8–7,4 м от поверхности, в нижней части верхнего яруса ископаемой почвы, зафиксированы остатки поселения седьмого слоя стоянки Кормань IV. На исследованной площади (208 м^2) найдены кремневые изделия, скребки, резцы на крупных пластинках, отщепы со следами подправки краев ударных площадок, острия, а также отбойники из галек, остатки костей мамонта, лошади, северного оленя. Радиоуглеродные датировки седьмого слоя 25140 ± 350 и 24500 ± 500 позволяют отнести его к паудорфскому (брянскому) интерстадиалу, а археологически — к ранней поре позднего палеолита [Черныш, 1977].

Поселение шестого слоя находилось в средней части верхнего яруса ископаемой почвы на глубине 6,2–6,45 м от поверхности. Исследовано 210 м^2 . Здесь обнаружены остатки кострищ, скопления культурных остатков, кости мамонта, первобытного быка, кремневые изделия, характерные для памятников ранней поры позднего палеолита.

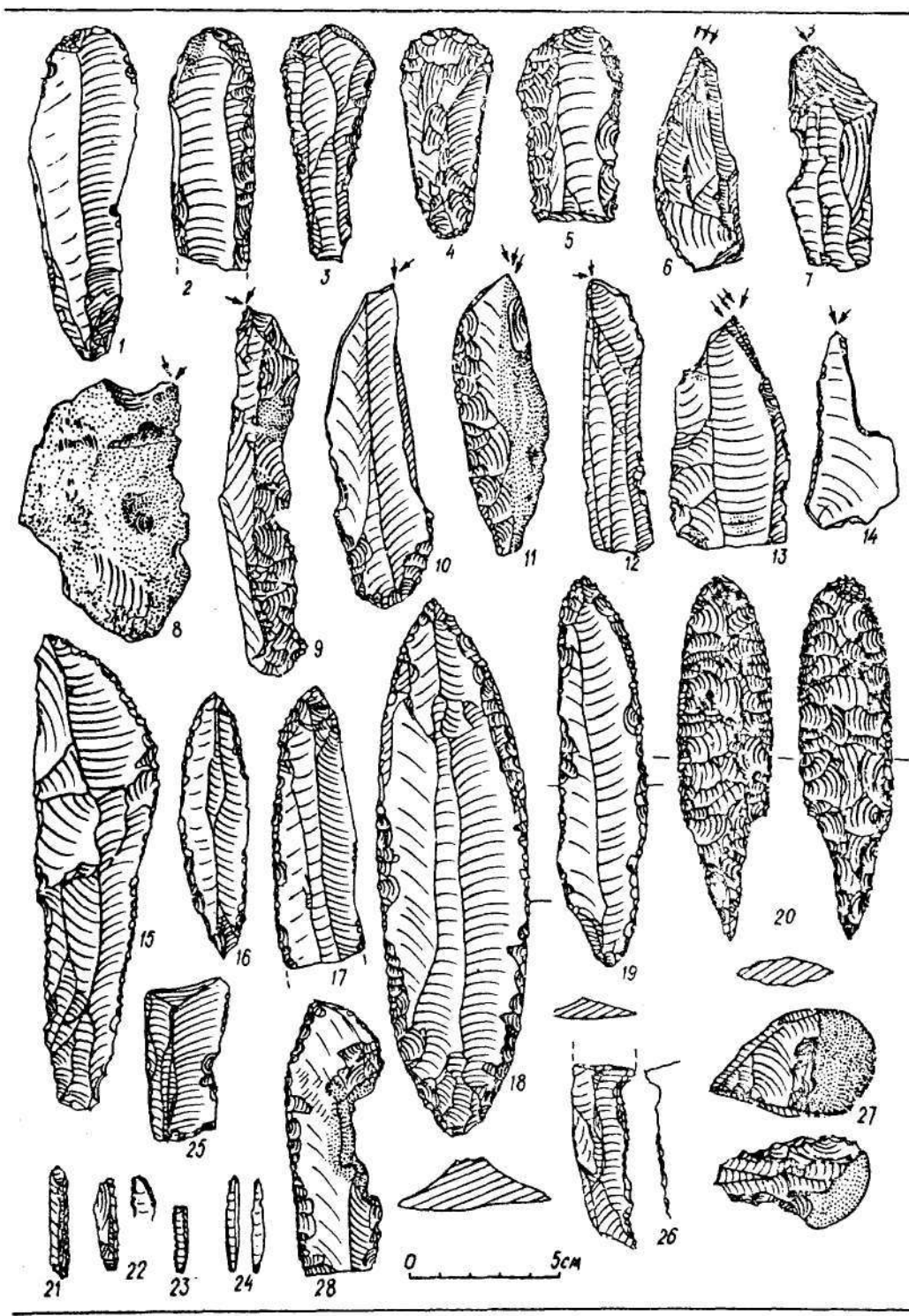

Рис. 11. Кремневые изделия десятого слоя многослойной стоянки Молодова V. Ранняя пора позднего палеолита

Среди кремневых находок — крупные нуклеусы, листовидные острия, отщепы со следами подправки краев ударных площадок.

Поселение пятого слоя стоянки Кормань IV находилось на глубине 5,4—5,6 м от поверхности, в верхней части верхнего яруса ископаемой почвы. Здесь встречены остатки кострища, фауны (мамонт, лошадь, медведь, северный олень), кремневые изделия (скребки, резцы, острия, терки). Открыты остатки скоплений. Радиоуглеродный анализ слоя дал дату 18500 ± 2000 (СО АН СССР ± 145) и 18000 ± 400 (ГИН-719).

Остатки поселения слоя 5а на стоянке Кормань IV прослежены на глубине 5,1—5,25 м от поверхности в слегка затемненных серовато-желтых лессовидных суглинках. Это один из наиболее богатых культурных слоев стоянки. На изученной площади открыто несколько скоплений культурных остатков — руин жилищ, где наблюдались кремневые изделия, кости животных, терки, отбойники. Среди кремневых изделий — рубящие орудия, скребки, резцы, пластины с крупными выемками; среди роговых изделий — молоткообразные орудия, ложила, обломок киркообразного орудия и т.д. Фауна слоя 5а состоит из остатков костей мамонта, лошади, волка, носорога, зубра, благородного оленя, пещерного льва, северного оленя.

Поселение четвертого слоя стоянки Кормань IV обнаружено на глубине 4,6—4,8 м от поверхности в серовато-желтых суглинках. Здесь найдены изделия из кости и рога. Среди них: обломок наконечника с боковой прорезью для вставки кремневых вкладышей, нуклеусы, орудие для рубки, резцы, скребки, изделия типа "пилочек". В четвертом слое встречены скопления культурных остатков. Среди фауны: мамонт, зубр, лось, северный, благородный и гигантский олени, лошадь, заяц. Поселение четвертого слоя датируется раннемадленским временем.

Остатки поселения третьего слоя стоянки Кормань IV открыты в серовато-желтых суглинках на глубине 4,2—4,35 м от поверхности. На изученной площади выявлены участки со скоплениями культурных остатков, участки периферийного характера и отдельные кострища. Среди кремневых изделий — резцы, скребки, пластинки с притупленным краем, скребки-резцы, пластинки "пилочки" и другие изделия; роговых изделий — коленчатая рукоятка для кремневых вкладышей, роговое гладило и т.д. Фауна: мамонт, зубр, северный и благородный олени, лошадь, слепыш. Преобладает северный олень. Слой датируется среднемадленским временем.

Второй слой на стоянке Кормань IV был встречен на глубине 3,5—3,7 м от поверхности в серовато-желтых суглинках. Здесь обнаружены скопления, очажные пятна, участки с небольшим количеством материалов. Фауна: лошадь, северный и благородный олени, бык. Кремневые изделия — нуклеусы, резцы, скребки, ножевидные орудия, пластинки с притупленным краем, пластинки-прямоугольники. Слой датируется позднемадленским временем.

Остатки первого слоя встречены на глубине 2,9—3 м от поверхности в серовато-желтых лессовидных суглинках. Это поселение исследовано на площади около 150 м², прослежены остатки костей северного оленя и лошади, а также кремневые изделия, терки, отбойники из галек, очажные пятна. Среди кремневых изделий — нуклеусы, пластины, отщепы, резцы, скребки, острия типа Граветт, ножевидные орудия. Слой датируется позднемадленским временем [Черныш, 1973а, 1973б, 1974, 1977, Иванова, 1977].

Кратко остановимся на других памятниках позднего палеолита Прикарпатья. Так, во время трехлетних исследований стоянки Бабин I, находящейся возле с. Бабин Кельменецкого района Черновицкой области на высокой террасе Днестра, открыты остатки трех разновременных поселений [Черныш, 1949, 1959].

Трехлетние исследования стоянки Вороновица I дали возможность обнаружить и изучить остатки двух разновременных позднепалеолитических поселений, расположенных на мысу четвертой террасы правого берега Днестра, возле с. Вороновица Кельменецкого района Черновицкой области. Исследовано 262 м².

В 1965 г. на правом берегу Днестра, возле с. Атаки Кельменецкого района исследовалась стоянка с несколькими разновременными поселениями. Стоянка Атаки I расположена в отложениях второй надпойменной террасы Днестра. На ней прослежены остатки четырех позднепалеолитических поселений.

Поселение четвертого слоя стоянки находилось на глубине 4,4—4,3 м от поверхности в светло-желтых суглинках. Открыты два очажных пятна, кремневые изделия (нуклеусы, пластины, боковые, угловые резцы, ножевидные орудия, пластины со скошенным ретушью краем, скобель и др.), остатки фауны (обломки костей оленя или лося, козла, лошади,

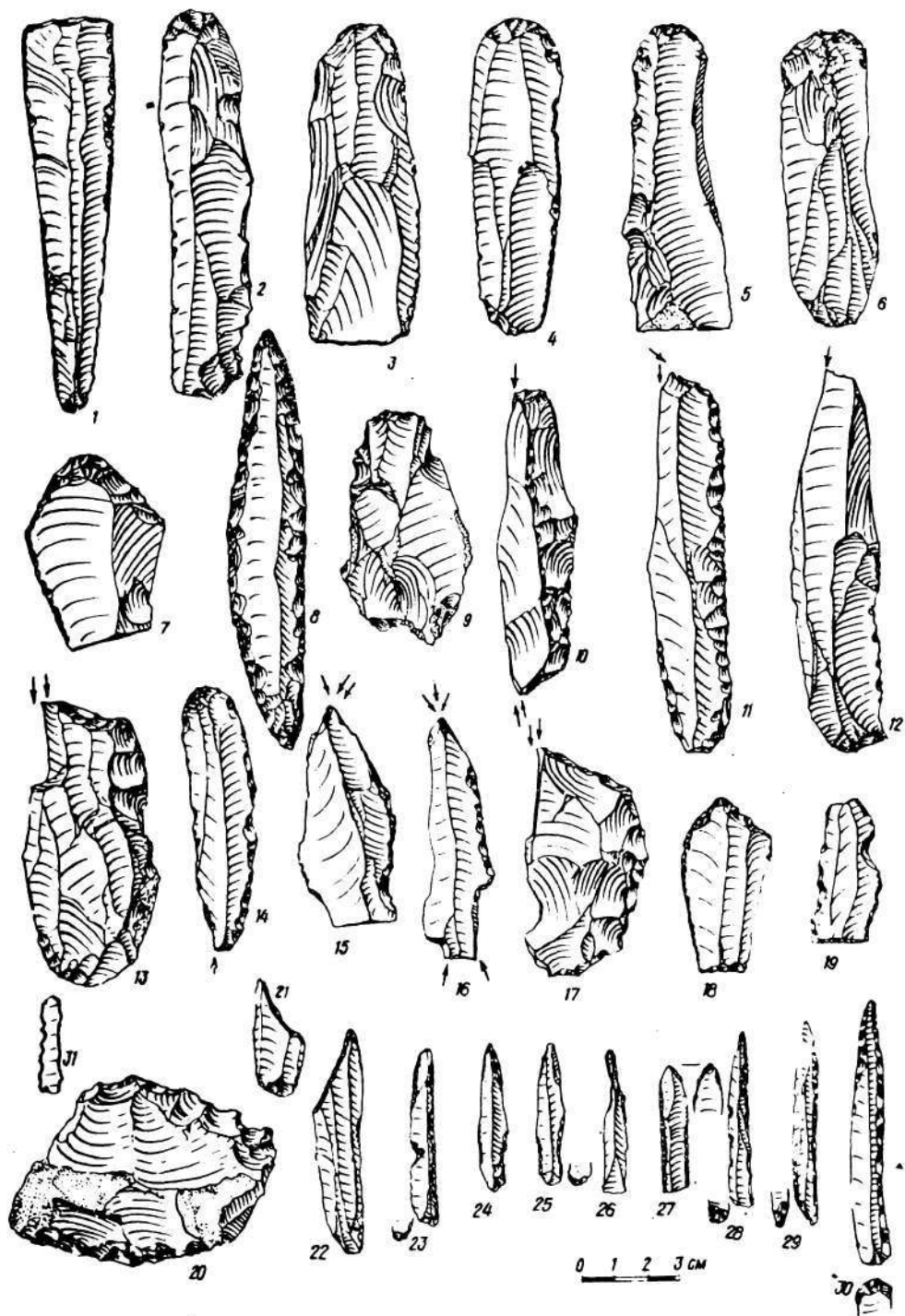

Рис. 12. Изделия седьмого слоя многослойной стоянки Молодова V. Абсолютное время 23700 ± 320

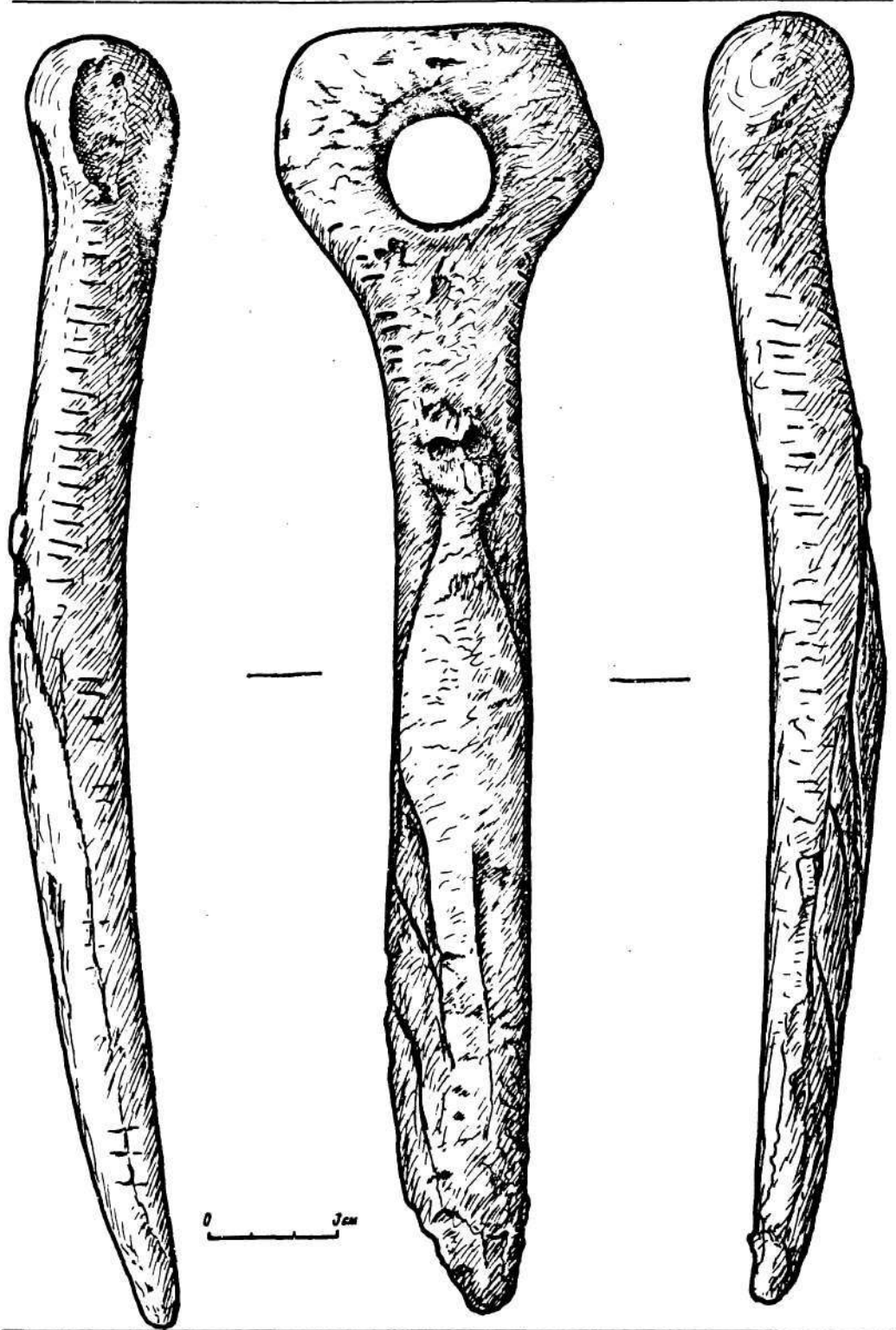

Рис. 13. Жезл с изображением человека позднелеолитического времени. Абсолютное время 23700 ± 320 . Седьмой слой стоянки Молодова V

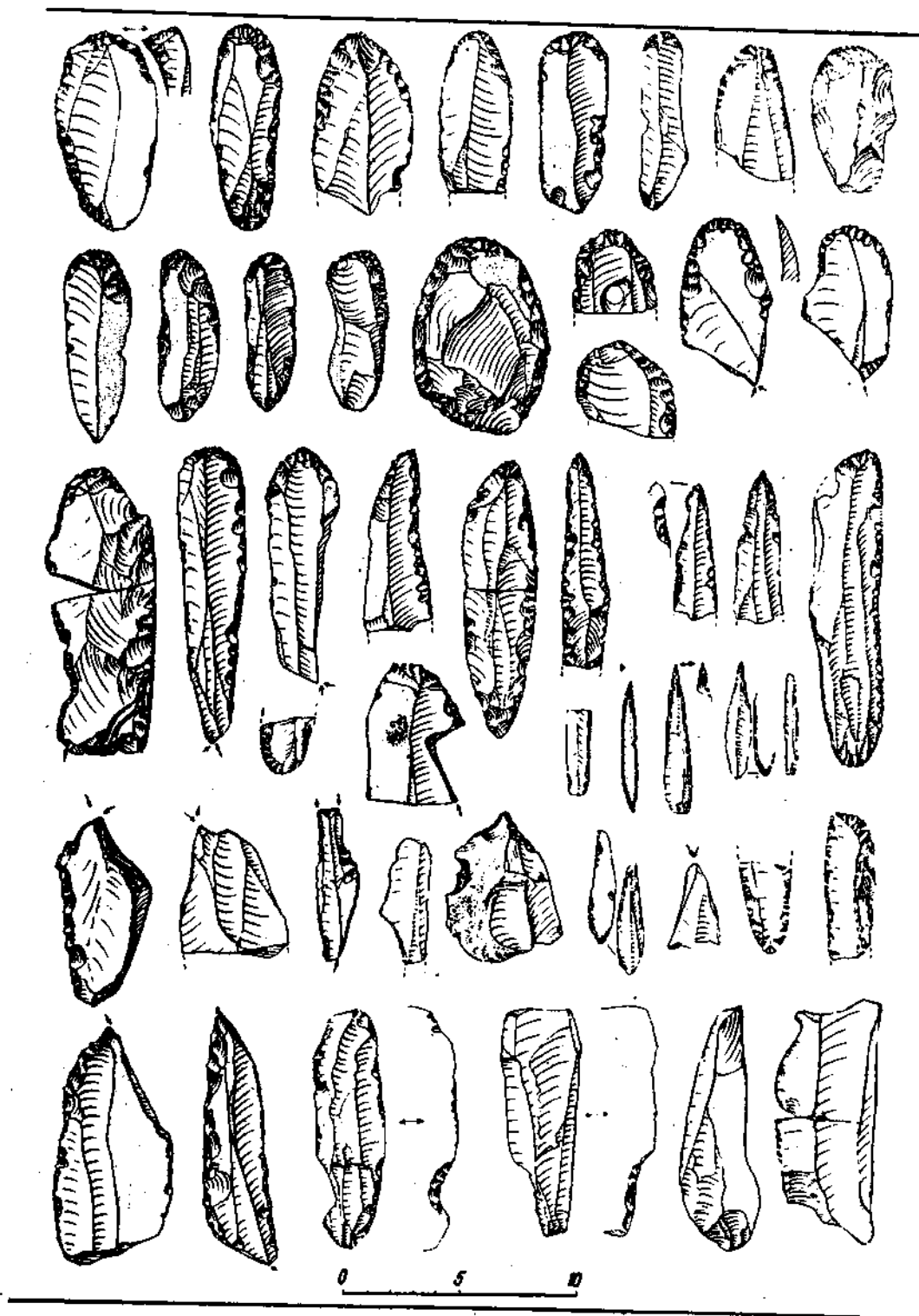

Рис. 14. Кремневые изделия нижнего слоя стоянки Бабин I. Ранняя пора позднего палеолита

олени неуточненного вида). Материалы дают основание отнести поселение к мадленскому времени.

Поселение третьего слоя стоянки Атаки I наблюдалось на глубине 4—4,1 м от поверхности в светло-желтых суглинках. Обнаружены кострища, кремневые изделия (нуклеусы, пластины, двойные, срединные, плоские, клювовидные резцы, скребки, пластины со скошенным краем, проколки, пластинки со скошенным краем, орудия для рубки), остатки краски и угля, кости животных (лошадь, зубр, северный олень). Интересны находки мариона волынского происхождения. Радиоуглеродная датировка этого слоя (16600 ± 850) (СО АН СССР, 144) позволяет отнести его к мадленскому времени.

Второй слой наблюдался на глубине 3,55—3,65 м от поверхности в лессовидных суглинках. Здесь открыты остатки пяти кострищ, кремневые изделия (небольшие нуклеусы, резцы, ножевидные орудия, скребки, пикообразные орудия, пластинки со скошенным краем, скобели, асимметричный наконечник с черешком), флейта из голени северного оленя, остатки охотничьей добычи (кости северного оленя, зубра, лошади, мамонта). Радиоуглеродная датировка этого слоя 15375 ± 850 (СО АН СССР, 143) дает основание отнести его к позднему мадлену.

Верхний слой позднего палеолита был зафиксирован на глубине 1,85—1,9 м. Линза культурных остатков этого слоя распространялась в неисследованную часть поселения [Черныш, 1968, 1973].

Стоянка Оселивка I известна в литературе под названием Кишла Неджимова. Она расположена на высоте 50—55 м над уровнем Днестра, возле с. Оселивка Кельменецкого района. Трехлетние исследования этой стоянки, осуществленные автором в 1966—1968 гг., позволили обнаружить остатки четырех разновременных поселений. Три нижних поселения относятся к позднему палеолиту 4-й, 3-й и 2-й).

Третий позднепалеолитический слой, исследованный на площади 90 м², прослежен в ископаемой почве на глубине 2,3—2,5 м от поверхности. Здесь обнаружены кострища, обломки костей животных (северный олень, лошадь), терки и отбойники из галек, кремневые изделия (нуклеусы, пластины, отщепы, пластины с краевой ретушью, острия, резцы типа Бюске, наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью). Остатки этого поселения относятся к памятникам ранней поры позднего палеолита.

Второй слой наблюдался на глубине 1,35—1,65 м от поверхности в нижней части светло-желтых лессовидных суглинков. Остатки этого поселения были изучены на площади 340 м². Открыты три кострища, вокруг них концентрировались культурные остатки, состоящие из кремневых изделий (нуклеусы, пластины, двойные, срединные, боковые резцы, ножевидные орудия, симметричные острия, скребки на пластинах, пластины и отщепы со следами двусторонней обработки, обломок листовидного наконечника с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью), терки, отбойники, а также обломки костей животных (мамонт, лошадь, зубр, северный олень). Археологические материалы этого слоя, а также геологические условия залегания дают основания датировать его временем конца ранней поры позднего палеолита.

Среди других исследованных на Днестре позднепалеолитических памятников остановимся еще на двух, изученных в последнее время.

В окрестностях с. Оселивка исследована и стоянка Оселивка II, которая расположена севернее села, возле устья ручья Криничка, на его правом берегу, на участке прислонения 12-метровой террасы к высокому берегу. Стоянка открыта автором в 1966 г., исследовалась в 1966—1967 гг. Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук АН УССР. Здесь на глубине 3,2—3,5 м от поверхности, на площади 90 м² исследована часть поселения позднего палеолита, находившегося в прослойке ископаемой почвы. Встречены многочисленные кремневые изделия, остатки фауны (мамонт, лошадь, северный олень), терки и отбойники, а также руины жилища овальной формы, сооруженного из костей мамонта размерами 14 м². Среди кремневых изделий прослежены крупные нуклеусы, ножевидные орудия, резцы и скребки с ретушью по периметру, скребки с овальным рабочим краем, орудия для рубки, двойное симметричное острие, обломки симметричных острий, рубилообразное орудие, скребловидные орудия, проколки.

Прослеженные материалы позволяют отнести нижний слой стоянки Оселивка II к ранней поре позднего палеолита. Это одно из немногих поселений Поднестровья, расположенных на низкой террасе Днестра.

Выделяется позднепалеолитическая стоянка Межигирцы I, расположенная на левом берегу р. Быстрица (левый приток Днестра), на западной окраине с. Межигирцы Галичско-

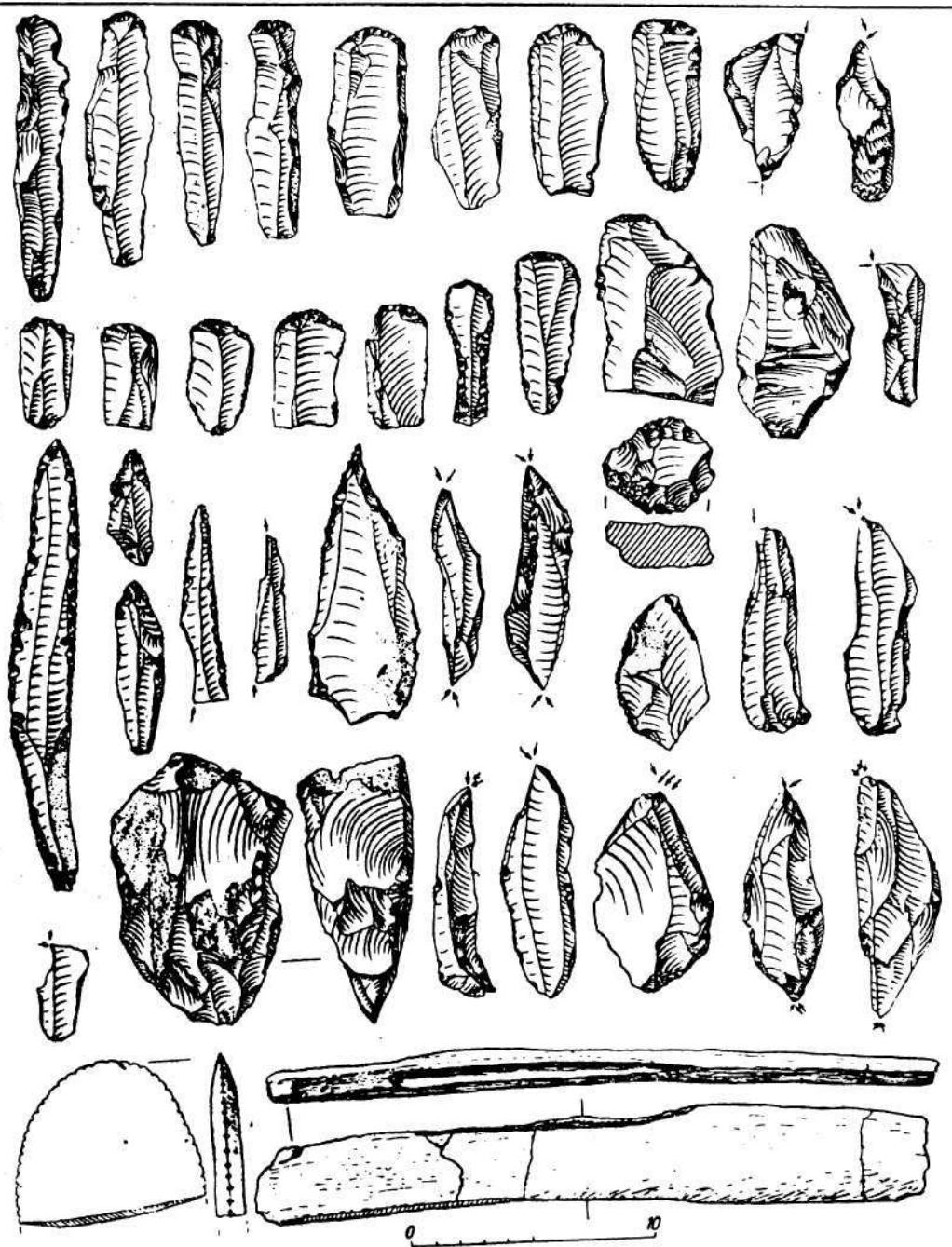

Рис. 15. Изделия шестого слоя стоянки Молодова V. Абсолютное время 16750 ± 250 . Средняя пора позднего палеолита

го района Ивано-Франковской области. Стоянка расположена на горе Верстовой, на участке карьера, исследовалась в 1975–1976 гг. экспедицией Ивано-Франковского краеведческого музея под руководством М.Н. Клапчука. Культурный слой был прослежен в нижней части лессовидных суглинков, на глубине 0,8–1,2 м от поверхности, вскрыто около 500 м^2 . Обнаружено 500 обломков костей ископаемых животных (северный олень, волк, бурый медведь, лисица или песец, бык) и около 8000 кремневых изделий. Кремневые изделия состоят из нуклеусов, мелких пластинок и микропластинок с притупленным краем и зуб-

чиками, "пилочек", острый, симметричных острий, пластинок с боковой выемкой в верхней части, резцов и скребков, скребков-резцов и других изделий [Клапчук, 1977; Григорьева, Клапчук, 1981]. Материалы стоянки можно сравнить с материалами седьмого слоя стоянки Молодова V и отнести к этому же времени.

Стратиграфические данные о залегании многих стоянок Поднестровья, наличие общих черт в развитии культуры памятников, залегающих в сходных геологических условиях, позволили проследить этапы последовательного развития позднепалеолитической культуры и геологически датировать разновременные памятники этого района. В Прикарпатье можно выделить шесть ступеней развития позднепалеолитической культуры. Ориньяко-солютрейско-граветтскому времени — ранней поре позднего палеолита соответствуют первая, вторая и третья ступени позднего палеолита данного района; памятникам мадленского времени классификации Мортилье соответствуют четвертая, пятая и шестая ступени [Черныш, 1959, 1973]. Каждая из этих ступеней имеет особенности в развитии техники обработки кремня, кости и рога при наличии как более древних черт, свойственных древним ступеням, так и новых. Это подтверждает анализ материалов многослойных стоянок, на которых стратиграфически можно проследить появление новых черт в технике обработки камня и рога.

Так, для первой ступени развития позднепалеолитической культуры, получившей наименование бабинской, характерно преобладание крупных нуклеусов, орудий на пластинах и отщепах, наличие одинарных и двойных симметричных острий, орудий на пластинах с ретушью, овальных скребков, игольчатых острий, отдельных орудий мустьерских типов, рубилообразных орудий (нижний слой Бабин I, Оселивка II). Для второй, Вороновицкой, ступени (по нижнему слою стоянки Вороновицы I) характерным является наличие крупных нуклеусов и пластин, двойных и одинарных симметричных острий, орудий на пластинах с краевой ретушью, наконечников с плоской ретушью овальной и листовидной формы (нижний слой Вороновицы, второй и третий слой Оселивки I, десятый Молодова V). В фауне первых двух ступеней преобладали мамонт, носорог, лошадь, северный олень и т.д.

Третья, молодовская ступень (по данным седьмого слоя Молодова V) характеризуется наличием симметричных одинарных и двойных острий, наконечников с боковой выемкой в их атипичном варианте, веретенообразных наконечников копий и дротиков из кости и рога, микролитических острий, микрообразных роговых орудий, продольных рукояток из ребер для крупных вкладышей. Среди фауны много северного оленя.

Четвертая или корманская ступень выделена на основании материалов четвертого слоя Кормань IV, шестого слоя Молодова V. Она отличается некоторым уменьшением размеров орудий, редкостью симметричных острий и орудий на пластинах с краевой ретушью, наличием продольных рукояток из ребер, двойных боковых резцов, веретенообразных наконечников.

Пятая ступень выделена на основании материалов пятого слоя Молодова V, третьего слоя Кормань IV. Она характеризуется преобладанием небольших размеров орудий, наличием коротких скребков, угловых, срединных резцов, пластинок со скошенным ретушью краем, молотков из рогов оленя. Среди фауны много остатков северного оленя.

Наконец, шестая ступень (выделена на основании материалов четвертого, третьего и второго слоев многослойной стоянки Молодова V, третьего слоя Бабин I, верхнего слоя Вороновицы I, второго слоя Кормань IV, второго слоя Атаки I) характеризуется небольшими орудиями на тонких пластинках, клювовидными резцами, короткими скребками, наконечниками с прорезями для мелких вкладышей, преобладанием в составе фауны остатков северного оленя.

Эти ступени развития позднепалеолитической культуры Прикарпатья характеризуют процесс развития производительных сил древнего населения в этом районе, поступательный характер развития общества вообще. Многие ступени имеют определения абсолютного времени по радиоуглеродному методу. В процессе многолетних исследований данного района были получены разносторонние материалы для характеристики различных сторон жизни ископаемого человека, для определения окружающей человека позднепалеолитического времени природной среды и климатических условий.

Позднепалеолитическое население занималось охотой, которая являлась главной отраслью хозяйственной деятельности, охота дополнялась собирательством, а в конце позднего палеолита и рыбной ловлей.

Материалы исследованных многослойных памятников дают интересные данные об усовершенствовании охотничьего метательного орудия из кремня, кости и рога, о параллельном развитии вкладышевой техники, развитии микролитизации кремневых изделий и появлении в позднем палеолите ранних типов орудий геометрических форм. Так, например, если в стоянках ранней поры позднего палеолита наблюдались кремневые наконечники копий и дротиков, которые существовали в двух вариантах (наконечники с плоской ретушью и двойные симметричные острия), то на памятниках конца этого периода появляются наконечники с боковой выемкой и одновременно костяные и роговые наконечники веретенообразной, ромбовидной формы, а также плоские и дугообразные.

Позднее, в период так называемого мадленского времени, появляются костяные и роговые наконечники с прорезьями для мелких вкладышей, которые особенно характерны для конца позднего палеолита, как это прослежено и на памятниках других районов развития позднепалеолитической культуры, но исчезают кремневые наконечники копий и дротиков при сохранении почти всех форм костяных и роговых наконечников. В это время увеличивается количество пластинок с притупленным краем — вкладышей, что является доказательством развития вкладышевой техники, одновременно уменьшаются средние размеры каменных изделий.

Интересным примером развития техники обработки кости и рога является появление и развитие техники изготовления продольных рукояток из ребер с прорезьями для вставки крупных кремневых вкладышей. Эта техника в позднем палеолите была впервые зафиксирована на стоянках Поднестровья. В настоящее время она известна на стоянках Чехословакии и на территории Вольни.

Древнейшие продольные рукоятки известны среди материалов седьмого слоя стоянки Молодова V, который относится к памятникам третьей хронологической ступени позднего палеолита, что соответствует второй половине солютре-граветта, а геологически — концу пуддорфско-брянско-дубновского интерстадиала, учитывая имеющиеся определения абсолютного времени. В этом слое найдена рукоятка из ребра с одной прорезью для крупного кремневого вкладыша — кремневой пластины.

В шестом слое стоянки Молодова V прослежена такая же форма продольной рукоятки, в верхних слоях обнаружены такие же, но с прорезьями для нескольких пластин или с двух сторон для большого количества вкладышей. Последняя форма дает основание предполагать, что эти рукоятки превратились из ножевидных орудий в примитивные серпы для срезания различных злаков. Можно думать что древнейшие примитивные серпы возникли не в мезолите, а раньше [Возникновение..., 1967, с. 13; Даниленко, 1969]. Одновременно с продольными рукоятками в Поднестровье появились и роговые киркообразные орудия с коленчатыми рукоятками.

Наличие на ряде стоянок находок обсидиана, радиолярита, марииона, горного хрусталя, кусков кораллов является показателем существования обмена родовых общин с населением соседних районов, где встречаются указанные породы, и в первую очередь с общинами Закарпатья и Вольни. Следовательно, позднепалеолитическое население Прикарпатья имело связи с позднепалеолитическим населением указанных районов, но возможен и обратный процесс: в Поднестровье проникало население указанных территорий.

На стоянках обнаружены в значительном количестве обломки рогов оленей в различных стадиях обработки: с поперечными надрезами, продольным распиливанием с целью получения соответствующих удлиненных заготовок. Встречены и готовые роговые поделки. Это "жезлы начальников", молотки, киркообразные орудия, концевые рукоятки; гладила, ложила, кинжалы, "флейты", наконечники копий и дротиков, имеющих веретенообразную или дугообразную форму. Широкое использование рогов оленя в качестве сырья для изготовления орудий является одной из характерных черт позднепалеолитической культуры данного района, позволяющей сравнивать его со многими позднепалеолитическими стоянками Восточной, Центральной и Западной Европы.

Примечательно в хозяйственной деятельности обитателей позднепалеолитических поселений Прикарпатья широкое использование галек песчаника и других пород в качестве терок, пестов и отбойников. Подобного характера орудия с соответствующими следами употребления обнаружены во время исследований на всех стоянках этого района, как на мустьерских, так и на позднепалеолитических и мезолитических. Такие изделия употреблялись для растирания различных злаков и корней при собирательстве, для растирания и дробления краски, дробления костей животных и обработки кремня в качестве

отбойников. Во время исследований позднепалеолитических стоянок найдены плитки песчаника или сланца, которые использовались в качестве наковален. Встречались и плитки со следами распиливания, разрезания и даже сверления и шлифования. Последнее особенно значительно, так как такие приемы рассматривались ранее в качестве признаков неолитической техники обработки камня. В данном случае материалы Прикарпатья позволяют заключить, что шлифование, сверление и распиливание камня появилось значительно раньше: в позднем палеолите, но в отличие от неолита технической обработки подвергались лишь относительно мягкие породы камня.

Важной чертой позднепалеолитической культуры этого района является развитое для того времени искусство. Шедевром позднепалеолитического искусства можно считать "жезл" начальника из седьмого слоя стоянки Молодова V. На поверхности этого "жезла" техникой низкого рельефа передана человеческая фигура, а по сторонам — следы параллельных выгравированных линий, передающих, возможно, представления ископаемого человека о каких-то явлениях, требующих счета. В настоящее время наличие способностей считать у позднепалеолитического человека нельзя отрицать, так как накопилось значительное количество материалов по данному вопросу [Фролов, 1974].

Другие "жезлы" (шесть экземпляров найдено в седьмом слое) передают путем гравировки зооморфные и счетные мотивы. Следует отметить схематизированные статуэтки из шестого и третьего слоев указанной стоянки, статуэтку и подвеску из восьмого слоя, плитки со следами росписи красной краской (седьмой слой), обломки камней и плиток со следами нарезных линий, обломок плитки сланца из шестого слоя с нарезными зубьями, схематизированную статуэтку из седьмого слоя, подвеску из клыка песка из четвертого слоя, "флейту" из рога со следами гравировки из второго слоя, ложило с многочисленными линиями на поверхности из седьмого слоя, обломки киркообразных и ложилообразных орудий со стоянки Кормань IV со следами выгравированных линий и т.д. Для изготовления предметов искусства употреблялись позднепалеолитическим человеком бивни мамонта, рога оленя, плитки сланца, куски маргеля, кости животных и т.д.

Больше всего предметов искусства найдено в седьмом слое стоянки Молодова V. Материалы искусства из Прикарпатья отражают стремление позднепалеолитического человека в художественных образах передать свое понимание окружающей среды и общества. Ряд предметов, как мы видели, отражают это восприятие в схематических образах.

По технике исполнения предметы искусства Прикарпатья не уступают известным нам находкам позднепалеолитического искусства приледниковой зоны.

Находки "флейт" из рогов и кости позволяют сделать заключение о появлении музыкального искусства в позднепалеолитическое время, что не является случайным, учитывая другие находки подобного характера на позднепалеолитических памятниках Европы. Это же подтверждают и музыкальные ударные инструменты из костей мамонта в Мезине, как это убедительно доказал в последних своих работах С.Н. Бибииков [Бибииков, 1981].

"Флейты", по-видимому, сначала использовались для приманивания зверей, а позднее в качестве музыкальных инструментов. Эти находки являются древнейшими на территории СССР духовыми музыкальными инструментами. "Флейта" из четвертого слоя Молодова V, датированного бензолловым методом временем в 17100 ± 1400, является наиболее сложной по устройству флейтой среди всех известных на территории Европы. Она имеет серию боковых отверстий, что позволяло воспроизводить целую гамму звуков. На ее внутреннем искусственном отверстии заметны следы поперечной перевязи на одном из концов, являющемся глухим концом, что позволяло изменять тон звуков.

Приведенные данные позволяют заключить о наличии на территории Поднестровья музыкального искусства, которое, учитывая материалы Мезина, возникло, вероятно, во второй половине мадленского времени.

Остановимся вкратце на позднепалеолитических памятниках Закарпатья.

До времени воссоединения Закарпатья с Советской Украиной здесь было известно лишь два позднепалеолитических памятника. Первым среди них является стоянка возле г. Мукачево, где в 1906—1908 гг. на Павловой горе Ф. Легоцкий обнаружил позднепалеолитическую стоянку. На склоне горы найдены кремневые изделия позднепалеолитического времени, состоящие из нескольких нуклеусов, отщепов, пластин, обломков пластин, пластин с краевой ретушью, скребков, резцов. Эти материалы позволяли датировать стоянку ориньякским временем позднего палеолита. Здесь собраны изделия из кремнистого песчаника, роговика, а также из обсидиана [Skutil, 1938, с.129—130, рис. XV].

Второй позднелолитической стоянкой на территории Закарпатья является стоянка Берегово на Малой горе. В 1935 г. в карьере для добычи камня Н. Скутиль, Б. Янтский, в лесовой стенке, на глубине 3,2 м зафиксировали наличие культурного слоя позднелолитического времени. В слое обнаружены изделия из роговика, кремнистого песчаника, риолита, опала со следами обработки. Среди изделий отщепы, обломки пластин, скребки на пластинах, пластины с краевой ретушью, резцы на пластинах. И. Скутиль эти изделия относил к ориньякскому времени [Skutil, 1938, с. 132–134, рис. XVI]. В 1959 г. этот памятник обследовали П.П. Сова и А.П. Черныш, в 1967 г. — А.П. Черныш и В.П. Савич.

В окрестностях Ужгорода известный краевед П.П. Сова открыл несколько позднелолитических местонахождений. Это местонахождения Радванка и Кальвария. В 1959 г. П.П. Сова в Радванке, на левом берегу р. Уж, на склоне Палфиевой горы, в отвалах обнаружил нуклеус, несколько пластинок, скребок и резец позднелолитического облика. На горе Кальвария, на правом берегу р. Уж, на участке, именуемом Дайбовица, в 1957 г. исследователь обнаружил 20 кремневых изделий: три нуклеуса, пластины и отщепы позднелолитического облика [Сова, 1964, с. 180–187, рис. 5]. В дальнейшем эти пункты обследовали другие исследователи, собравшие здесь дополнительные материалы.

В 1968 г. предметы позднелолитического времени нашел геолог Д.И. Гофштейн возле с. Русское поле Тячевского района Закарпатской области. Геолог Н.С. Демедюк в 1969 г. открыл позднелолитическое местонахождение вблизи с. Дубрынич Величко-Березнянского района Закарпатской области. Комплекс обнаруженных на пункте изделий из кварцитообразного песчаника и темного кремня (местные породы) состоит из нуклеусов, отщепов, многофасеточного массивного резца [Черныш, Демедюк, 1972]. Дополнительные сборы материалов на этом пункте произвели в 1970 г. А.П. Черныш и Р.Т. Грибович. Разведочные работы подтвердили существование на левом берегу р. Уж, на его высоком склоне, разрушенной стоянки позднелолитического времени.

Поздний палеолит Закарпатья исследовала Закарпатская палеолитическая экспедиция АН УССР под руководством В.Н. Гладиллина. Так, в 1969–1971 гг. на стоянке Берегово I “Малая гора” на площади 240 м² С.В. Смирнов провел стационарные исследования. На глубине 2,4–2,45 м от поверхности прослежен культурный слой в нижней части суглинков и верхней части ископаемой почвы, возможно, лаудорфского времени. Толщина слоя 20–50 см. На изученной площади обнаружены остатки костей ископаемых животных, а также около 1000 изделий из камня. Последние состоят из нуклеусов, скребков, резцов, ножевидных орудий. Были встречены и гальки-отбойники, скопления кремневых изделий — места обработки. Стоянку С.В. Смирнов датировал ориньякским временем [Смирнов, 1974].

В 1969 г. Закарпатская палеолитическая экспедиция в окрестностях г. Берегово во время разведочных работ открыла стоянку Берегово II, расположенную в южной части Береговского мелкогорья, южнее города. Это остатки разрушенной стоянки, кремневые изделия которой частично находились в суглинках на глубине 0,4–0,7 м. Среди многочисленных изделий нуклеусы, пластины, скребки, резцы, отщепы с ретушью, пластины с ретушью, скребла. Стоянка датируется С.В. Смирновым среднеориньякским временем [Смирнов, 1973]. В 1972–1973 гг. Закарпатской палеолитической экспедицией были произведены раскопки в пещере Молочный камень, находящейся возле с. Великая уголька Тячевского района, где обнаружены кости медведя, остатки угля, охры, кремневые изделия, относящиеся ко второй половине позднего палеолита, согласно датировке В.Н. Гладиллина, руководителя раскопок [Гладиллин, 1975].

Во время разведочных работ Закарпатской палеолитической экспедиции два позднелолитических местонахождения было открыто в районе с. Бигань Береговского района. Местонахождение Бигань располагалось на площади виноградника, в окрестностях села на склонах Багинской горы, где на ее юго-восточном склоне собрано около 300 кремневых изделий, состоящих из нуклеусов, пластин, отщепов, скребков, резцов, асимметричных острий, массивного нуклеовидного орудия. Местонахождение, по мнению С.В. Смирнова, относится к более позднему времени, чем ориньяковидные комплексы береговских стоянок [Смирнов, 1975].

Вторым местонахождением в этом районе является местонахождение Дедова гора, расположенное рядом с Беганской горой, северо-западнее с. Бегань. Здесь, на южном склоне горы, у вершины, на поверхности собраны кремневые изделия, состоящие из отщепов, отбойника, долотовидного орудия, обломка микропластины [Смирнов, 1975].

Слой позднего палеолита обнаружен и на многослойной стоянке Королево I В.Н. Гладилым [Гладилин, 1978].

В Закарпатье во время разведочных работ открыто еще несколько местонахождений позднепалеолитического времени (Лумшоры, Ворочеве, Ужгород, Лысая гора, Среднее, Великие лозы, Мукачэво IV, V, Завидовое, Богаревица, Дунковица, Малый Раковец, Каменское, Великая Уголька I, Чорна III и др.), где найдены изделия, свидетельствующие о заселенности Закарпатья в позднепалеолитическое время.

Все эти стоянки и местонахождения значительно изменили наши представления о позднем палеолите Закарпатья. Закарпатская группа позднепалеолитических стоянок в настоящее время насчитывает более 30 пунктов. Позднепалеолитическая культура этого района выросла из местного мустье. Это подтверждают материалы многослойной стоянки Королево I.

Закарпатские комплексы имеют определенное сходство с восточнорумынскими позднепалеолитическими памятниками. Дальнейшие исследования помогут раскрыть процесс исторического развития древнего населения этого района.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВОЛЫНИ

Территория Волыни, особенно ее южная часть, была довольно густо заселена позднепалеолитическим населением. Свидетелями этого являются остатки поселений и стоянок, сохранившихся в лессовидных суглинках многочисленных оврагов и балок, берегов рек и потоков. На этой территории в 1909—1911 гг. в с. Городок Ровенской области впервые обнаружены позднепалеолитические находки [Борисковский, 1953, с. 144—152]. Там в 30-х годах на двух стоянках в урочищах Заречье и Заставы Л. Савицкий раскопками обнаружил хорошо сохранившийся культурный слой поселения, интенсивно насыщенный культурными остатками. К сожалению, результаты этих исследований опубликованы не полностью [Sawicki, 1927, с. 36—42]. Ряд позднепалеолитических стоянок в районах Дубна I и Кременца выявлено разведывательными работами А. Цинкаловского [Cynkalowski, 1961, с. 1—15], М.И. Островского [Островский, 1965, с. 66—67; Островский, Григорьев, 1966, с. 3—13] и другими исследователями.

Публикации материалов этих памятников не дают полного представления о характере стоянок и поселений древнего населения Волыни. Значительно расширились исследования палеолита Волыни в годы Советской власти. Исследовались позднепалеолитические поселения Доагиничи [Левицкий, 1930, с. 153—159] и Радомышль [Шовкоплас, 1964, с. 89—102] на Житомирщине; Липа I [Савич, 1968, с. 203—204; 1975, с. 36—51] и Липа VI [Савич, 1962, с. 19—27; 1975, с. 51—101], возле с. Липа Ровенской области, Кулычівка в г. Кременце [Савич, 1974, с. 412—429; 1974а, с. 54—68; Богуцкий, Савич, Татаринев, 1974, с. 143—148; Савич, 1975, с. 15—36; 1975а, с. 41—51; 1977, с. 121—127; Иванова, Ренгартен, 1975, с. 52—68] на Тернопольщине и др.

Во время стационарных раскопок позднепалеолитических поселений обнаружены жилищно-бытовые комплексы, значительное количество орудий из кремня и кости, предметы искусства, кости ископаемых животных и другие материалы, позволяющие осветить характер хозяйства и культуры древнейшего населения Волыни. Особенно значительны материалы стационарных исследований многослойных памятников.

С целью более полного освещения истории древнейшего населения Волыни кратко остановимся на природно-географической характеристике района. В последние годы интенсивно исследуется геолого-географическая структура этого района. Стационарные геологические экспедиции Четвертичной комиссии Института геологии Академии наук СССР во главе с И.К. Ивановой, Института географии Академии наук СССР, Львовского политехнического института и других учреждений дали материалы для освещения проблем геологической структуры региона, естественной среды, палеорельефа, климата и других компонентов геоморфологии, которые имели важное значение в развитии первобытного общества.

Волынь расположена на Волыно-Подольской возвышенности, которая является водоразделом бассейнов Днестра и Припяти. Для этой территории характерна густая гидрографическая сетка — результат длительного геологического развития. Левобережные притоки Днестра несут свои воды с севера на юг и имеют в большинстве случаев глубокие каньонобразные долины. Правые притоки Припяти направлены с юга на север.

В геологическом строении исследуемого региона констатированы меловые, палеогеновые, неогеновые и четвертичные отложения. Меловые отложения состоят в основном из мелово-маргеленных пород туронского перисда [Пастернак, 1959, с. 48–53], в которых часто встречаются желваки серого, черного и реже шоколадного кремня [Кременец, Липа, Новостав, Шумбар и др.]. В результате эрозии меловые отложения вместе с кремневыми желваками часто открываются и выступают на дневную поверхность, особенно на эрозионных выступах, в оврагах, балках, речных долинах и т.д., этот кремень был основным материалом для изготовления орудий.

На размытой поверхности мела отдельными маломощными пятнами (до 10–12 м) залегают глауконитовые пески и глины, сохранившиеся в основном в ископаемых карстовых формах — Кременец, Новостав, Шумбар и др. [Богущкий, Свинко, 1966, с. 163–164]. Неоген на территории Волыни тоже не имеет сплошного распространения и занимает отдельные эрозионные останцы на восток от Дубна, а также на юге исследуемого района (Кременецкие горы и др.). Он состоит из толщи чередующихся песков, песчаников, разнообразных известняков — тортон, сармат — общей мощностью до нескольких десятков метров.

В конце неогена и в начале четвертичного периода эрозионно-аккумулятивные процессы значительно изменили поверхность плато [Цись, 1951, с. 22–23]. На расчлененной поверхности плато формировалась неоднородная толща четвертичных отложений, представленная в этом районе ледниковыми, водно-ледниковыми, аллювиальными; соловоделювиальными, делювиальными и другими генетическими типами. Ледниковые, особенно флювиогляциальные, образования сыграли существенную роль в формировании рельефа Волыни. Аллювиальные отложения составляют поймы и надпойменные террасы рек Стыр, Иква, Горынь, Устье и др. Они представлены песками, супесями и суглинками. На поверхности пойм часто наблюдаются развевания песков.

Золово-делювиальные образования представлены лессами, которые покрывают водоразделы, а также приводораздельные склоны Воыно-Подольской возвышенности пластом непостоянной мощности (до 10 м и больше). Они характеризуются неоднородным строением и делятся на несколько разновековых горизонтов лессов и ископаемых почв [Богущкий, 1970, с. 119–130].

В исследуемом районе на дневную поверхность повсеместно выступают верхнечетвертичные (вюрмские) лессы. На склонах эрозионных уступов, балок, речных долин Воыно-Подольской возвышенности широко распространены делювиальные отложения, которые представлены в основном лессовыми породами слоистых неоднородных образований, с прослойками и линзами песков. Наибольшее количество песков (иногда со щебнем и жорсткой) наблюдается в основе делювиальных шлейфов, с которыми связано большинство позднелитических поселений и стоянок.

В границах Воыно-Подольской возвышенности обнаружены зональности аккумулятивных и денудационных типов рельефа, что позволило выделить три геоморфологические подобласти [Цись, 1951, с. 38]. Интересующий нас район расположен в подобласти Воынской возвышенности, которая отделяется от Подольской низменности Малого Полесья. Воынская возвышенность имеет неоднородное геоморфологическое строение и разделена на такие районы: Сокальско-торчинская грядовая возвышенность, Пелчанская скульптурно-холмистая возвышенность, Мизочская холмистая возвышенность, Ровенская слабо холмистая возвышенность, Ровенская слабо холмистая возвышенность и Аннопольская равнина [Цись, 1951, с. 48].

Исследуемый район занимает также часть Северо-Подольского геоморфологического комплекса подобласти Подольской возвышенности. В этом плане нас интересует геоморфологический район Голгоро-Кременецкого низкогорного края Подолья с прилегающими останцевыми группами. В упомянутом районе П.М. Цись выделяет Кременецкое плато [Цись, 1962, с. 141], расположенное между долинами рек Иквы и Збытенки, Кременецкое плато опускается довольно резко выраженным склоном. Возле юго-западной и северо-западной части плато расположены останцевые уступы, которые имеют форму столовых гор с крутыми склонами (Кременец-Гора Бона — 406 м, Божа гора — 366, Стижок — 386 м) и др.

С точки зрения рельефа исследованный регион расчленен глубокими оврагами и балками и многочисленными перигляциальными долинами. Некоторые из них были густо заселены позднелитическими жителями, которые оставили там немало палеолитических памятников, открытых в последние годы. Особенно много их обнаружено на север-

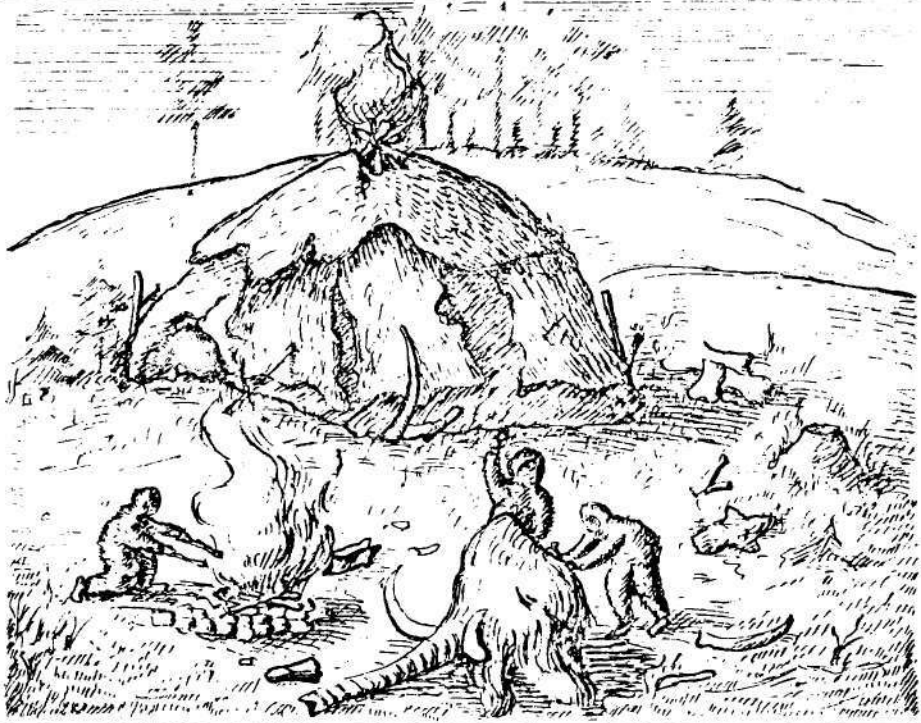

Рис. 16. Реконструкция позднепалеолитического жилища верхнего слоя стоянки Вороновица I

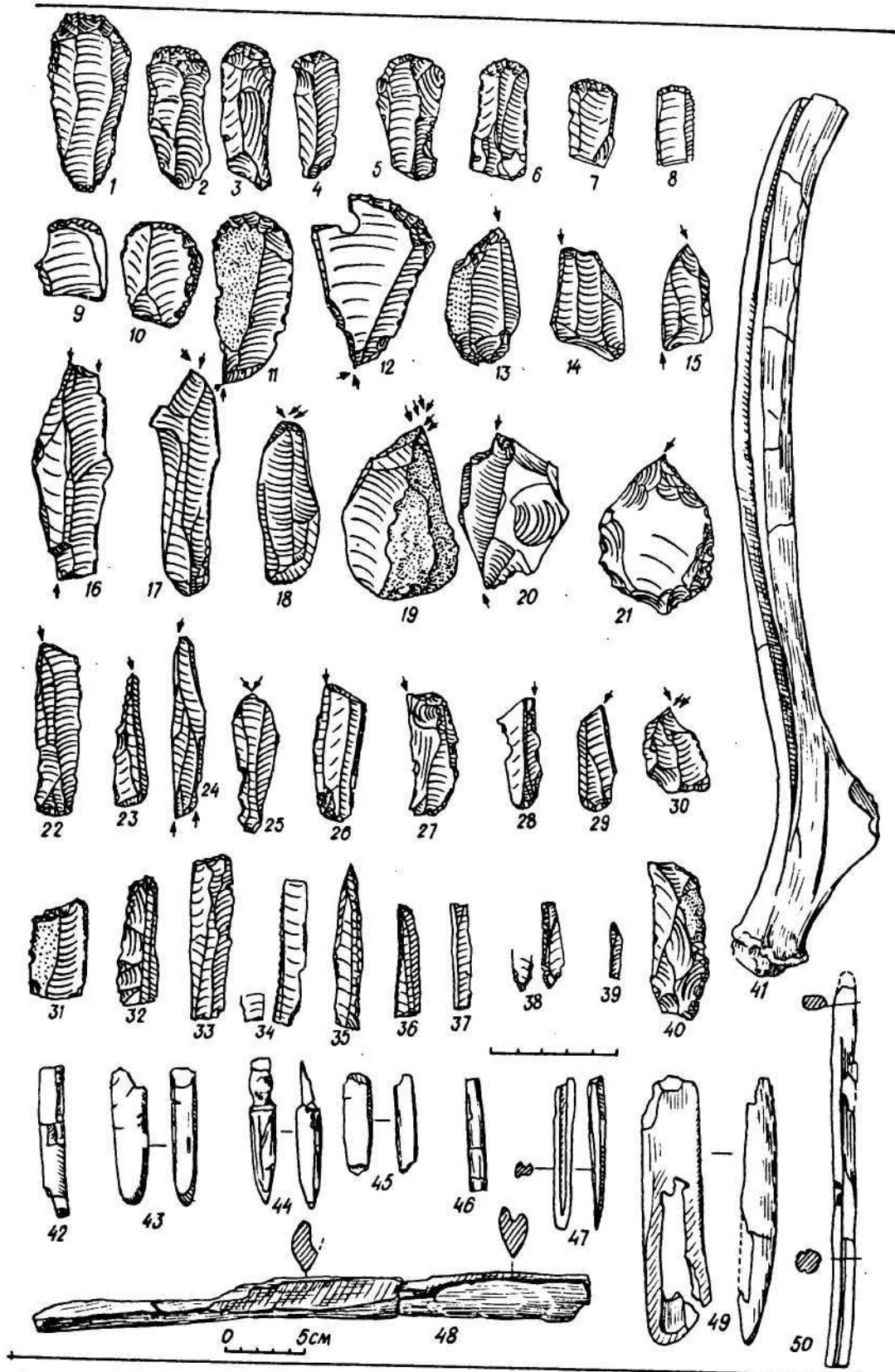
ном склоне Збытинского и Мизочского плато. Отметим также, что речная сеть в основном отвечает современной, но была более полноводной.

В позднепалеолитическое время на территории Воыни климат был более суровый и холодный по сравнению с современным. Об этом свидетельствуют остатки флоры, фауны, следы морозно-мерзловых деформаций, обнаруженные в последнее время в Кременце (Кульчивка), с. Липе и других объектах [Богуцкий, Савич, Татаринов, 1974, с. 143–148]. Природно-географические условия позднепалеолитической эпохи на Воыни хотя и были суровыми, но благоприятствовали развитию общества того времени.

На территории Воыно-Прикарпатского региона все домадленские поселения и стоянки связаны с ископаемой почвой паудорфско-дубновского возраста и имеют абсолютные даты 28–29 тыс. лет (Молодова V, Кормань IV, Куличивка и Кременец), а поселения и стоянки, датированные А.П. Чернышем мадленским периодом, имеют абсолютную дату 17–11 тыс. лет. Лессовидные суглинки на территории Воыни, в которых находятся позднепалеолитические поселения и стоянки, имеют незначительную мощность на высоких участках рельефа (Липа I – 2 м, Кульчивка в г. Кременец – 4 м), а на склонах возвышенностей их мощность возрастает (на многослойном памятнике Липа VI – 8 м, Городок – 11 м). В суглинковых отложениях некоторых объектов Воыни четко прослеживаются ископаемые почвы Гороховского и Дубновского возраста [Boqucki], 1972].

На территории Воыни позднепалеолитические памятники размещены небольшими группами, а также одиночными поселениями и стоянками.

Важное значение для решения ряда проблем позднего палеолита Воыни имеют материалы тех поселений и стоянок, которые исследовались путем стационарных раскопок большими площадями. Среди таких памятников наиболее ранними являются Радомышльские стоянки, исследованные И.Г. Шовкоплясом 1954–1956 гг. На этих стоянках раскопками были открыты остатки жилища, кострища, множество расщепленного кремня и орудий, а также много обломков костей животных. В коллекции кремневых изделий значительное количество резцов, меньше скребков, острий и других орудий. Следует отметить, что вместе с позднепалеолитическими материалами, которые имеют архаичные черты, встречаются находки позднемустьерского типа. Они представляют собой пережитки мустьерских традиций в ранней фазе позднего палеолита. Радомышльские стоянки И.Г. Шов-

копья датирован начальным этапом позднего палеолита [Шовкопляс, 1964, с. 89–102].

Кульчивка — многослойный археологический памятник с пятью культурными слоями разновременных поселений [Савич, 1975, с. 15]. Многолетними полевыми работами автора 1968–1981 гг. полностью исследована западная часть памятника площадью 2550 м², восточная часть — в стадии исследования. На изученном участке разновременных поселений обнаружены жилищно-бытовые комплексы, места обработки кремня и изготовления кремневых орудий, кострища, хозяйственные объекты и более 400 тыс. археологических материалов, имеющих важное значение для освещения разных проблем хозяйства и культуры древнего населения [Савич, 1974, с. 54–68; 1974а, с. 412–429; Богущкий, Савич, Татаринов, 1974, с. 143–148; Савич, 1975, с. 41–51; 1975а, с. 15–36; 1977, с. 121–127].

Поселение третьего позднепалеолитического слоя — древнейшее, было прослежено в центральной части мыса в слоистых суглинках на глубине 2,8–3,1 м от древней поверхности. Слой полосатых суглинков прикрывался ископаемой почвой паудорфского возраста и состоял из темно-коричневых, охристых, красных, светло-коричневых полосок толщиной 10–15 см. Между полосами попадались тонкие песчаные линзы (светло-серый, коричневый или красный песок) толщиной 3–6 см. Слоистые суглинки подстилались темно-серой глиной.

На изученном участке этого поселения культурные остатки залежали с разной концентрацией. Они представлены остатками четырех кострищ, тремя местами обработки кремня, значительным количеством кремневых артефактов, камнными растиральниками и плитками со стертой поверхностью, комками разноцветной охры, угольками пережженного дерева и костей и небольшим количеством очень плохо сохранившихся остеологических материалов.

Остатки кострищ в плане овальной формы преимущественно небольших размеров, диаметром 1,3–1,58 м, лишь одно из них большое, неправильной формы размерами 2,5 x 1,6 м, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Края кострищ и дно с большими углублениями. Возле кострищ прослежены места для обработки кремня. В плане они имели овальную форму размерами 4,0 x 2,5 и 4,5 x 2,5 м, а их линзы толщиной 8–25 см были заполнены кремневыми артефактами в разной стадии обработки. Там находились кремневые отщепы и осколки от обработки кремня и изготовления кремневых орудий, пластины и фрагменты пластин, нуклеусы в разной стадии расщепления, целые и разбитые кремневые ядрища, каменные плитки и камни, использовавшиеся в процессе обработки кремня, сколы ядрищ и нуклеусов, резцовые сколы и сколы ударных площадок нуклеусов, незаконченные и готовые орудия и другие категории расщепленного и полуобработанного кремня. Больше всего материалов залежало в центральных частях этих объектов; на площади 1 м² находилось от 92 до 901 кремневых артефактов.

Наибольшую группу культурных остатков поселения третьего позднепалеолитического слоя представляют кремневые изделия и отбросы 11198 экземпляров. Все они из черного, реже серого, слоистого кремня местного туронского происхождения. Поверхность кремневых артефактов покрыта голубой, реже молочной патиной и непатинованая.

В коллекции кремневого инвентаря нуклеусы составляют 1 %. Они преимущественно на кремневых желваках и их фрагментах, реже на кремневых плитках. Среди них есть нуклеусы в первичной и развитой стадиях расщепления и нуклеусы сильносработанные. 61 % нуклеусов двуплощадочных односторонних со скошенными и, реже, прямыми ударными площадками, меньше нуклеусов призматических, неправильно призматических, дисковидных, многогранных, аморфных и первичных.

Анализ пластин и фрагментов пластин показал, что целые пластины преимущественно плохого нерегулярного огранения, а фрагменты пластин преимущественно совершенной и качественной огранки. Очевидно, пластины плохой огранки меньше использовались в производстве и, наоборот, пластины хорошей огранки широко использовались для изготовления орудий. Привлекает внимание, что во время обработки пластин на орудия преимущественно обламывали часть пластин с бугорком удара или конец. Результат этого — большое количество (45 %) фрагментов пластин с бугорками ударов и 34 % концов пластин. Примечательно, что в коллекции пластин и фрагментов пластин этого поселения имеется зна-

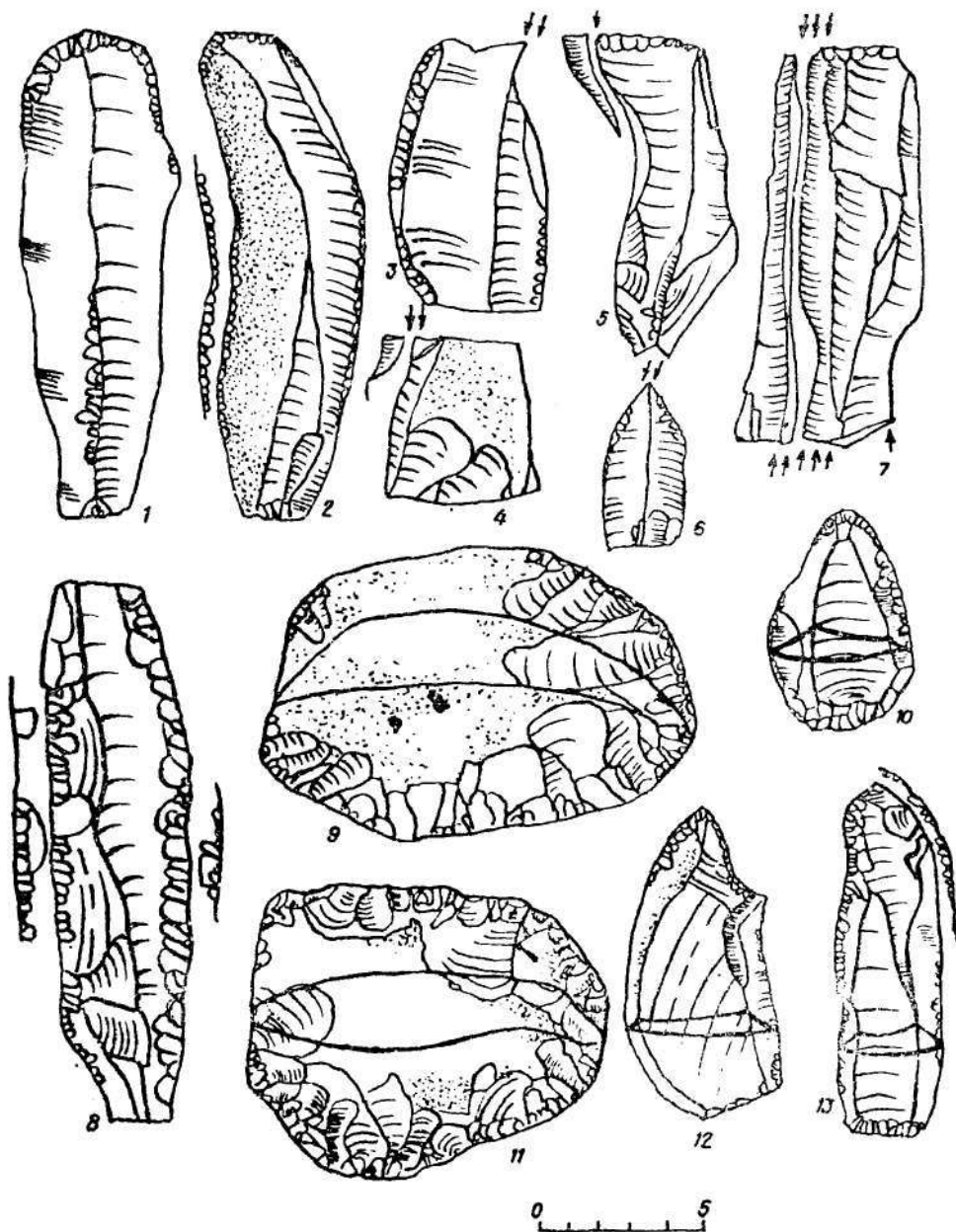

Рис. 18. Изделия третьего (нижнего) слоя стоянки
Кульничка. Абсолютное время 31000 лет

чительное количество пластин среди фрагментов пластин (31,4 %) с позднемустьерскими традициями. Интересно отметить, что ряд позднемустьерских пластин совершенной огранки сколоты с подпризматических нуклеусов. Показательно, что в этих случаях технические приемы были еще позднемустьерские, но сколотые пластины имели уже позднепалеолитические черты. Такие явления характерны для переходного этапа в кремневом производстве, когда старые производственные процессы заменяются новыми. Все это указывает на архаические черты и пережитки мустьерских производственных традиций в ранней фазе позднего палеолита.

Аналогичные явления прослеживаются и в большой коллекции отщепов и отбросов обработки кремня. Они овальные, подпрямоугольные, подтреугольные, аморфные и др. В коллекции отщепов только 5,6 % отщепов с мустьерской подправкой. Показательно, что

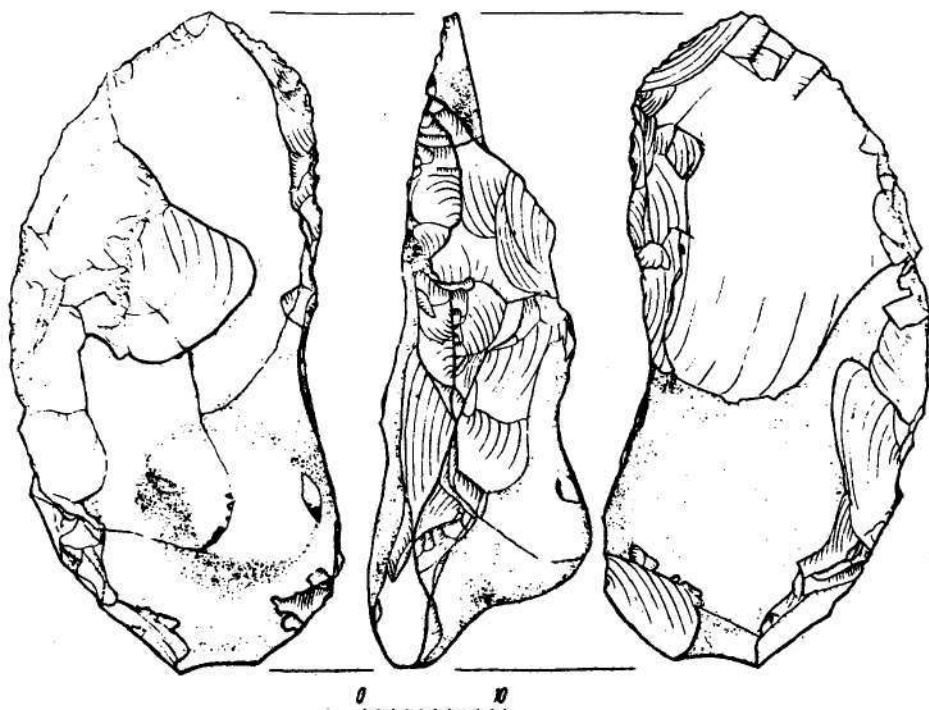

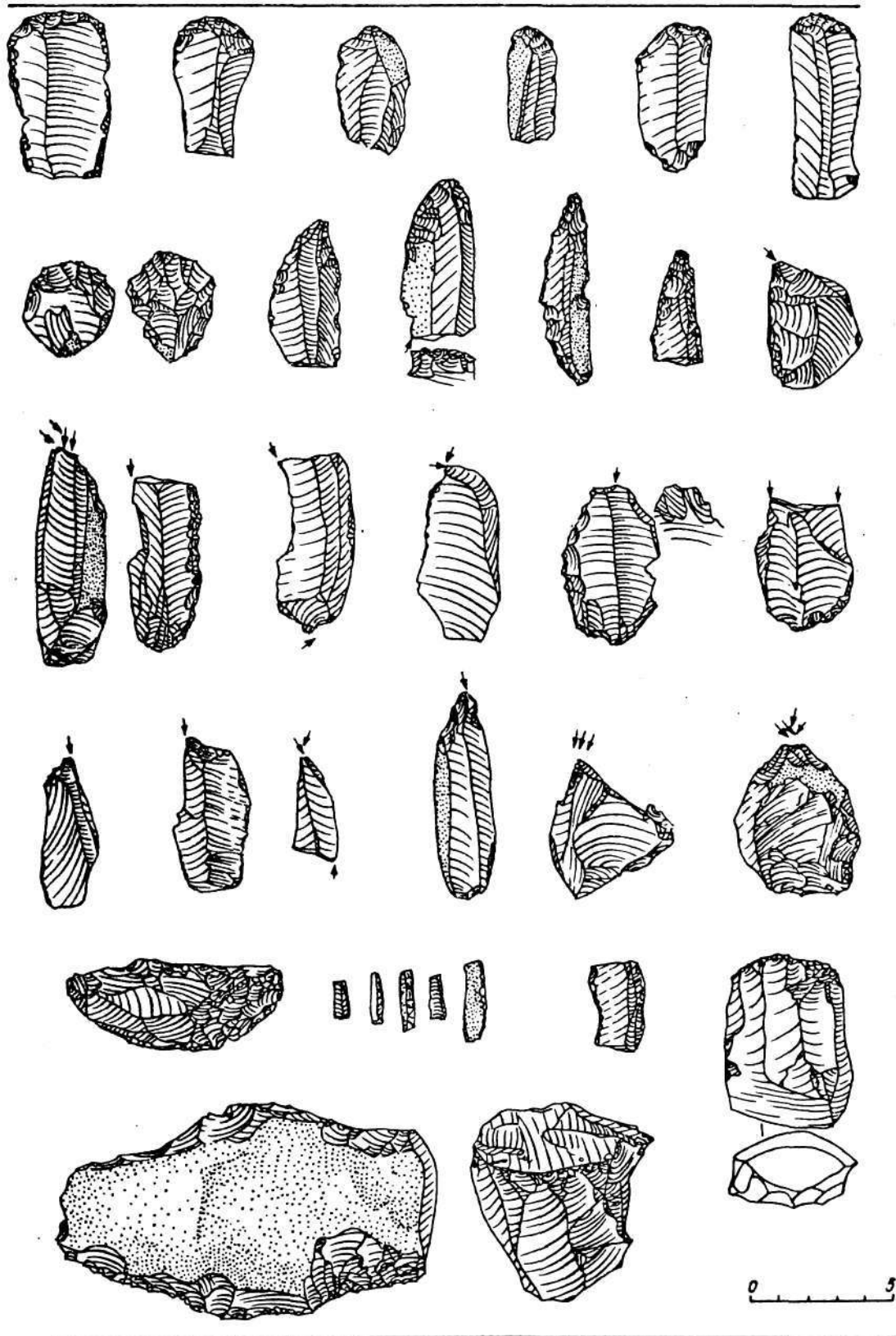
Рис. 19. Гигантолит. Третий слой стоянки Кульчичка

среди отщепов мустьерского типа 84,8 % с остатками ударных площадок с обычной мустьерской подправкой и 15,8 % имеют остатки волнообразных ударных площадок типа шапо де жандарм. Преобладают отщепы позднепалеолитического типа, но мустьерские производственные традиции довольно интенсивны.

В кремневом инвентаре коллекция кремневых орудий составляет 3,5 %. Орудия изготовлены на пластинах и фрагментах пластин, отщепах и реже использованных нуклеусах, фрагментах нуклеусов или кремневых плитах. В коллекции орудий преобладают скребки, резцы, пластины и фрагменты пластин с краевой ретушью, частично краевой ретушью или боковыми выемками. Значительно меньше скребловидных орудий, острий, проколов, скобелей, орудий типа остроконечников и др. Рабочие края орудий ретушированы преимущественно крутой вертикальной или высокой скошенной или мелкой ретушью и реже плоской ретушью солютрейского типа, часть позднепалеолитических орудий изготовлена на пластинах и отщепах мустьерского типа. Все это придает коллекции архаические черты и является результатом генетических связей позднего палеолита с позднемустьерской эпохой.

Интересной находкой этого поселения является крупное кремневое орудие — гигантолит, имеющий миндалевидную форму, размерами 45 x 20 x 16 см и весом 14 кг 70 гр. Рабочая часть его дуговидная, имеет двустороннюю подтеску. Эти орудия в палеолитических коллекциях крайне редки.

Охарактеризованный кремневый инвентарь поселения третьего позднепалеолитического слоя имеет архаические черты, проявляющиеся в технике расщепления и обработки кремня и многих кремневых артефактов. В коллекции нуклеусов есть дисковидные и односторонние сплюснутые с ударными площадками, которые имеют мустьерскую подправку. Среди пластин и отщепов 25—31 % имеют остатки подправленных ударных площадок. Кроме того, в коллекции орудий представлены архаические скребки, резцы, скребловидные орудия, острия типа мустьерских остроконечников и другие орудия, ретушированные высокой скошенной, крутой ретушью или ретушью плоской солютрейского типа. Аналогичные черты имеют преимущественно позднепалеолитические памятники переходной, начальной, ранней фазы позднего палеолита. К этому времени следует отнести остатки поселения третьего позднепалеолитического слоя Кульчички. Это подтверждается радио-

углеродной датировкой этого поселения (31 тыс. лет) и ближайшими аналогиями материалам в памятниках начальной, ранней фазы позднего палеолита: Радомысль [Шовкопляс, 1964, с. 89–102] — Кормань IV, слой 8–7 — Поднестровье [Черныш, 1977, с. 23–26], Фогельхерд — ФРГ [Hahn, 1972, с. 77–107], Вильфендорф — Австрия [Felgenhauer, 1956–1959], Бецув, Голедец, Енералька — Чехословакия [Fridrich S., 1973, с. 392–442; 1972, с. 249–259; Woldrich, 1900, с. 1–29] и других объектах начала позднего палеолита.

Остатки поселения второго позднепалеолитического слоя Кульчивки занимают почти весь террасовидный уступ длиной 100 м и наиболее интенсивно насыщены культурными остатками. Полностью исследована западная и центральная часть поселения, восточная — в стадии исследований. Культурные остатки этого поселения прослежены в слое светло-коричневых суглинков желтоватой окраски на глубине 1,93–2,19 м от дневной поверхности и связаны с ископаемой почвой паудорфского возраста [Богущий, Саевич, Татаримов, 1974, с. 145].

На исследованном участке этого поселения (2550 м² площади) открыто остатки 6 жилищ, 9 мест обработки кремня, 11 внешних кострищ и более 250 тыс. археологических находок. Жилищные объекты концентрировались в центральной и северной частях поселения. Они расположены довольно компактно, почти по одной линии с юго-востока на северо-запад на расстоянии 2–5 м одно от другого. Только одно жилище, очевидно, летнего типа, было расположено в южной части поселения на расстоянии 27 м от основного жилищного комплекса. Жилища имели овальную форму диаметром 5,7–7,5 м с входами с южной и юго-западной сторон, а кострищами по центру. В комплексе жилищных сооружений — два жилища маленьких размеров, диаметром 4–5 м без кострищ. Исследованные остатки жилищ позволяют констатировать, что им свойственна шалашеобразная конструкция и построены они на деревянном каркасе из крупных остеологических материалов: преобладают мамонты, меньше северных и обыкновенных оленей, косуль, первобытных зубров, коней и других ископаемых животных. В конструкции жилищ были также каменные плиты и камни. Жилищный комплекс этого поселения защищал его внутреннюю часть от холодных северных и северо-восточных ветров.

Анализ жилищ второго позднепалеолитического слоя Кульчивки показал, что их конструкция близка позднепалеолитическим жилищам европейской части СССР и Центральной Европы. Аналогичные жилища известны на позднепалеолитических поселениях Липа I на Волыни [Савич, 1968, с. 203–204; 1974, с. 60; рис. 20; 1975, с. 36–51], на Поднестровье — Вороновица I [Черныш, 1959, с. 46–59], в Гагарино на Дону [Замятнин, 1935, с. 26–77, рис. 9], Мальта [Герасимов, 1935, с. 78–123; 1958]. Близкие по конструкции шалашевидные наземные жилища известны на позднепалеолитических поселениях Поднепровья — Гонцы, Добраничівка, Мезин [Пидопличко, 1969; Левицкий, 1947, с. 197–236; Шовкопляс, 1955, с. 32–45; 1965]. Позднепалеолитические жилища, конструкцию которых составляли каменные плитки и камни, известны на поселениях Барца II, Тибава, Готвальдове, Лубна, Острава-Петрковице, Дольни Вестонице в Чехословакии [Prošek, 1961, с. 57–75; Vaneš, 1960, с. 7–47; 1976, с. 5–78; Klíma, 1955, 1963, 1952, с. 193–197]. Остатки шалашевидных жилищ круглой и подковообразной формы с каменной обкладкой найдены на поселениях Генерсдорф [Bosinski, 1975, с. 255–270], Борнек, Рогенвиш [Zelínek, 1977, с. 213, 220, рис. 345–347] и других на территории ФРГ, а также в Таубах вблизи Лейлцига в ГДР [R. und E. Dunkel, 1977, с. 6–10].

Вблизи жилищ располагались производственные объекты. Среди них привлекают внимание места обработки кремня, имеющие овальную или удлинненную форму длиной 4,5–9,0 м, а одно из них — большое — размерами 13 х 15 м. Эти объекты аналогичны поселениям третьего позднепалеолитического слоя Кульчивки, также характеризуются интенсивной концентрацией кремневых изделий и отходов обработки кремня.

В жилищно-бытовых и хозяйственных комплексах поселения второго позднепалеолитического слоя Кульчивки имеются кострища, расположенные вне жилищ. Они имели овальную форму, размерами 85 х 93 и 1,5 х 1,3 м, а большие длиной 2,25 м и более. Их линзы имели толщину 5–15 см, заполнены темной углистой массой с угольками пережженного дерева и костей. Некоторые кострища были размещены в местах обработки кремня и реже отдельно вблизи жилищ. Привлекают внимание пять внешних кострищ с юго-за-

Рис. 20. Изделия второго слоя стоянки Кульчивка. Абсолютное время 25000 гг.

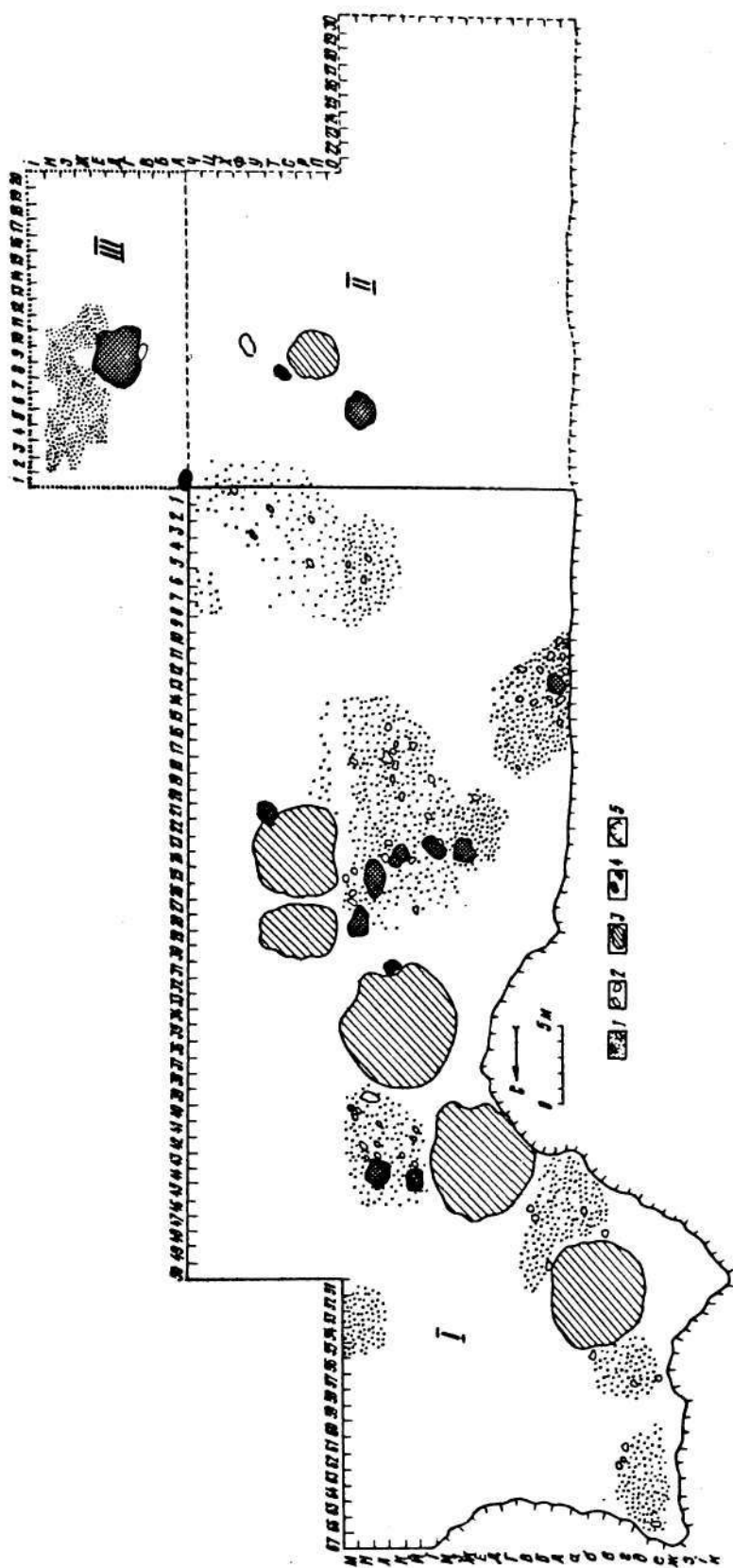

Рис. 21. План поселения Кульчьева. Второй слой стоянки. 1 — места обработки кремня; 2 — каменные плиты; 3 — жилища; 4 — кострища; 5 — край разрушенной части мыса

падной стороны жилищ, расположенных дугой. Они ориентированы на юго-восток, а расстояние между ними составляло 0,5–1,2 м. В остатках этих жилищ и вблизи них найдено много пережеванных костей животных и комки разноцветной охры.

Кремневые артефакты поселения второго позднепалеолитического слоя Кульчивки изготовлены из такого же местного кремня, как и в нижнем, третьем слое. Кремневый инвентарь этого поселения представлен коллекцией, насчитывающей 94952 артефакта, из них 3291 орудие. В коллекции кремневого инвентаря нуклеусы составляют 2 %. Они разной стадии расщепления на желваках и фрагментах желваков и резе на каменных плитках. Преобладают нуклеусы односторонние, сплюснутые и аморфные. Значительное количество нуклеусов призматических и неправильно призматических, дисковидных и первичной стадии расщепления, очень мало многогранных, конических и других форм.

Весомое место в коллекции кремневого инвентаря второго слоя поселения занимают пластины и фрагменты пластин, которые составляют 14,7 % всего кремневого инвентаря. Из них изготавливали скребки, резцы, ножевидные режущие орудия, острия, проколки и др. Пластины скальвались с качественных, хорошо подобранных нуклеусов, которые расщепляются в работе. Очевидно, пластины скальвали при помощи костного посредника и отбойника или молотковидного орудия. Такие орудия известны в позднепалеолитических комплексах ФРГ — Фогельхерд [Наhn, 1972, S. 89; В. 4,8], Волини — Липа VI [Савич, 1975, рис. 22, 5–6], Поднестровья — Молодова V [Черныш, 1961, рис. 32, 1–2], Мизин [Шовкопляс, 1965, табл. XXXIX] и других памятниках европейской части СССР. По своему характеру пластины и фрагменты пластин этого поселения аналогичны пластинам поселения третьего позднепалеолитического слоя, но более развитых форм. Отметим, что позднемустье́рские традиции в технике расщепления и обработки пластин значительно уменьшаются. Они составляют 16 %. Аналогичное явление прослежено на коллекции отщепов и отбросов от обработки кремня.

В кремневом инвентаре поселения второго позднепалеолитического слоя имеется многочисленная коллекция кремневых орудий, составляющая 3,4 % всего инвентаря. Она изготовлена на пластинах и фрагментах пластин, отщепах и сколах, а также небольшое количество на использованных нуклеусах. В коллекции орудий преобладают скребки, резцы, отщепы, пластины с краевой ретушью, скребловидные орудия и др. Проколки, скобели, пластины с выемками, дисковидные — в небольшом количестве. Кремневые орудия довольно развитых форм с архаическими чертами, которые проявляются не только в технике изготовления и типологическом составе, но и в характере ретуши. Значительное количество орудий изготовлено на пластинах и отщепах мустье́рского типа, а большинство орудий — высокой крутой или скошенной ретушью солютрейского типа.

На поселении второго позднепалеолитического слоя обнаружена небольшая коллекция каменных орудий. Среди них каменные плитки, растиральники и ступка для растирания охры — минеральной краски или съедобных злаков. Костяные изделия представлены орнаментированными рогами северных оленей, проколками, роговыми рукоятками для кремневых орудий и другими изделиями. Среди других находок следует отметить украшения из морских ракушек *Glycymeris* и *Gardium*.

Материалы поселения второго позднепалеолитического слоя Кульчивки имеют четкие аналогии в материалах поселения ранней фазы позднего палеолита: Кормань IV, слои 8–7 [Черныш, 1977, с. 23–28], Молодова V, слой 10–9 [Черныш, 1961, с. 27–37], Радомышль [Шовкопляс, 1964, с. 89–102] и поселения нижнего слоя Бабин I [Черныш, 1959], которое закрывает первую половину ранней фазы позднего палеолита. К этому времени следует отнести остатки поселения второго позднепалеолитического слоя Кульчивки. Этой датировке не противоречит датировка по C_{14} — 25 тыс. лет.

Остатки поселения верхнего, первого позднепалеолитического слоя залежали в центральной и северной частях мыса Кульчивки в верхней части на стыке темно-коричневых комовых суглинков бурой окраски и светло-коричневых суглинков желтоватого цвета на глубине 0,93–1,06 м от дневной поверхности. Отметим, что остатки этого поселения очень разрушены хозяйственными сооружениями поселений комаровской культуры и культуры скифского времени, которые залежали стратиграфически выше.

На исследованном участке этого поселения (2550 м²) культурные остатки залежали с разной концентрацией. Наибольшая концентрация прослежена в центральной части мыса вблизи жилища. Там, на площади 1 м², обнаружено 450–1100 и более археологических находок. Культурные остатки поселения представлены жилищно-бытовым комплексом, от-

дельными кострищами вблизи жилища, местами обработки кремня, кремневыми орудиями и отбросами от обработки кремня, каменными плитами и растиральниками, остеологическими материалами и костяными изделиями, комками разноцветной охры, угольками, пережженного дерева и костей, другими археологическими материалами.

Среди культурных остатков этого поселения привлекает внимание жилищно-бытовой комплекс, который выделяется интенсивной концентрацией материалов и охристой окраской грунта. Этот интересный и важный объект состоял из остатков одного шалашевидного жилища и шести мест обработки кремня и изготовления кремневых орудий. По своему характеру и конструкции он идентичен аналогичным комплексам из поселения второго позднепалеолитического слоя памятника. Необходимо отметить, что в жилище поселения верхнего слоя обнаружено 9578 артефактов и интересный комплекс инвентаря, изделий и предметов искусства. Среди них фрагмент жезла с антропоморфным изображением, орнаментированная роговая подвеска, напоминающая подвеску из Сунгири, фрагменты пластинок браслета из бивня мамонта, проколки, бусины и т.д.

В коллекции культурных остатков этого поселения наибольшую группу составляют кремневые изделия и отбросы от обработки кремня — 40537 экземпляров, среди них 1334 орудий, покрытых голубой и реже — молочной патинами.

В коллекции кремневого инвентаря нуклеусы составляют 1,9 %. Среди них преобладают аморфные, призматические и неправильно призматические. Значительно меньше нуклеусов односторонних сплюснутых, многогранных конических и др. Пластины и фрагменты пластин и отщепы аналогичны пластинам и отщепам поселений позднепалеолитических слоев, но более развитых типов. Интересно отметить, что в материалах, среди пластин и фрагментов пластин 4 % составляют остатки ударных площадок с подправкой. Очевидно, мустьерские традиции во время существования верхнего, первого позднепалеолитического слоя Кульчивки отмирают, что хронологически является показателем позднего палеолита.

В коллекции кремневого инвентаря поселений верхнего, позднепалеолитического слоя орудия составляют 3,2 %. Они изготовлены на пластинах и фрагментах пластин и резе на отщепе и сколах нуклеусов и желваков. Среди орудий преобладают скребки, резцы, пластины и фрагменты пластин с краевой ретушью и частично ретушированным краем. Значительно меньше скребловидных орудий, пластин и фрагментов пластин и отщепов с боковыми выемками, острий, скобелей, проколки и др.

Кремневый инвентарь поселения верхнего, первого позднепалеолитического слоя Кульчивки по своему типологическому составу аналогичен кремневому инвентарю поселения нижних позднепалеолитических слоев этого памятника. Однако кремневые орудия верхнего позднепалеолитического слоя более развитые и совершенные. Это подтверждается развитыми формами скребков, резцов, острий, скребловых орудий, кремневые изделия верхнего слоя преимущественно на пластинах и фрагментах пластин. Кроме того, на этом поселении прослежено очень мало пластин и отщепов, имеющих остатки ударных площадок с мустьерской подправкой. Все это дает основания считать, что у поселения верхнего позднепалеолитического слоя Кульчивки существовала более развитая кремневая индустрия; в верхнем слое обнаружены новые категории орудий — пластинки с притупленным краем, которые отсутствуют в нижних позднепалеолитических слоях этого памятника.

Материалы поселения первого позднепалеолитического слоя Кульчивки близки к материалам памятников финального этапа ранней фазы позднего палеолита европейской части СССР: Липа 1 на Воляни [Савич, 1968, с. 203; 1975, с. 36—51], Молодова V, слой семь в Поднепровье [Черныш, 1959, с. 73—86; 1961, с. 37—73], Пушкари I в Поднепровье [Борисковский, 1958, с. 208—221]. В инвентаре поселения Липа 1, седьмом слое Молодова V, Пушкари I прослеживаются аналогии скребкам, резцам, симметричным остриям, каменным растиральникам, костяным изделиям и предметам искусства и другим находкам. Это позволяет датировать поселение верхнего, первого позднепалеолитического слоя Кульчивки финальным этапом ранней фазы позднего палеолита.

Комплексы материалов, встреченные во время стационарных исследований на Кульчивке, свидетельствуют о генетическом родстве трех позднепалеолитических поселений, о постепенном развитии производства и культуры на данном хронологическом этапе позднего палеолита. Материалы Кульчивки дают нам весомые источники, которые освещают генетические связи позднего палеолита с мустьерским периодом. Отмечается очень близкое сходство позднепалеолитических материалов Кульчивки с синхронными материалами По-

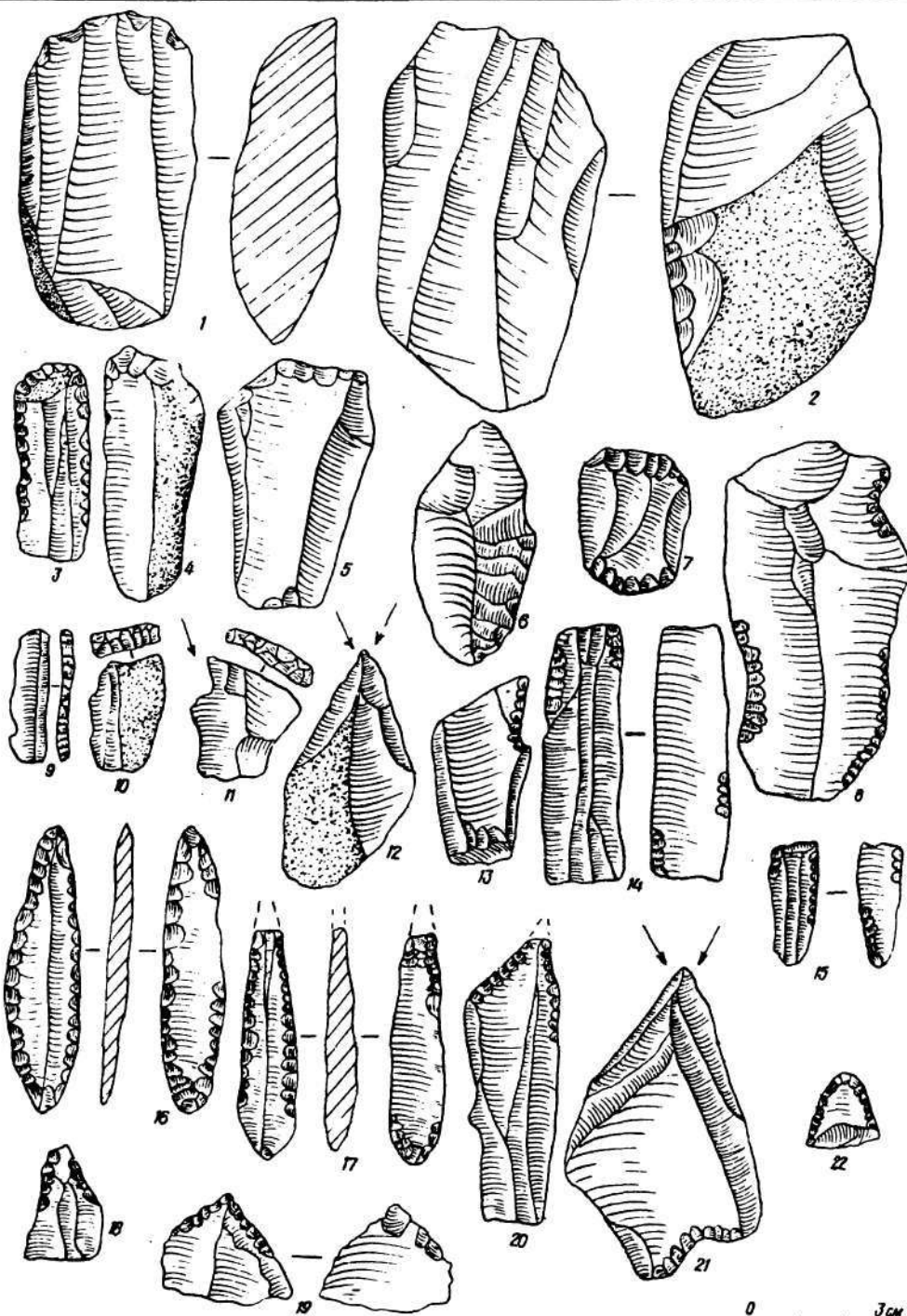

Рис. 22. Кремневые изделия стоянки Незвиско XXI

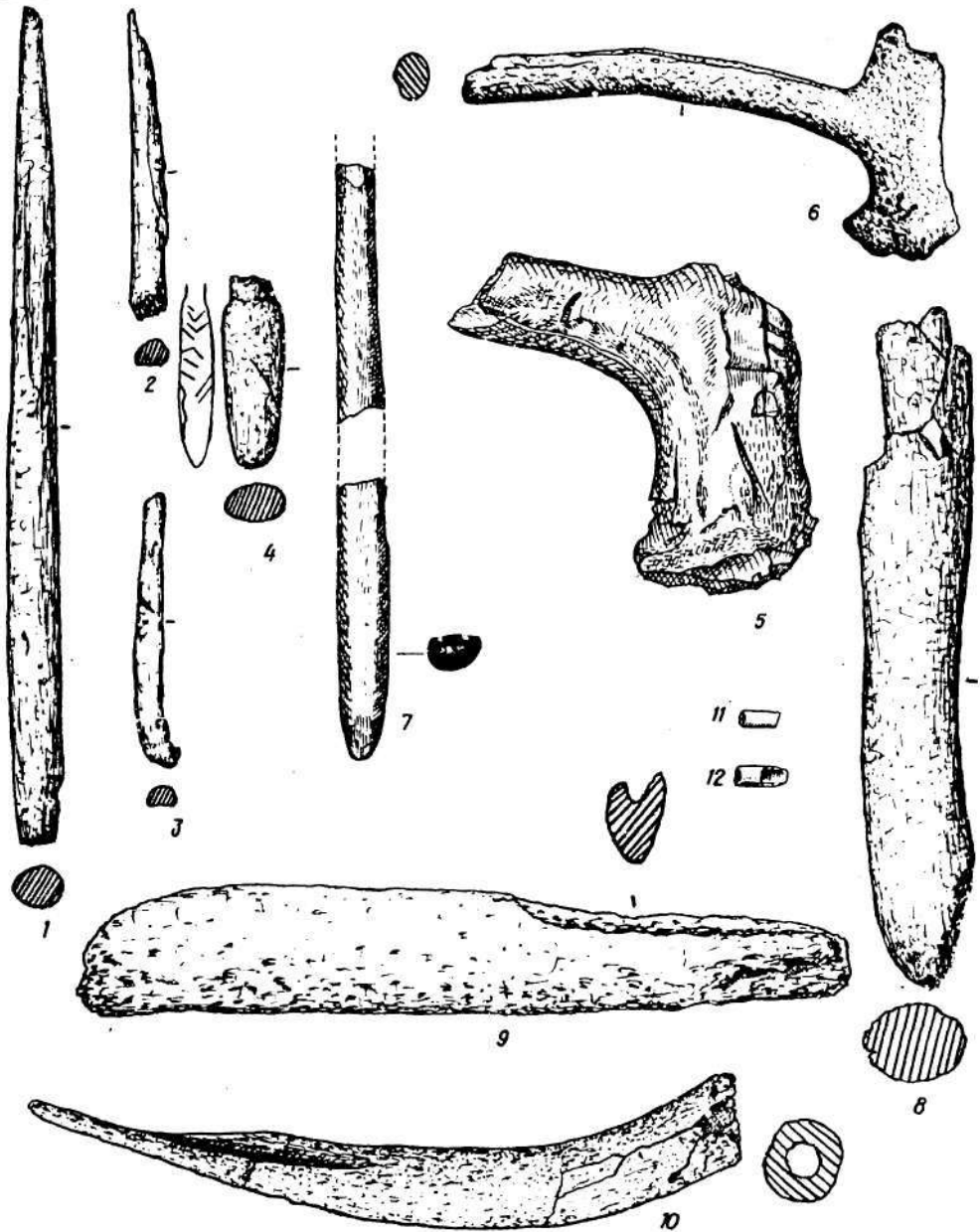

Рис. 23. Костяные изделия стоянки Липа VI.
1 — четвертый слой 5; 5 — слой 3; 8—12 — слой 2а

днестровья. Это дает основания считать, что позднепалеолитическое население этих двух районов было генетически связано и составляло единый Вольно-Прикарпатский палеолитический регион. Кульчивка исследована на большой площади, датируется ранней фазой позднего палеолита. Таких памятников в европейской части СССР и в Центральной Европе мало. Данные, которые мы получили во время стационарных исследований на Кульчивке, не дают оснований для подтверждения гипотезы о существовании на Волыни так называемой липской культуры, созданной на основании подъемных материалов [Григорьев, 1968, с. 50—65; 1970, с. 45].

Следующим памятником, который исследовался путем раскопок, является стоянка Липа I, расположенная в урочище Мокренщина на северном склоне Збытинского плато, воз-

ле с. Липа на Ровенщине. В.П. Савич в 1963 и 1967 гг. установил, что культурный слой стоянки залегает в нижней части лессовидных суглинков на глубине 1,63–1,87 м от дневной поверхности. Исследовано 111 м² площади.

Важным результатом исследований этого памятника является обнаружение остатков шалашевидного жилища округлой формы размерами 3,60 x 3,75 м в виде вогнутой линзы с пологими краями. На дне жилища прослежено десять овальных углублений, кострище, каменные плитки и кремневые находки. Вблизи жилища открыто интенсивное скопление расщепленного кремня и значительное количество орудий. Очевидно, этот объект был местом для обработки кремня и изготовления орудий.

Кремневый инвентарь стоянки Липа I изготовлен из мелового кремня местного (туронского) происхождения и покрыт интенсивной голубой патиной. В его составе призматические и неправильно-призматические нуклеусы, сколы нуклеусов и их ударных площадок, пластины и фрагменты пластин, отщепы и отбросы и 325 орудий. Среди нуклеусов — несколько близких к дископодобным.

Коллекция орудий изготовлена преимущественно на пластинах и на фрагментах. Есть орудия на сколах нуклеусов и отщепах. Среди орудий преобладают резцы и скребки. Небольшое количество составляют симметрические острия, скребловидные и нуклеовидные орудия, скобели, проколки, пластинки с краевой ретушью и др. В коллекции резцов преобладают угловые резцы, срединные и боковые, но есть и срединно-угловые, дуговидные типа Бюске и др. Скребки в основном с равномерно закругленным рабочим концом. Значительное количество скребков высокого типа.

Кремневые орудия стоянки Липа I очень близки орудиям шестого-седьмого слоев многослойного памятника Молодова V [Черныш, 1961, с. 45–76; 1959, с. 77–91]. Это хорошо прослеживается сопоставлением кремневых коллекций этих памятников. На стоянках Липа I и Молодова V (слои 6 и 7) много идентичных скребков, резцов, острий и других орудий. Но в шестом слое Молодова V орудия более развитых форм. По сравнению с Липой I в шестом слое Молодова V мало скребков высокого типа. В седьмом слое стоянки Молодова V прослеживаются аналогии большинству орудий стоянки Липа I. Однако орудия седьмого слоя в значительной мере отличаются архаичными чертами, которые проявляются в плоской и крутой ретуши на отдельных орудиях. Но в коллекции орудий стоянки Липа I имеется и значительное количество скребков высокого типа.

На основе применения статистического метода, разработанного Сонвиль-Борд и Перро к материалам стоянки Липа I, при сопоставлении кумулятивных диаграмм материалов стоянки Липа I и седьмого-шестого слоев многослойного памятника Молодова V, можно считать, что стоянка Липа I занимает промежуточное хронологическое положение между седьмым слоем Молодова V, который датируется по C₁₄ 23700 ± 350, и шестым слоем этой стоянки, датированным 16750 ± 250.

Приведенные аналогии и статистические данные материалов стоянки Липа I позволяют датировать ее конечной фазой ориньяко-солютрейского времени.

Важным памятником, где обнаружены ценные материалы для изучения палеолита Волыни, является многослойная стоянка Липа VI, которую исследовал В.П. Савич на протяжении четырех лет (1960–1963) [Савич, 1975, с. 51–102; 1962, с. 9–27; 1969, с. 10–15]. Она находится на полуовальном мысе северного склона Збитинского плато в урочищах Глинище и Загорода вблизи с. Липа Ровенской области [Савич, 1962, с. 9–27]. На стоянке Липа VI открыты шесть культурных слоев, которые залегают в делювиальных суглинках до глубины 6,5 м от дневной поверхности. Большинство культурных слоев разделены между собой стерильными прослойками. Верхние культурные слои стоянки (I–III) исследованы на площади 353 м², а нижние (III–V) — на площади 150 м².

Пятый культурный слой залегал в коричневых лессовых суглинках с темно-бурными и серыми прослойками на глубине 5,4–6,5 м. На исследованном участке этого поселения открыты остатки жилища, интенсивные скопления расщепленного кремня и кремневых орудий, остеологические материалы (мамонт, носорог, конь, тур, северный олень, волк, песец, заяц). Встречены также комки разноцветной охры, хвойная смола, костяные орудия и другие находки.

Остатки жилища шалашевидного открытого типа, овальной формы, размерами 6,2 x x 4,7 м, имели два кострища по центру. По краям жилища залежали крупные кости (лопатки, черепа, голени, рога) северных оленей, мамонтов, носорогов и других ископаемых животных. Кострища представляли собой темные линзы преимущественно овальной фор-

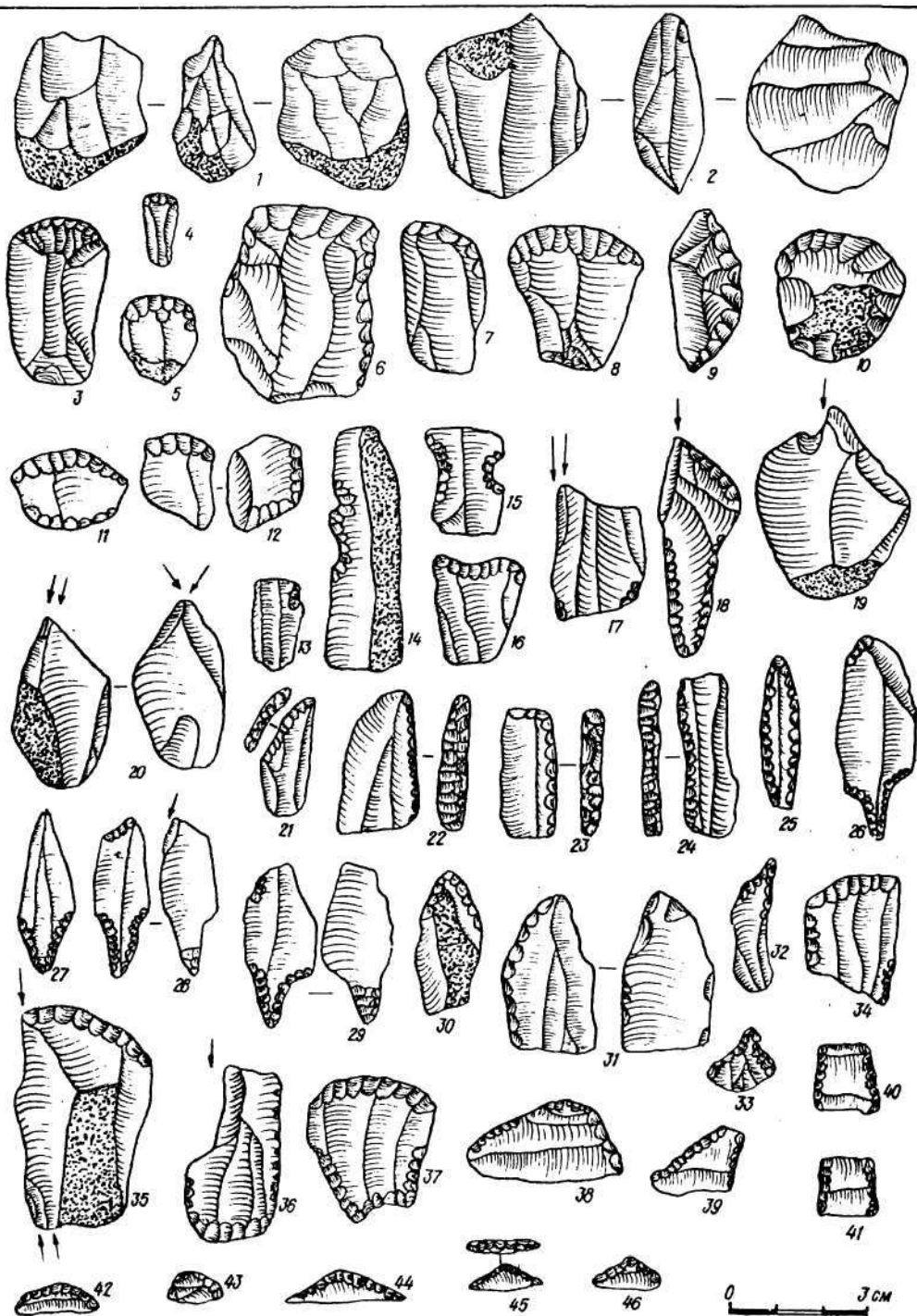

Рис. 24. Кремневые изделия стоянки Липа I.

мы диаметром 0,4–0,9 м с интенсивной концентрацией углистой массы, включающей пережженные угольки дерева и костей животных.

Кремневые изделия пятого слоя состоят из призматических, неправильно призматических и аморфных нуклеусов, пластин и обломков пластин, большого количества отщепов и отбросов от обработки кремня и 81 орудия. Кремневые орудия изготовлены преим

мущественно на пластинах и их фрагментах: есть несколько орудий на отщеплах и сколах нуклеусов. Среди орудий больше всего резцов и скребков. Значительно меньше острий, скребловидных орудий, скобелей, проколов и т.п. В коллекции резцов преобладают угловые, срединные и боковые. Скребки на пластинах преимущественно с полукруглым или скошенным рабочим концом, а скребки на отщеплах и сколах — в основном высокого типа. Острия преимущественно симметричны с ретушью на одном конце.

Костяные изделия состоят из костяного наконечника дротика длиной 233 мм, орудия для плетения — пластинки бивня мамонта с крючкоподобным выступом на одном конце, проколки и фрагмента антропоморфной статуэтки.

Ближайшие аналогии комплексу материалов пятого слоя стоянки Липа VI прослежены в материалах шестого слоя многослойной стоянки Молодова V, которая (на основе типологического состава кремневого инвентаря, положением в стратиграфической колонке и по C_{14} 16750 $\pm$ 250) датируется раннемадленским периодом. Кроме того, аналогичные материалы поселения пятого слоя стоянки Липа VI встречены на синхронных стоянках Европы (Студеница, Белая Гора, Колажковцы, Рипичены, Костенки II—III, Лаусниц, Реверди, Порон и др.). Анализ материалов пятого слоя и приведенные аналогии позволяют датировать это поселение раннемадленским временем.

Остатки поселения четвертого слоя стоянки Липа VI прослежены в серых суглинках с темно-бурыми и светло-серыми прослойками на глубине 3,65—4,00 м. На исследованном участке этого поселения обнаружено небольшое количество находок, которые состоят из костей животных (мамонт, носорог, северный олень, медведь, песец), кремневых изделий и отбросов от обработки кремня. Коллекция культурных остатков поселения четвертого слоя стоянки Липа VI не позволяет точно определить его хронологические рамки.

Поселение третьего культурного слоя стоянки Липа VI прослежено в серых лессовидных суглинках с темно-бурыми, серыми, темно-желтыми и темными прослойками на глубине 2,5—2,6 м от дневной поверхности.

На исследованной площади этого поселения обнаружены остатки кострищ, много кремневых изделий и отбросов, обломки костей животных (мамонт, носорог, конь, северный олень, волк, лисица), каменные плитки, комки разноцветной охры (минеральная краска), украшения, костяные изделия и другие археологические находки.

Остатки жилища частично разрушены карьером для добычи глины. Сохранилась только южная часть (14 м²), которая позволяет установить, что его форма была овальной, диаметром 6 м. По краям жилища были расположены крупные кости (лопатки, голени, рога и реже черепа) северных оленей, мамонтов, носорогов и других животных, а в центральной части — небольшое кострище. Вторые два скопления культурных остатков этого поселения тоже следует рассматривать как остатки жилищ, хотя они были менее выразительные.

Кремневый инвентарь поселения третьего слоя состоит из призматических и неправильно-призматических нуклеусов, пластин и обломков пластин, отбойников, большого количества отщепов и отбросов от обработки кремня и 98 орудий. Орудия изготовлены на пластинах и их фрагментах и реже — на отщеплах. Среди орудий преобладают резцы, значительно меньше скребков, скребловидных орудий, орудий для рубки и т.д.

В третьем слое обнаружено несколько костяных изделий: два молотковидные орудия изготовлены из рогов северных оленей и роговая рукоятка с продольным глубоким пазом для кремневого вкладыша.

Материалы поселения третьего слоя стоянки Липа VI мало отличаются от поселения пятого слоя этой стоянки. Общие черты преобладают, а незначительные хронологические различия позволяют констатировать генетическое, поступательное развитие позднэпалеолитической культуры. Интересно отметить, что в этом слое впервые найдены нуклеусы так называемого липского типа. Материалы поселения третьего слоя имеют аналогии преимущественно в памятниках позднемадленского периода, таких, как Молодова V (слой 4, 3), Чулагово II, Гонцы и других синхронных памятниках Европы. Это позволяет датировать поселения третьего слоя стоянки Липа VI позднемадленским временем.

Остатки поселения слоя 2а прослежены в темно-бурых суглинках на глубине 0,56—1,24 м. Культурных остатков обнаружено мало. На исследуемой площади найдено 4888 находок, которые представлены кремневыми и костяными изделиями, украшениями, комками разноцветной охры, обломками и целыми костями животных (мамонт, носорог,

Геологическая хронология				Исчисленный человек		Некоторые стоянки Прикарпатья, Волыни, Закарпатья										
Система	Ярус	Эпоха	Абсолютная дата	Функциональные комплексы (по Громову и др.)	Стадии	Условные типы	Упомянутые в литературе стоянки	Культурные фауны	Ступени развития	M-V	M-I	K-IV	A-I	B-I	O-I	
А	Площадь	Верхний	Атлантический	0 200	Верхнепалеолитический	Неолит	Кроманьонец	Мезолитический этап	Собранный	7	1-й (16500)	2-й (11500)	3-й (11700)	4-й (14100)	5-й (10700)	6-й (12000)
			Ирвингский	9 500												
			Бурхемский	10 000												
			Араме I	11 600												
			Араме II	17 600												
			Араме III	13 300												
			Араме I	15 000												
			W-III	Ласко												
			W-II-III	23 000												
			W-II	24 000												
			W-I-II	35 400												
			W-I	40 100												
			W-I	75 000												
			W-I	120 000												
			А	Площадь												
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
Лазарский	200 000															
А	Площадь	Нижний			Туркменский	300 000	Верхнепалеолитический	Неолит	Кроманьонец	Мезолитический этап	Собранный	5	1-й (16500)	2-й (11500)	3-й (11700)	4-й (14100)
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			Туркменский	300 000												
			А	Площадь	Средний	Тамбовский										
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
Тамбовский	700 000															
А	Площадь	Верхний				Московский	1,3 млн	Верхнепалеолитический	Неолит	Кроманьонец	Мезолитический этап	Собранный	3	1-й (16500)	2-й (11500)	3-й (11700)
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			Московский	1,3 млн												
			А	Площадь	Средний	Харьковский	2,2 млн									
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
Харьковский	2,2 млн															
А	Площадь	Нижний				Молдавский	2,5 млн	Верхнепалеолитический	Неолит	Кроманьонец	Мезолитический этап	Собранный	1	1-й (16500)	2-й (11500)	3-й (11700)
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												
			Молдавский	2,5 млн												

Рис. 25. Корреляционная хронологическая таблица сопоставления некоторых стоянок западного региона СССР со стоянками других районов Европы

бык, северный олень, волк, заяц) и другими находками. Особенно много находок концентрировалось возле кострищ.

Наибольшей группой культурных остатков поселения 2а стоянки Липа VI являются кремневые изделия: призматические, неправильно призматические нуклеусы и нуклеусы липского типа, фрагменты нуклеусов, отщепы и отбросы и 64 орудия. Среди орудий преобладают угловые и срединные резцы, скребки. В меньшем количестве встречаются скреб-

П а м я т н и к и Е в р о п ы		и других районов Европейской части СССР		Стоянки центральной и западной Европы
Волынь	Жагар-паты	Вил 8960 ± 80; 6780 ± 80		
Липа VI 2-слой		Сарая (н.в) 7380; Марба 7800 ± 200 Кунда 8348 ± 280; Сирень I (Р.с.) Куля 8600 ± 120	Адам 7900 ± 70	Декан 6980 ± 140 Нагльмозе 7538 ± 150 Асно (мелит) 8500 ± 160 Стар-Пар 8288 ± 350 Арендбург 10200 Грот-Анн 10215 ± 80; 10780 ± 200 Вильниц 11790 ± 250 Руссен 11850 ± 280 Даммель 12980 ± 370 Геннесбург 12330; Грот Вил 12500 Альпамира 13365 ± 380 13000 Асно 13316 ± 360 Мейендорф 13800 ± 800 Шуссенриб 14710 ± 385 Мейендорф 15750 ± 600 Абри-Пато 20570 Верхнее Ложари 21830 ± 300 21980 ± 250
Липа VI 4-слой		Вордас В 12300; Мезик Тимановка I 13300 ± 700	Грот Ортаччио 12619 ± 440 Арка 13230 ± 85	
Липа VII	Корсаб II	Юрловка №478 ± 100; 13820 ± 850 Тимановка В 15110 ± 530 Елиссевичи 17340 ± 170		
Липа I-1	Корсаб I	Александровка (2в) 16720 ± 500; Дютовка 17400 ± 700 Клеви 16830 ± 750; Вилдоски 16320 ± 840 Тельчало 16700 ± 200; Горицкая 17120 ± 70 Истаски (1с) 22270 ± 200; Кринки; Алтис; Айбесло 22700 ± 2000; Вербя 23430 ± 180 Котлыско В 26380 ± 400; Сабодорк 26000; Сурски 26430 ± 400; 25500 ± 200 Сурски I (н.в)	Сабар 17400 ± 100; Арка 17030 10600 ± 130; Дундварши 17000	
Мужичья (Ветина) 2-слой		Костыки IV 27700 ± 750; Мерины гора (2с) Истаски IV (1с) 27700 ± 700 28200 ± 700	Вуля Вил 19500 Витри Iа 22880 ± 400; Шендрю I Полб 26200 ± 120 22000 ± 800 Вилдоски I (1в) 25000; Алобах 25540 ± 270 Алобах Восточная; 26500 ± 770; 28600 ± 250 Воронг-Шитов 26700; Немцеда 26570 ± 12345 Вилдоски (1) 26310 ± 250 (4) 21800 ± 200; (5) 25000 ± 3000 Истаски восточная: 29200 ± 600; 31540 ± 600 Истаски-м: 32400; Дельшордска 34000 ± 300	
Мужичья (Ветина) 3-слой		Котлыско В; Истаски IV 32780 ± 300 Александровка (2с) 35000 ± 2000	Бад 35200 ± 800; Ежвинская 3600 ± 150 Белая (н.в) 4700; Сп 4630 ± 1400 Пата 50000	Абри-Пато 29100 ± 300 Ла-Кана 30760 ± 490 Ла-Кана 31170 ± 330 Ла-Кана 35250 ± 530 Чертова Печ 36320 ± 2480 Горхем 47000 Абелштетт 53000 ± 1000
Мужичья (Ветина) 4-слой	Корсаб I-1а			
Мужичья (Ветина) 5-слой				
Мужичья (Ветина) 6-слой				
Мужичья (Ветина) 7-слой				
Мужичья (Ветина) 8-слой				
Мужичья (Ветина) 9-слой				
Мужичья (Ветина) 10-слой				
Мужичья (Ветина) 11-слой				
Мужичья (Ветина) 12-слой				
Мужичья (Ветина) 13-слой				
Мужичья (Ветина) 14-слой				
Мужичья (Ветина) 15-слой				
Мужичья (Ветина) 16-слой				
Мужичья (Ветина) 17-слой				
Мужичья (Ветина) 18-слой				
Мужичья (Ветина) 19-слой				
Мужичья (Ветина) 20-слой				
Мужичья (Ветина) 21-слой				
Мужичья (Ветина) 22-слой				
Мужичья (Ветина) 23-слой				
Мужичья (Ветина) 24-слой				
Мужичья (Ветина) 25-слой				
Мужичья (Ветина) 26-слой				
Мужичья (Ветина) 27-слой				
Мужичья (Ветина) 28-слой				
Мужичья (Ветина) 29-слой				
Мужичья (Ветина) 30-слой				
Мужичья (Ветина) 31-слой				
Мужичья (Ветина) 32-слой				
Мужичья (Ветина) 33-слой				
Мужичья (Ветина) 34-слой				
Мужичья (Ветина) 35-слой				
Мужичья (Ветина) 36-слой				
Мужичья (Ветина) 37-слой				
Мужичья (Ветина) 38-слой				
Мужичья (Ветина) 39-слой				
Мужичья (Ветина) 40-слой				
Мужичья (Ветина) 41-слой				
Мужичья (Ветина) 42-слой				
Мужичья (Ветина) 43-слой				
Мужичья (Ветина) 44-слой				
Мужичья (Ветина) 45-слой				
Мужичья (Ветина) 46-слой				
Мужичья (Ветина) 47-слой				
Мужичья (Ветина) 48-слой				
Мужичья (Ветина) 49-слой				
Мужичья (Ветина) 50-слой				
Мужичья (Ветина) 51-слой				
Мужичья (Ветина) 52-слой				
Мужичья (Ветина) 53-слой				
Мужичья (Ветина) 54-слой				
Мужичья (Ветина) 55-слой				
Мужичья (Ветина) 56-слой				
Мужичья (Ветина) 57-слой				
Мужичья (Ветина) 58-слой				
Мужичья (Ветина) 59-слой				
Мужичья (Ветина) 60-слой				
Мужичья (Ветина) 61-слой				
Мужичья (Ветина) 62-слой				
Мужичья (Ветина) 63-слой				
Мужичья (Ветина) 64-слой				
Мужичья (Ветина) 65-слой				
Мужичья (Ветина) 66-слой				
Мужичья (Ветина) 67-слой				
Мужичья (Ветина) 68-слой				
Мужичья (Ветина) 69-слой				
Мужичья (Ветина) 70-слой				
Мужичья (Ветина) 71-слой				
Мужичья (Ветина) 72-слой				
Мужичья (Ветина) 73-слой				
Мужичья (Ветина) 74-слой				
Мужичья (Ветина) 75-слой				
Мужичья (Ветина) 76-слой				
Мужичья (Ветина) 77-слой				
Мужичья (Ветина) 78-слой				
Мужичья (Ветина) 79-слой				
Мужичья (Ветина) 80-слой				
Мужичья (Ветина) 81-слой				
Мужичья (Ветина) 82-слой				
Мужичья (Ветина) 83-слой				
Мужичья (Ветина) 84-слой				
Мужичья (Ветина) 85-слой				
Мужичья (Ветина) 86-слой				
Мужичья (Ветина) 87-слой				
Мужичья (Ветина) 88-слой				
Мужичья (Ветина) 89-слой				
Мужичья (Ветина) 90-слой				
Мужичья (Ветина) 91-слой				
Мужичья (Ветина) 92-слой				
Мужичья (Ветина) 93-слой				
Мужичья (Ветина) 94-слой				
Мужичья (Ветина) 95-слой				
Мужичья (Ветина) 96-слой				
Мужичья (Ветина) 97-слой				
Мужичья (Ветина) 98-слой				
Мужичья (Ветина) 99-слой				
Мужичья (Ветина) 100-слой				

ловидные и топоровидные орудия, скобели, проколки и т.д. На исследованном участке поселения слоя 2а найдено несколько костяных изделий, две роговые рукоятки (концевая и с продольным пазом для кремневых вкладышей), украшения (три цилиндрических бусины). Материалы этого слоя наиболее близки материалам стоянки Молодова V (слои 4—2) и Бабин I (верхний слой). Аналогичные материалы обнаружены также на других синхронных памятниках европейской части СССР: Владимировка, Бугорок, Гонцы и др. Все

это позволяет отнести поселение слоя 2а к группе памятников позднемадленского времени.

Остатки поселения культурного слоя 2 стоянки Липа VI открыты в серых делювиальных суглинках с черными и светло-желтыми тонкими прослойками и ржавыми пятнами на глубине 0,40–0,33 м (северная часть раскола). Там открыто пять кострищ, вблизи которых концентрировалась основная масса находок.

На исследуемой площади поселения второго слоя обнаружено 1456 находок, которые состоят из кремневых изделий, отбросов, обломков костей животных (мамонт, носорог, бык, северный олень), остатков красной и желтой охры и каменных плиток. Материалы поселения второго слоя по своему типологическому составу не отличаются от каменных орудий третьего и 2а слоев этой стоянки, что позволяет датировать его тем самым периодом. Остатки поселения первого культурного слоя расположены ближе всего к дневной поверхности и являются наиболее поздними в стратиграфической колонке стоянки Липа VI. Материалы его почти идентичны материалам верхних слоев этой стоянки, которые датируются конечной фазой позднего палеолита.

Исследования стоянки Липа VI показали, что поселение пятого слоя стоянки относится к раннемадленскому периоду, а верхние слои (3–1) — к позднемадленскому времени. Этот памятник по своему характеру близок к позднепалеолитическим памятникам Поднестровья: Молодова V (6–2 слои), Бабин I (верхний слой), Кулачковцы и др. [Черныш, 1959, с. 871–104]. Там прослежены аналогии сериям кремневых орудий (острия, скребки, резцы, скобелы, скребловидные орудия и т.д.), костяным изделиям (молотковидные орудия, наконечники дротиков, рукоятки с продольным пазом), остаткам жилищ. На Поднестровье и Волыни обнаружены кости идентичных диких животных и даже близкие геологические условия залегания стоянок. Вместе с тем в материалах стоянок Поднестровья и Волыни есть некоторые специфические черты, которые прослеживаются только в отдельных категориях каменных изделий. Наличие общих черт в материальной культуре позднепалеолитического населения Волыни и Поднестровья позволяет констатировать генетическую общность населения этих двух районов в эпоху палеолита.

На основе серии охотничьих кремневых и костяных орудий, обнаруженных на стоянках Липа I, Липа VI, Кульчивка и Кременце и др., можно считать, что основным занятием позднепалеолитического населения Волыни была охота. Osteологические материалы свидетельствуют, что охотились на мамонтов, северных оленей, пещеров и других животных. Кости животных со следами обработки, а также готовые костяные изделия позволяют раскрыть некоторые технические стороны обработки кости и рога. На стоянке Липа VI встречены расщепленные бивни мамонтов, надрезанные рога северных оленей и готовые изделия (молотки, наконечники дротиков, рукоятки и т.п.), на которых четко прослеживаются следы резания и скобления, а на фрагменте антропоморфной статуэтки — следы граверовки. Все это дает основания считать, что для обработки кости и рога применялись кремневые ножи, резцы и рубящие орудия.

Комплексы материалов позднепалеолитических стоянок позволяют рассмотреть вопросы палеоэкономики и общественного строя. Полученные данные во время раскопок стоянок вблизи с. Липа (остатки четырех жилищ, отдельные скопления культурных остатков и кострища) и Кременца (остатки поселения третьего слоя — одно кострище, поселения второго слоя — 6 жилищ, 14 кострищ, поселения первого слоя — 1 жилище, 2 кострища и отдельные скопления культурных остатков), а также предположение С.М.Бибикова, что в среднем количестве семьи одного жилища составляло шесть-семь человек, позволяет считать, что на липских стоянках жило около 70 человек, а на позднепалеолитических поселениях Кульчивка в г. Кременце — более 168 человек.

Хронология позднепалеолитических памятников Волыни рассматривалась палеолитооведами неодинаково. Исследователи досоветского периода (С.Круковский, Л.Савицкий, А.Цинкаловский и др.) палеолитические памятники относили к ориньякской культуре. В послевоенные годы П.И.Борисковский, А.П.Черныш датировали эти же стоянки мадленским временем [Борисковский, 1953, с. 144–152; Черныш, 1954, с. 67–143], а Г.П.Григорьев и М.И.Островский относили стоянки Липа VI, Мирогоща, Красный Камень к ориньякскому периоду [Островский, Григорьев, 1966, с. 3–13].

Исследователи досоветского периода, имея в своем распоряжении небольшие коллекции подъемного материала, видели в памятниках этого района отдельную фракцию позднепалеолитической культуры. Этому взгляда придерживались и некоторые советские

исследователи (Г.П.Григорьев), которые создали на подъемных материалах так называемую липскую палеолитическую культуру. Новые материалы, полученные путем раскопок, показали, что наличные здесь отдельные изделия из кремня специфических форм (своеобразные нуклеусы, топоробразные орудия) встречаются на стоянках позднемадленского периода, особенно в период микролитизации кремневых изделий и зарождения новых, мезолитических традиций в технике расщепления кремня и изготовления кремневых орудий. Материалы стоянок этого района имеют сходство с изделиями стоянок Поднестровья. Поэтому нет оснований рассматривать поздний палеолит Волыни как отдельную культуру. Наличие отдельных специфических кремневых изделий, встреченных на Волыни, следует объяснить постепенным хронологическим развитием некоторых специфических форм, которые появляются в конце палеолита и отражают локальные особенности.

Материалы позднепалеолитических стоянок Волыни имеют ряд аналогий в синхронных памятниках Восточной и Центральной Европы. Но ближайшими аналогиями являются материалы стоянок Поднестровья. Они прослеживаются в конструкции жилищ, фауне, кремневом инвентаре и костяных изделиях. Привлекают внимание, например, данные, которые показывают, что типологический и статистический состав кремневого инвентаря этих двух районов очень близкий, а в некоторых случаях почти идентичен. На Поднестровье и Волыни для большинства памятников преобладающими категориями орудий являются резцы и скребки. Если взять во внимание только резцы, то на Днестре и Волыни бытовали преимущественно угловые, срединные и боковые резцы. Все это позволяет считать эти два района генетически связанными и создающими единый Волыно-Прикарпатский палеолитический регион. На современном этапе исследований позднего палеолита Волыни констатировали два хронологических этапа: начальную раннюю фазу позднего палеолита с ориньякскими и солотрейскими элементами и позднюю — мадленского периода.

Почти полное совпадение материалов стоянок Поднестровья и Волыни позволяет сделать вывод, что территория Волыни заселялась группами палеолитического населения с Поднестровья, а наличие на территории Волыни мустьерских материалов, идентичных Поднестровью, дает основания утверждать инфильтрацию палеолитического населения в этот район в мустьерскую эпоху.

* * *

Мы рассмотрели памятники раннего, среднего и позднего палеолита, а также историю палеолитического населения. Процесс заселения Прикарпатья, Волыни и Закарпатья начался в ашельское время и продолжался в последующие эпохи.

Исследования стоянок этого района дало много материалов для постановки и решения ряда сложных вопросов истории хозяйства и развития палеолитической культуры.

Остатки сооружений для жилья из костей мамонта мустьерского времени позволили определить несколько типов таких жилищ, наметить их дальнейшее развитие в позднем палеолите. Наличие групп жилищ мустьерского времени и поселков, состоящих из таких групп жилищ, на которых прослежены производственные участки, где обрабатывался камень, остатки кладовых для хранения запасов пищи и сырья — все это освещает различные стороны мустьерского домостроительства.

Полученные данные позволяют по-новому подходить к определению характера и социального строя общества мустьерского времени. На основании исследований определено существование родового строя в мустьерское время, новые данные, подтверждающие и генетическую связь позднего палеолита с мустьерским этапом в развитии палеолитической культуры. Наличие на ряде позднепалеолитических памятников небольших по размерам жилищ позволяет считать, что это были жилища парных семей, составлявших родовые общины, а крупные поселения позднепалеолитического времени являются поселениями племен.

Рассмотренные материалы памятников палеолита Прикарпатья, Волыни и Закарпатья дают основание полагать, что древнее население этого обширного района, как и других районах приледниковой зоны, занималось охотой и собирательством. Хозяйственная деятельность древнего населения осуществлялась с помощью орудий труда, которые постепенно усложнялись, дифференцировались, все более и более специализировались, производя новые и сложные рабочие операции. Так, например, если мустьерцы знали лишь десятки типов орудий из кремня, то в позднепалеолитическое время их было известно уже более 100. В это время широко использовались также орудия из кости и рога, изготовлялось

охотничье оружие как из камня, так из рога и кости, появляются рукоятки для кремневых орудий, изготовленные из кости и рога, продольные или концевые.

Конкретные материалы, свидетельствующие об увеличении ассортимента различных типов орудий, изготовленных из различных материалов, являются показателем развития техники и производительных сил общества, увеличения эффективности производства. Многочисленные кремневые изделия, обнаруженные на исследованных стоянках, особенно на многослойных, стратиграфически свидетельствуют о развитии процесса микролитизации кремневых орудий, развитии вкладышевой техники.

Так, на территории Прикарпатья многослойные памятники стратиграфически позволили проследить в памятниках позднего палеолита увеличение количества небольших вкладышей-пластинок с притупленным краем, они же удостоверяют и процесс появления в конце палеолита костяных наконечников с тонкими прорезями для кремневых вкладышей, сначала односторонними, а позже двусторонними. В данном случае речь идет о наконечниках копий и дротиков — охотничьем оружии!

Рассмотрены и такие предметы, как продольные рукоятки из ребер для крупных вкладышей. Наиболее ранние среди них были односторонними оправами, а более поздние — имели прорези с двух сторон. Они обнаружены в Поднестровье и свидетельствуют о появлении древнейших жатвенных ножей — орудий усложненного собирательства в позднем палеолите.

Исследование техники производства палеолитического времени будет неполным, если не отметить большие серии галек, терок, галек-пестов и галек-отбойников, встреченных на исследованных стоянках. Использовались более мягкие породы камня, чем кремль. Эти предметы употреблялись при собирательстве для растирания корней и злаков, краски, а отбойники — при обработке кремня. Но на изученных стоянках также прослежены и разнообразные плитки из более мягких пород (песчаник, сланец, известняк) со следами распиливания, шлифовки и сверления, что является показателем появления этой техники производства в позднем палеолите, а не в неолите. В неолитическую эпоху древний человек научился применять указанные технические приемы при обработке твердых пород камня.

Материалы исследованных палеолитических поселений подвергались также анализам по палеоэкономическому методу, получившему значительную известность в последнее время [Бибииков, 1967, 1969, 1971; Массон, 1971]. Этот метод позволяет определить длительность существования поселения, количество их обитателей, учитывая количество охотничьей добычи, предполагаемую биомассу по количеству особей добытых животных, а также обитателей поселений по числу остатков кострищ, принимая во внимание этнографические данные о составе семей по отношению к кострищам и нормы использования мяса для питания, необходимые для существования человека.

Анализы материалов ряда изученных памятников позволяют, например, заключить, что мутьерское поселение стоянки Молодова I (4-й слой) существовало около 4-х лет при количестве обитателей в 80 чел. Среднее число обитателей мутьерских поселений составляло около 30 человек, а жителей позднепалеолитических поселений Прикарпатья — 70 человек, при этом средняя длительность обитания — около 6,5 месяцев — т.е. они являлись сезонными поселениями. Итак, население позднепалеолитического времени увеличилось, но в связи с исчезновением охотничьей добычи пребывание позднепалеолитического человека на одних и тех же участках стало более кратковременным: он следовал за стадами северных оленей, которые стали главным видом охотничьей добычи к концу палеолита. Таким образом, по экономическим причинам обитатели позднепалеолитических поселений, где преобладали жилища небольших размеров, вынуждены были искать себе новые районы существования. Многослойность ряда памятников дает основания полагать, что обитатели поселений периодически возвращались на старые места, но через определенные промежутки времени, после восстановления охотничьей добычи, охотничьих ресурсов.

Радиоуглеродные даты слоев многослойной стоянки Молодова V позволяют заключить, что такие промежутки между поселениями в хронологическом плане достигали нескольких сотен и тысяч лет. За это время исчерпавшиеся охотничьи ресурсы восстанавливались. Для изучения материалов Прикарпатья, Волыни был применен статистический метод, определивший наличие сходства памятников этих районов между собой, что говорит о генетическом родстве палеолитической культуры. Но это сходство не было стабильным, в конце палеолита начинают возникать и некоторые специфические черты, которые получают признаки локальных культур. Группа стоянок Закарпатья, по-видимому, имела больше контактов с территорией Словакии, но этот вопрос требует дальнейших разработок.

Характеризуя палеолит Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, нельзя не остановиться еще на одном вопросе, имеющем интерес и значение для изучения палеолита европейской части СССР. Речь идет о времени появления искусства — одной из форм общественного сознания. Полученные во время многолетних исследований материалы позволили, как уже отмечалось, выдвинуть предложение о том, что искусство возникает в среднепалеолитическое время и его корни прослеживаются в ашеле [Черныш, 1979, 1980]. Искусство развивается и в позднепалеолитическом периоде, что зафиксировано на многочисленных памятниках. В позднепалеолитическое время возникло музыкальное искусство, как свидетельствуют находки серии "флейт" на Днестре, музыкальной лопатки на стоянке Городок II [Бибиков, 1980]. Это все показатели дальнейшего развития интеллекта палеолитического человека.

Как мы видим, материалы комплексных исследований палеолитических стоянок Прикарпатья, Волыни и Закарпатья позволили всесторонне изучить характер развития хозяйства, культуры и социального строя древнего населения этих районов, проследить основные хронологические этапы развития палеолитической культуры и определить ступени в границах этих этапов на стратиграфической основе, выделить характерные фаунистические комплексы, отражающие характер климатических условий и процесс их изменений.

Археологические материалы стоянок Прикарпатья, Волыни и Закарпатья свидетельствуют о сложном процессе прогрессивного развития хозяйства, культуры и социального строя древнего человека, который существовал в данном районе в условиях низкого уровня развития производительных сил, в период наиболее древнего этапа первобытнообщинного строя с присваивающим хозяйством — в период древнего каменного века — палеолита. Изложенные материалы о палеолите Прикарпатья, Волыни и Закарпатья показывают, что данный район являлся мощным очагом развития палеолитической культуры, одним из наиболее ярких на территории обширной европейской приледниковой зоны, в пределах которой выделены согласно терминологии ряда исследователей локальные культуры, варианты культур, ареалы, пути развития, линии развития и, наконец, историко-культурные и природно-хозяйственные области. Хотя между указанными понятиями пока еще не всегда определена четкая разница, многие среди них еще дискуссионны, но несомненно одно, что Прикарпатье, Волынь и Закарпатье среди входящих в приледниковую зону областей историко-культурного и природно-хозяйственного характера являются одним из крупнейших регионов, что заселение этого региона началось в ашельское время и продолжалось в мустьерское время. В мустьерское время здесь наблюдалось несколько линий развития, продолжавшихся и в позднем палеолите, а в дальнейшем и в мезолите, что привело к обр-азованию культур.

ГЛАВА 3. МЕЗОЛИТ ПРИКАРПАТЬЯ, ВОЛЫНИ И ЗАКАРПАТЬЯ

Мезолит представляет собой переходный период от палеолита с присваивающими формами хозяйства к неолиту — времени появления и развития воспроизводящих форм хозяйства. Начало мезолита совпадает с переходом от плейстоцена к голоцену. В это время происходят глубокие изменения в структуре первобытного общества, начинается кризис верхнепалеолитического хозяйства. Примерно 10 тыс. лет назад в результате резкого потепления ледник отступает от Средней Швеции через котловину Балтийского моря к юго-востоку Финляндии. В это время происходит распад перигляциальной зоны — исчезают ледники, изменяется растительность, вымирают мамонты. Лесная растительность становится доминирующей в умеренной зоне Евразии, а к югу от нее возникает зона лесостепи и степи. Столь значительные изменения в строении экологических систем отразились на дальнейшем развитии человеческого общества [Долуханов, 1979].

Мезолит в целом характеризуется значительными изменениями в хозяйственной структуре общества. Специализированная охота на крупных животных уступает место охоте на степных и лесных, возрастает роль собирательства и рыболовства. Основным занятием первобытного человека становится бродячая охота. Изменения происходят и в типах кремневых орудий. Большую роль начинают приобретать микролиты геометрических форм, метательные орудия, топоры, тесла. Особенно следует отметить появление и распространение лука и стрел — главного оружия охоты. Ф.Энгельс отмечал, что для этой эпохи лук и стрелы были тем же, чем стали железный меч и огнестрельное оружие для следующих эпох — решающим оружием*. Мезолит в настоящее время датируется IX—VI тыс. лет до н.э. [Телегин, 1982; Черниш, 1975].

В последние десятилетия было много сделано по изучению мезолитических памятников, характера хозяйства племен, их социального строя, хронологии и т.д. Но несмотря на значительные успехи в изучении мезолитической эпохи ряд проблем остается еще дискуссионным. Главными среди них следует отметить проблемы терминологии мезолита, геологической датировки, хронологии, определения особенностей социального строя, характера мезолитических культур.

Мезолит характеризуется для нашей территории присваивающим типом хозяйства с охотой, собирательством и рыбной ловлей, появлением и широким использованием вкладышевой техники, наконечников на пластинах, микролитизацией кремневых орудий. Сущность мезолитической эпохи заключается в кризисе охотничьего, присваивающего хозяйства и зарождении предпосылок воспроизводящего хозяйства, а также новых форм общественного строя.

На территории западного региона УССР, включающего три обширных географических района (Западная Волынь, Прикарпатье и Закарпатье), за последние годы осуществлены значительные полевые работы, позволившие получить большой фактический материал для освещения истории мезолитического населения этого региона. На территории Прикарпатья, Западной Волыни и Закарпатья на данное время известно более 400 мезолитических памятников.

МЕЗОЛИТ ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

Территория Западной Волыни является одним из интереснейших районов в плане изучения мезолита Восточной Европы. Начало изучения мезолита Западной Волыни относится к первой половине XX в. Первые попытки обратить внимание на археологические памятники, в том числе и каменного века, Волыни были сделаны на XI археологическом съезде [Тр. XI АС, 1901]. В 20—30-е годы исследования каменного века на этой территории провели поль-

* Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Собр. соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С.30.

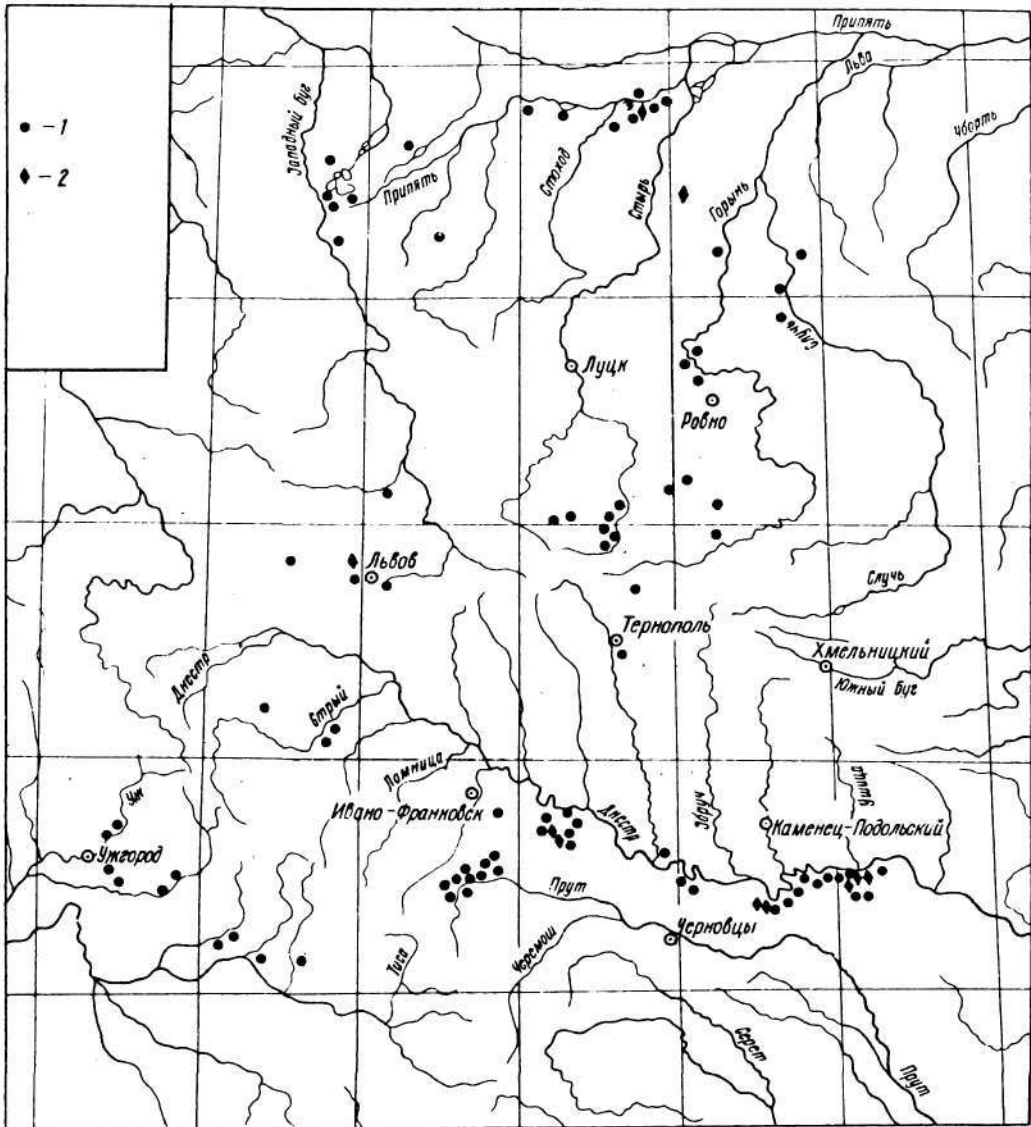

Рис. 26. Схематическая карта расположения основных памятников мезолитического времени.
 1 — мезолитические стоянки и местонахождения;
 2 — исследованные стоянки

ские ученые, которые открыли и частично исследовали такие памятники, как, Гаи-Леватинские, Сапанов [Bryk J. 1928], Нобель [Krukowski S., 1939], Невир, Любязь [Супсатовски, 1961], Суск, Оржев [Sawicki, 1925].

В 1948 г. на Волини работала Дубно-Кременецкая экспедиция под руководством М.Я.Рудинского, которая открыла новые и исследовала ряд известных ранее памятников каменного века [Рудинский, 1952]. В последующие годы В.И.Канивец и С.С.Березанская открыли новые мезолитические поселения: Корост, Тутовичи [Канивец, 1952], Птиче [Березанская, 1968]. В.Ф.Исаенко, проводя на этой территории разведывательные работы, собрал многочисленный подъемный материал на таких пунктах, как Сенцицы, Нобель и др. [Исаенко, 1969]. Новые данные о мезолитических находках на р. Горыни опубликованы в работе А.П.Савчука [Савчук, 1979]. Некоторые работы по исследованию памятников мезолита провел Охрименко Г.В., открывший стоянки Черск I, III, Розиничи, Малая Осница и др. [Охрименко, 1981].

Следует отметить первые обобщающие работы по мезолиту этой территории В.П.Сави-

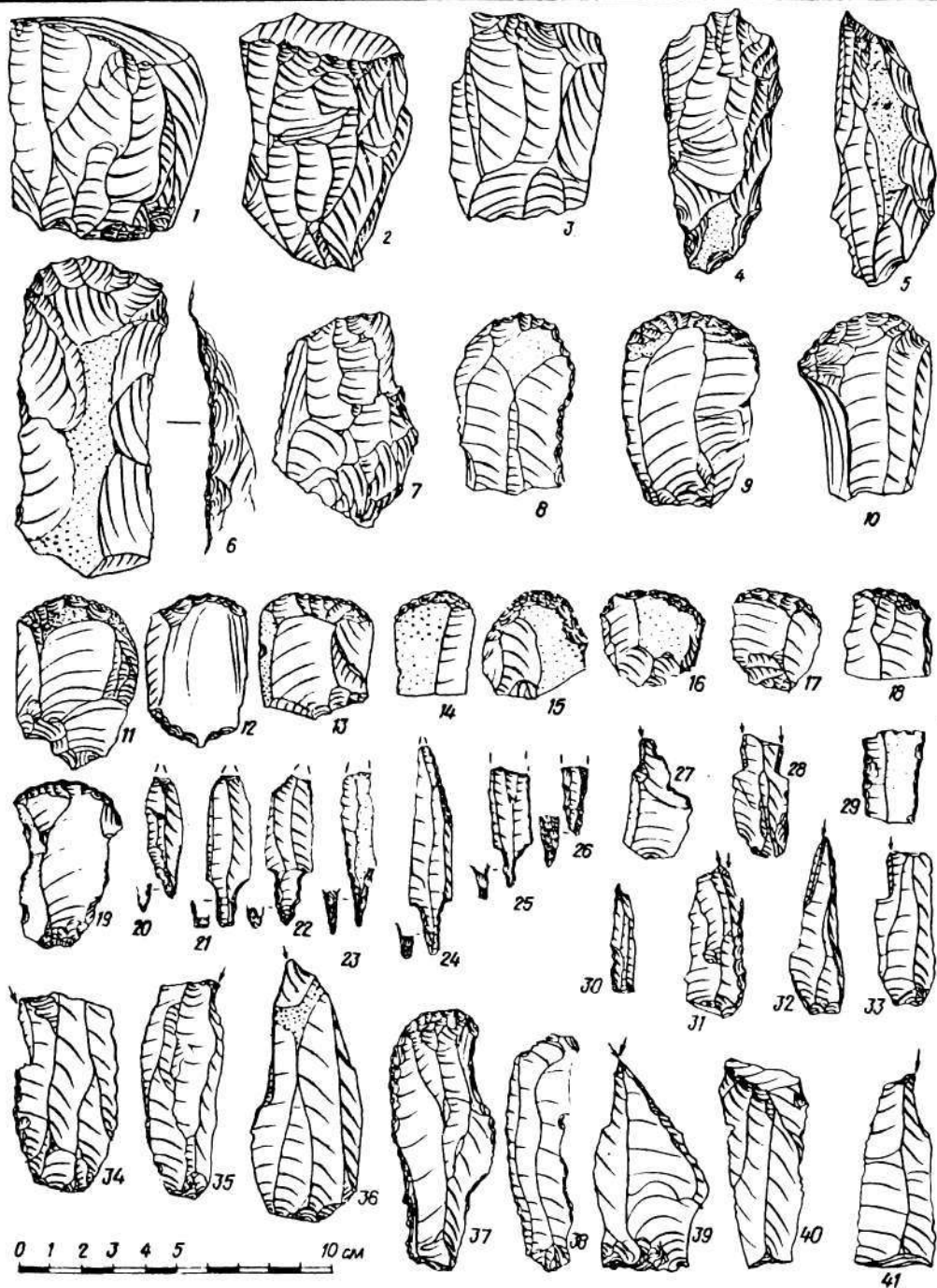

Рис. 27. Кремневые изделия нижнего слоя стоянки Нобель I

ча [Савич, 1974] и Д.Я.Телегина [Телегин, 1982]. В последние годы на территории Западной Волыни работала Волынская мезолитическая экспедиция Института общественных наук АН УССР (руководитель Р.Т.Грибович).

Таким образом, собран большой фактический материал, позволивший рассмотреть ряд проблем истории мезолитического населения Западной Волыни.

Территория Западной Волыни в природно-географическом отношении является очень

мозаичной и включает целый ряд природных ландшафтов. Обширные песа и луга, многочисленные реки и озера создавали благоприятную обстановку для обитания племен первобытных охотников. Мезолитические стоянки и местонахождения на Западной Волини расположены возле озер и рек на песчаных дюнах. Наиболее ранним памятником является стоянка Нобель I, которая размещена вблизи с. Нобель Заричянского района Ровенской области, урочище Заборок, на песчаной дюне правого берега р. Припять. Исследованиями раскрыта площадь около 500 м², обнаружено более 9 тыс. кремневых находок. Кремнь относительно высокого качества, добывался из местных моренных отложений. Были зафиксированы два одновременных культурных слоя. Нижний залегал на глубине 0,7–0,9 м от нулевой отметки, в темно-сером гумусированном песке. Культурные остатки представлены пятью кострищами и кремневыми изделиями. Кострища неправильно-овальной формы, средние размеры 0,60–1,4 м. В разрезе они линзовидные, толщина в центре 8–10 см. В одном случае кострища огорожены вставленными вертикально в землю камнями. Находки в основном концентрировались возле кострищ. Кремневый инвентарь представлен нуклеусами, топоровидными орудиями, пластинками, орудиями труда, отбросами производства.

Нуклеусы составляют около 3 % общего числа находок. По форме относятся к коническим, призматическим, неправильно-призматическим, плоским, аморфным и начальной стадии обработки. Наиболее характерные двухплощадочные кососрезанные нуклеусы. Характерной чертой нуклеусов является боковая подправка. Аналогии нуклеусам можно найти в материалах раннемезолитических памятников Литвы, Белоруссии, Польши [Римантене, 1971, рис. 39, 40, 49; Будько В.Л., 1966, с. 44; *Praehistoria*, 1975, S. 271].

Большой группой кремневых находок являются пластинки и обломки пластин, составляющие около 37 % от общего числа находок. Средние размеры 60–80 мм. Для изготовления орудий труда использовались главным образом пластинчатые заготовки. Процент орудий на пластинках составляют более 68 %. На пластинках изготовлены ножевидные орудия, которые составляют около 12 % всех орудий.

Комплекс орудий со вторичной обработкой состоит из 500 экземпляров. Среди орудий преобладают скребки (30 %) и резцы (20 %). Скребки представлены концевыми с равномерно закругленным рабочим краем, скошенным рабочим концом; двойным веерообразным, с сужающимся рабочим краем. Характерным типом являются правильной формы концевые скребки на укороченной пластине и отщепе. Скребки с сужающимся рабочим краем составляют 2 % от всего количества. Они характерны для раннемезолитических комплексов, например мезолитической стоянки Молодова V (слой 1а) [Черныш, 1975, с. 51]. Резцы по типу рабочего края относятся к угловым, срединным, срединно-угловым, клювовидным, двойным. Среди резцов основным типом является угловой и срединный. В коллекции изделий со вторичной обработкой встречаем пластинки с выемками, проколки, пластинки с притупленным ретушью краем, наконечники стрел и топоровидные орудия. Последние две категории орудий являются показательными в культурно-хронологическом плане. Острия стрел нижнего слоя представлены несколькими типами: 1 – иволистные с плоской ретушью по брюшку; 2 – иволистные с плоской ретушью по спинке и бокам; 3 – с черешком, сформированным как плоской, так и крутой ретушью; 4 – черешковые с незначительно выделенным крутой ретушью черенком; 5 – черешковые с хорошо выделенным черенком, сформированным крутой ретушью. Для нижнего слоя характерны второй, четвертый и пятый типы. Прямые аналогии этому комплексу наконечников можно найти в материалах второго этапа свидерской культуры Литвы [Римантене, 1971], свидерских материалах Польши [Schild R., 1964, с. 239], Румынии [Борисковский, 1966, с. 135].

Топоровидные орудия представлены шестью экземплярами. Пять из них относятся к топорам-транше. Они изготовлены на массивных вытянутых сколах. У них старательно подправлены боковые грани, обработанные ретушью, что служит своеобразным перехватом. Рабочим краем в большинстве случаев были острые грани, подправленные поперечным сколом со стороны брюшка заготовки. Аналогичные орудия известны на памятниках ФРГ и ГДР, на территории СССР (Миневский Яр, Смячка XVI) [Крыжевская, 1966, с. 56; Левицкий, Телегин, 1956, с. 185; Кричевский, 1941; Исаенко, 1976; Римантене, 1971]. Шестой экземпляр относится к типу топоров-резаков, он небольших размеров, приближающийся к овальной форме. Рабочий край у него в плане округлый, сформирован ретушью.

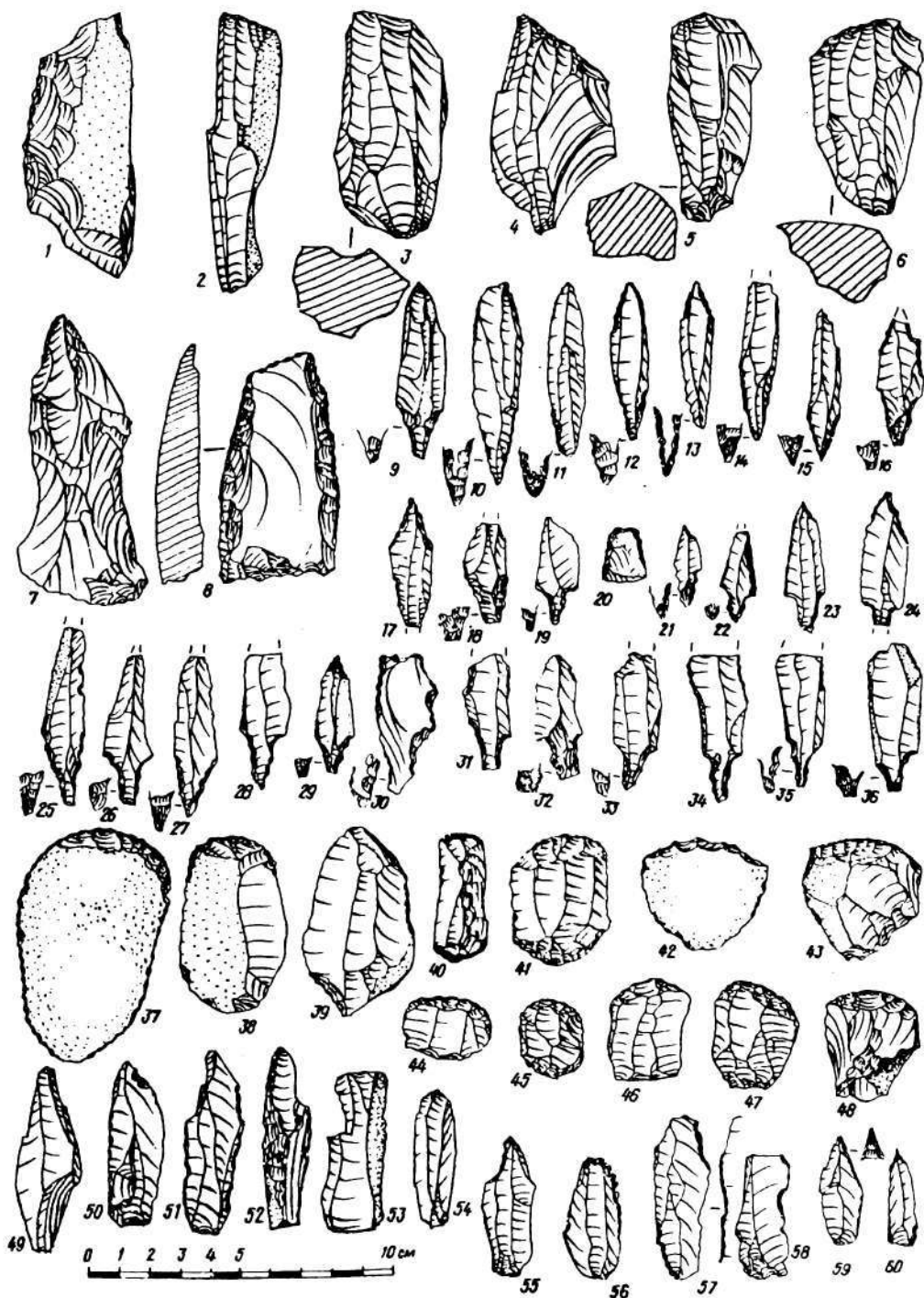

Рис. 28. Кремневые изделия верхнего слоя стоянки Нобель I

Характерным для кремневого инвентаря нижнего слоя является сохранение позднепалеолитических традиций (типы нуклеусов, пластинчатая техника). Одновременно следует отметить уменьшение размеров орудий по сравнению с материалами позднепалеолита

тических памятников, известных по исследованиям на Волыни — Липа VI, Кульчивка, и бытование изделий, характерных для мезолита — изделий с выемками, пластинки с притупленным краем, топовидные орудия [Савич, 1975]. Стратиграфическое положение слоя, аналогии к кремневым изделиям позволяют датировать нижний культурный слой ранней порой мезолита.

Верхний культурный слой стоянки Нобель I располагался в темно-сером песке на глубине 0,5—0,6 м от условного нуля. На исследованной площади обнаружены остатки жилищ, шести кострищ и кремневые изделия.

Жилище имело овальную форму размерами 3 x 2 м, углубленное на 0,3—0,4 м. Углубление заполнено серым песком. На его дне найдено несколько десятков кремневых изделий. С внешней стороны по углам находились четыре кострища неправильно-овальной формы размерами 60 x 100 см. Пятое и шестое кострище находилось на 3—3,5 м северной жилища. Они имели овальную форму размерами 60 x 40 см. Мощностъ заполнения линз — 8—10 см. Это жилище близко к жилищам Осоковки [Левитский, 1947], Игрень [Телегин, 1982] и др.

Кремневые находки концентрировались около кострищ и жилищ. Комплекс находок состоит из 3,5 тыс. предметов, в том числе нуклеусов, пластин, отщепов, сколов и других орудий. Первичная обработка кремня производилась за пределами стоянки, о чем говорит преобладание заготовок (60 %) по сравнению с отбросами производства (25 %). Для изготовления орудий использовался местный, туронский по происхождению, кремнево-темно-серого и серого цвета. Нуклеусы составляют 9 % всех находок. По форме нуклеусы относятся к призматическим, неправильно-призматическим, плоским, конусовидным, аморфным, подтреугольным. Характерными для верхнего слоя являются неправильно-призматические двухплощадочные, плоские нуклеусы с боковой подправкой.

Пластинки верхнего слоя составляют около 40 % всех находок. В большинстве они короткие 25—30 мм и средние 30—45 мм, хорошо огранены. Встречается небольшое количество (3 %) широких и длинных пластин, некоторые имеют следы использования в работе в качестве ножей. Изделия со вторичной обработкой составляют около 12 %. Для изготовления орудий труда использовались главным образом пластинчатые заготовки. Средний процент пластинчатых орудий более 70 %, на отщепах около 30 %. Коллекция изделий со вторичной обработкой состоит из скребков, резцов, наконечников свидерского типа, пластин с притупленным краем, скобелей, проколов, скребловидных и топовидных орудий, трапедий, орудий, приближающихся к ромбовидным. Среди орудий преобладают скребки (38 %), много встречено резцов (28 %). Основным типом скребков являются концевые (65 %). Они изготовлены на укороченных пластинках, их рабочий край равномерно закругленный или скошенный. В верхнем слое появились полукруглые и округлые скребки (7,5 %). Изготавливались они на отщепах, рабочая часть формировалась мелкой ретушью. Характерными для верхнего слоя становятся также и двойные скребки (12,5 %). Они изготовлены на небольших пластинках, на противоположных концах которых формировались рабочие края, равномерно закругленные и обработанные крутой ретушью. В комплексе имеются и скребки-резцы. Резцы этого слоя представлены срединными, угловыми, боковыми, двойными, клювовидными. Резцы изготавливались, как правило, на пластинках.

Характерной группой орудий поселения верхнего слоя являются наконечники свидерского типа. Они изготовлены на хорошо ограненных пластинках со средними размерами 30—55 мм. Данная группа находок разделяется на два типа — черешковые и иволистные. Первый тип является более характерным для верхнего слоя. Среди них можно выделить несколько подтипов, которые встречены и в нижнем слое. В верхнем слое меняется характер формирования пера такого типа наконечников. В отличие от нижнего слоя, где перо у наконечников образовалось в процессе обламывания пластинки и только в некоторых случаях подправлялось ретушью, в верхнем слое перо формировалось мелкой ретушью. У некоторых экземпляров крутой ретушью скошено перо и обработано мелкой ретушью.

Второй тип — иволистные — в основном представлен следующими подтипами: а) с черешковой частью, образованной плоской ретушью со стороны брюшка; б) с черешковой частью, с крутой ретушью со стороны спинки и плоской — со стороны брюшка; в) с черешковой частью неретушированной, а ретушью, нанесенной по бокам черешка. У нескольких экземпляров острие подретушировано мелкой ретушью.

Выделяется наконечник народичского типа ромбовидной формы, сформирован он плоской ретушью по краю. Аналогии ему можно найти в материалах нижнего слоя стоянки

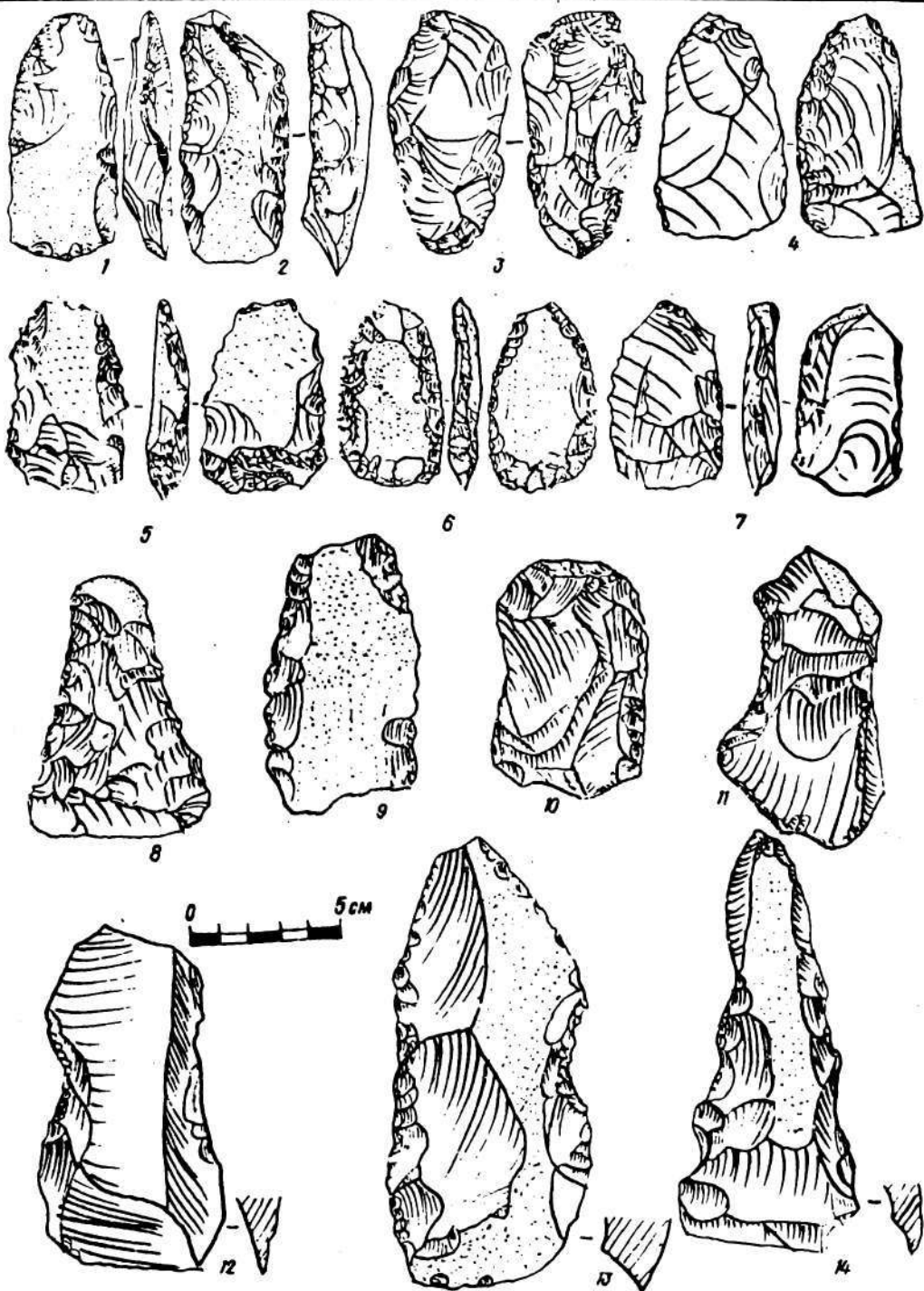

Рис. 29. Топоровидные изделия из мезолитических стоянок Волыни.
 1—4 — Котара; 5—7 — Нобель II; 8 — Малые Бережцы; 9—11 — Нобель I, верхний слой; 12—14 — Нобель I, нижний слой

Народичи, урочище Песчаное [Телегин, 1982, с. 146, рис. 31]. Среди изделий верхнего поселения следует отметить топоровидные орудия. Средние их размеры 80—90 мм. В трех экземплярах сделаны выемки, которые сужали среднюю часть. Лезвия веерообразной формы, ретушированы со стороны спинки, а со стороны брюшка нанесен скол. В четырех экземплярах орудие имело почти прямоугольную форму, рабочая часть которых оформлялась сколом. Типологически топоровидные орудия близки к комплексам Кормань на Днестре [Черныш, 1975, рис. 33, 39, 40], свидерским комплексам Польши, Гомельского Поднепровья и Посожья [Паликарпович, 1928; Копытин, 1975].

Важным элементом инвентаря поселения верхнего слоя является появление здесь орудий геометрических форм, представленных четырьмя трапециями высокой формы или так называемым малым транше. Они изготовлены на отщепах, стороны ретушированы мелкой ретушью. Аналогии к ним можно найти в материалах Десны [Левенок, 1966, с. 94, рис. 4, 20, 24], Литвы [Римантене, 1971, с. 151].

Нижний культурный слой стоянки по основным типам орудий имеет широкие аналогии среди материалов второго периода свидерской культуры Польши, раннемезолитических памятников Литвы, что указывает на довольно раннее время существования этого слоя. Проведенные Г.А.Пашкевич анализы на пыльцу дали возможность отнести нижний слой к позднему дриасу. Это дает возможность датировать этот слой IX тыс. до н.э. Верхний культурный слой характеризуется более высоким развитием макролитической техники, наличием изделий более поздних типов — трапеций, клиновидных топоров, пластинок с притупленным краем, которые, как известно, появляются на этой и сопредельных территориях в борейальном и преборейальном периоде. Не исключена возможность доживания этих комплексов и до позднего мезолита, как, например, в Литве [Римантене, 1971, с. 72]. Комплекс материалов верхнего слоя можно датировать второй половиной мезолита. Примечательно, что почти на одном уровне с верхним слоем при зачистке обнаружен развал раннеэолитического сосуда, что позволяет предположить длительное время существования мезолитических комплексов типа верхнего слоя стоянки Нобель I. Материалы, близкие к комплексу Нобель I, обнаружены на других поселениях (Нобель II, Нобель III, Нобель IV, Дидивка, Котера). На этих памятниках был собран многочисленный подъемный материал.

Стоянка Корост была открыта в 1950 г. В.И.Канивцем и исследовалась Д.Я.Телегиным, В.П.Савчуком, Р.Т.Грибовичем. Она размещена вблизи с. Корост Сарненского района Ровенской области, на узкой, но длинной дюне заплавы р. Горынь в урочище Обурки. Комплекс материалов состоит из 2583 экземпляров. В большинстве использовался кремль серого цвета. Пластинки и отщепы представляют почти 90 % всех находок. Пластинки неправильной формы. На них изготовлено большинство орудий. Нуклеусы представлены двухплощадочными и прямоплощадочными, преобладают первые. По форме они относятся к коническим, челновидным, микролитическим, аморфным. Типологически они близки к нобельским. Орудия со вторичной обработкой составляют 7,4 %. Среди них скребки, резцы, наконечники, геометрические орудия, топоры. Процент скребков и резцов относительно большой, при количественном преобладании первых. Преобладающим типом скребков является концевой на пластинках и отщепах. Резцы изготавливались на пластинках. Среди них основными типами являются срединные, угловые и боковые. В коллекцию входят острия свидерского типа — иволистные и черешковые, аналогичные нобельским, а также наконечник с черешком и скошенным ретушью пером. В Коросте известны и высокие трапеции. Топоровидные орудия представлены двумя типами — топоры-транше, клиновидные. Наличие всех этих типов кремневых изделий позволяет сравнить комплекс из Короста с материалами из Нобеля (верхний слой). По данным Д.Я.Телегина, индекс родственности для этих двух комплексов довольно высокий — 78,4 [Телегин, 1982, с. 137].

Среди памятников этого периода выделяется стоянка Красноселье, которая расположена возле с. Красноселье Владимирецкого района Ровенской области. Она расположена на поверхности дюны, которая тянется вдоль шоссе Красноселье — Зеленое. Наибольшая концентрация находок наблюдалась в западной части дюны. Кремневые находки концентрировались в виде скопления овальной формы размерами 2 x 3 м. На стоянке обнаружено 14 таких скоплений, среди которых следует отметить скопление 1. Его размеры 2 x 1,5 м. Здесь обнаружено 1300 экз. кремневых находок. Среди них 30 нуклеусов в разных стадиях обработки, 370 пластинок и 900 отщепов. Нуклеусы представлены в основном призматическими и неправильно призматическими формами с кососрезанными удар-

ными площадками. Небольшой процент (7 %) составляют нуклеусы первичной стадии обработки. Пластинки в большинстве случаев средних размеров 2–4 см, трапециевидные в разрезе, хорошо огранены. Они составляют 39,7 % всех находок. Данное скопление можно считать местом расщепления кремня и изготовления пластин.

В районе скоплений 7–10 был заложен раскоп площадью 75 м². На глубине 0,25–0,4 м от поверхности зафиксированы находки — 845 экз. Они представлены нуклеусами, пластинами, отщепами, изделиями со вторичной обработкой. Среди последних следует отметить наконечники двух типов — черешковые и иволистые, пластинки с притупленным ретушью краем; трапецию и сегментовидные орудия. Касаясь вопроса датировки стоянки, следует отметить, что культурные остатки залегают в нижней части темно-серого гумусированного песка. Такая картина залегания культурных остатков наблюдается на большинстве мезолитических стоянок этого региона. Аналоги комплексу материалов этой стоянки можно найти в материалах Короста, Красноселья II, Боровно на Волини, мезолитических памятников Средней Десны — Смячка, Литвы [Грибович, 1978, с. 316; Телегин, 1982; Римантене, 1971].

К поздним мезолитическим памятникам относятся Гаи Левятинские, Сапанов, Шепетин, Бережцы, Ветлы. Среди этих памятников привлекают внимание стоянки возле сел Гаи Левятинские и Сапанов. Проведенные Я.Брыком исследования позволили обнаружить десять овальных скоплений, по материалам которых он выделил несколько культур. Новые исследования, а также изучение материалов не подтвердили этой гипотезы [Рудинский, 1952, с. 153; Савич, 1974]. Стоянка Гаи Левятинские расположена в северо-восточной части села в урочище Старая Баба. Кремневый инвентарь стоянки изготовлен из серого, черного и шоколадного местного кремня. Комплекс состоит из нуклеусов, пластин, отщепов и орудий труда. Нуклеусы призматические, короткие, хорошо ограненные негативами пластин. Пластинки узкие, вытянутые. Изделия со вторичной обработкой изготовлены на пластинках и обломках пластин, небольшой процент на отщепках. Среди орудий большинство составляют скребки (43 %). Они небольших размеров. Основным типом являются концевые скребки с округлым рабочим краем. Значительный процент составляют скребки полуокруглые и округлые. Следует отметить скребки типа утиного носа, которые имеют аналогии в материалах мезолитических стоянок Нобель с Волини, Оселивки на Днестре. Резцы составляют 28 %. Характерными для стоянки являются резцы угловые, боковые и срединные.

Характерной чертой кремневого инвентаря стоянки является значительная микролизация и появление новых категорий орудий. Микролиты представлены серией пластинок и обломков с притупленным краем (около 3 %). Коллекция геометрических микролитов состоит из треугольников неправильной формы, трапеций высокой и средневысокой формы. В комплекс входят позднесвидерские острия, а также острие, несколько напоминающее острие типа Коморници или Кудлаевки.

Очень близка по своим материалам и стоянка вблизи с. Сапанов. Кремневые орудия изготовлены на коротких пластинах и отщепках. Среди орудий доминируют скребки (45 %). Они небольших размеров с равномерно заокругленным рабочим краем, а также полуокруглым. Резцы представлены угловыми, боковыми и срединными типами. Как и на вышеописанной стоянке, здесь отмечается серия микролитических орудий — пластинки с притупленным краем, трапеции, треугольники, а также острия с черешком и со скошенным ретушью краем. Материал со стоянки Сапанов по своему составу микролитичен и, сравнивая два этих комплекса, можно отметить их аналогичность с мезолитическими материалами позднемезолитических памятников северного круга мезолитических культур. Такой же микролитический материал встречен на стоянках Ветлы, Бережцы, Шепетин и др.

Материалы описанных памятников, а также других аналогичных местонахождений данного региона дают возможность осветить вопросы культурно-хронологической истории мезолитического населения этой территории. Дюнные стоянки, как правило, размещены на береговых террасах или на отдельных песчаных останцах в заплавах рек. Высота размещения дюнных стоянок над уровнем заповы 5–6 м. Культурный слой стоянок находится в основном в сером слое.

В соответствии с анализом типологического состава кремневого инвентаря, характером поселений можно выделить два этапа развития мезолитической культуры на территории Западной Волини. Первый, нобельский этап характеризуется пластинчатой техникой, сохранением ряда позднепалеолитических черт, наличием в комплексах иволистных и че-

решковых наконечников с преобладанием первых, вкладышевых орудий — пластинок с притупленным краем и со скошенным ретушью краем. Примечательно бытование макролитических изделий — топоров. Вопрос о датировке и периодизации этого этапа очень сложен. Анализы пыльцы стоянки Нобель I дали возможность Г.А.Пашкевич утверждать, что нижний культурный слой ее относится к концу позднего дриаса. К этому же времени относятся и стоянки северо-западной Белоруссии, Литвы, Польши, которые датируются вторым периодом свидерской культуры (IX тыс. до н.э.). По аналогии к этому этапу можно отнести и наши памятники.

Второй этап характеризуется наличием в комплексах геометрических микролитов — трапеций, сегментовидных орудий, увеличением числа пластинок с притупленным краем, треугольников. Одновременно с геометрическими микролитами в комплексы материалов входят наконечники стрел свидерского типа — иволистные и черешковые, небольших размеров скребки, топоры. Наличие в комплексах высоких трапеций, клиновидных топоров, которые появляются в бореальном периоде, дают возможность отнести стоянки второго этапа мезолита к этому времени. Можно согласиться с мнением Д.Я.Телегина о продолжительности существования памятников типа Нобель [Д.Я.Телегин, 1982, с. 137]. Памятники этого типа сыграли значительную роль в формировании неолитической культуры, традиции их прослеживаются и в неолите Волыни. Таким образом, история населения мезолитического времени на территории Западной Волыни была довольно сложной и неоднородной. Данные, полученные в результате многолетних исследований, дают основания выделить нобельскую мезолитическую культуру, которая сыграла на этой территории определенную роль в процессе исторического развития общества на одном из этапов эволюции первобытного строя.

МЕЗОЛИТ ПРЕДКАРПАТЬЯ, ЗАПАДНОГО ПОДОЛЬЯ И ЗАКАРПАТЬЯ

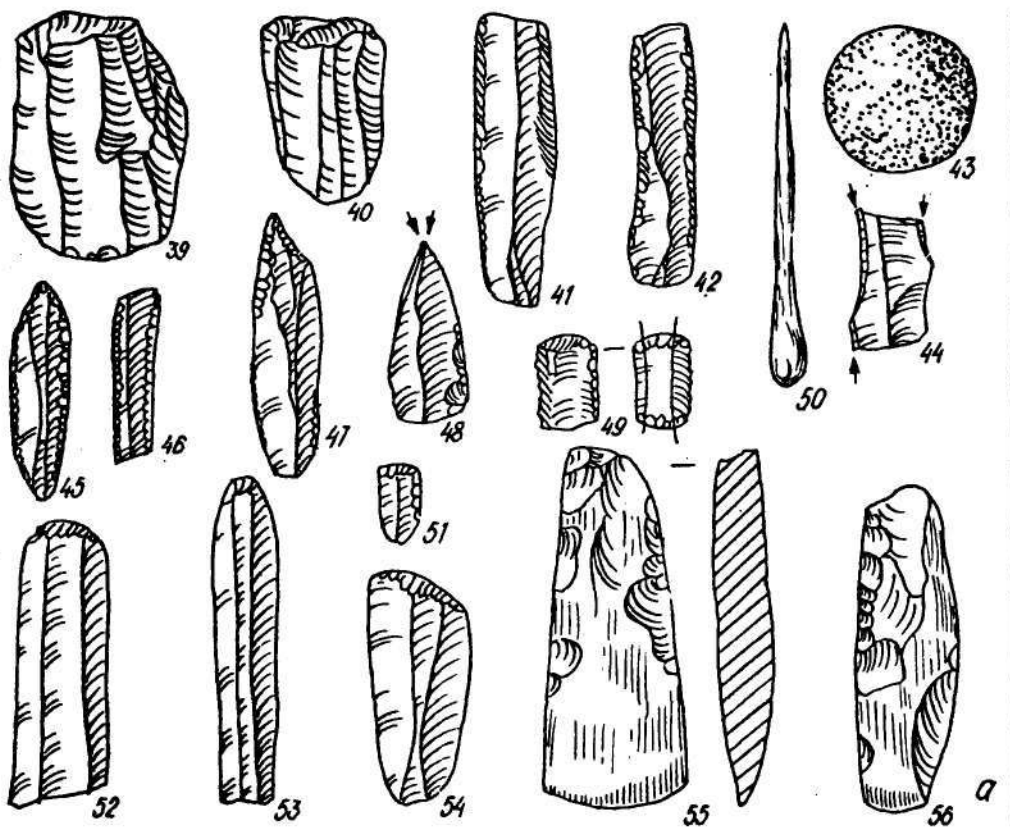
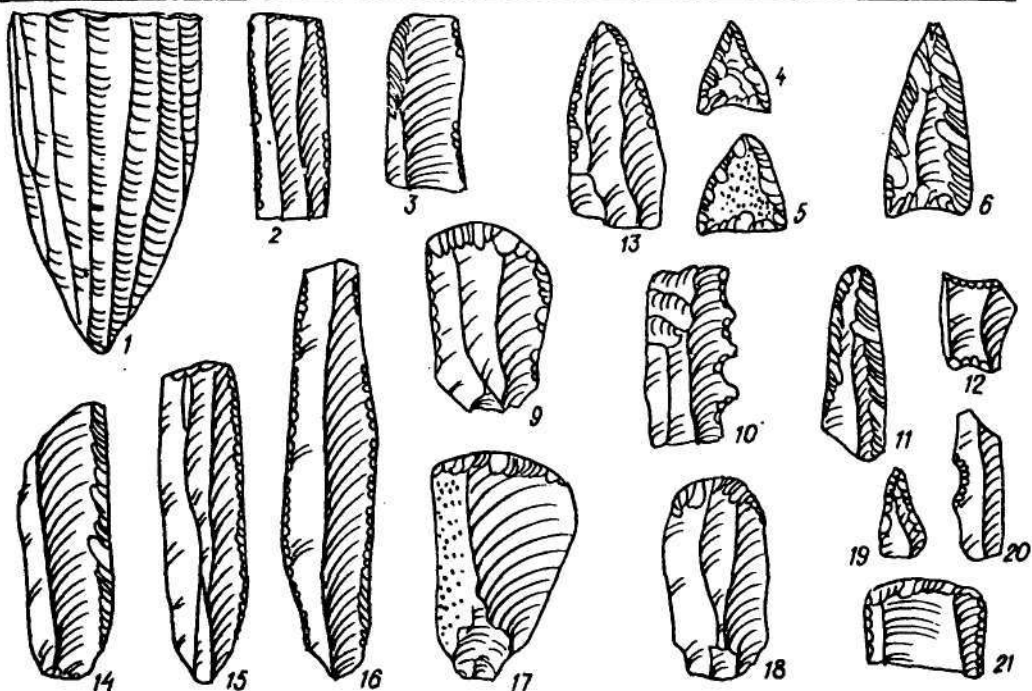
Эта физико-географическая область занимает северо-восточную окраину Украинских Карпат на границе с Подольской возвышенностью. Абсолютные высоты достигают здесь 300—400 м, а ближе к горам — 500 м и выше. Для Предкарпатья характерно чередование удлиненных к Днестру междуречных высот и котловин [Цись, 1962, с. 169].

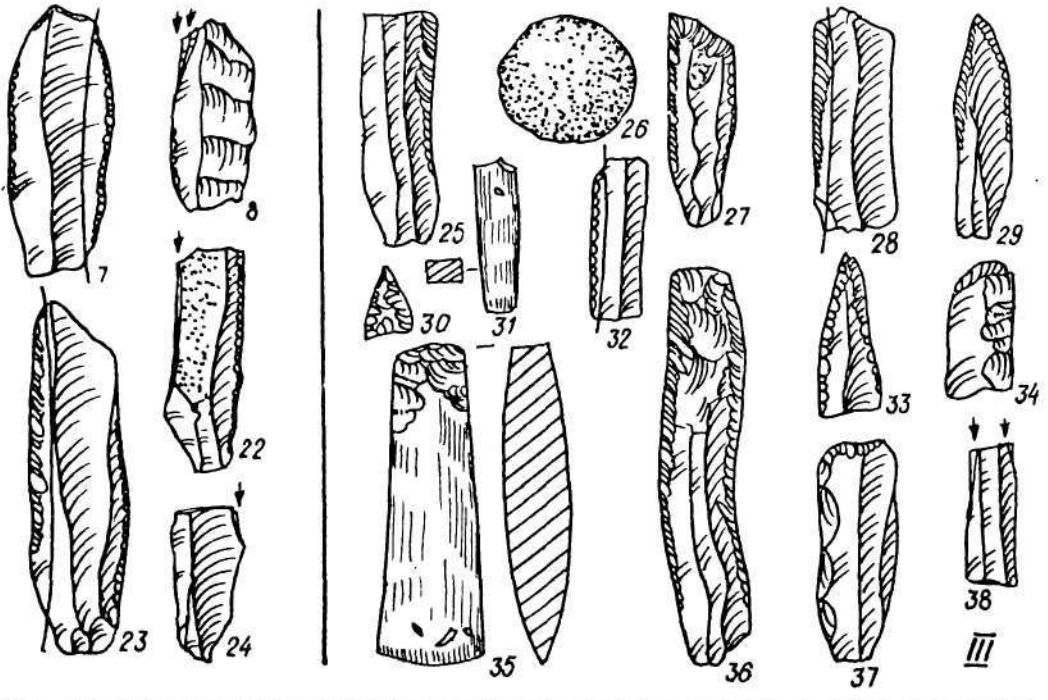
В начале 20-х годов здесь открыты первые мезолитические стоянки, а в начале 70-х годов были начаты планомерные разведочные и стационарные исследования мезолитических поселений этого региона, который занимает Львовскую и частично Ивано-Франковскую области. Работы проводили Львовская, Прикарпатская, Раделицкая и другие экспедиции Института общественных наук АН СССР в 1973—1983 гг. [Мацкевой, 1977б, с. 123—129; Артюх, Конопля, Мацкевой, Поцилуйко, 1977, с. 262—263; Клапчук, 1980, с. 65—75; Конопля, 1983, с. 272]. Всего здесь обследовано более 60 пунктов. Основные стационарные работы проводились на поселениях Старуня I, где вскрыто 1649 м², Вороцев II (1501 м²), Раделичи I (612 м²), Яструбичи II (420 м²), Брюховичи VI (204 м²), Раделичи II (120 м²) и Яструбичи III (80 м²).

На данной территории на основании комплексного анализа выделены следующие типолого-хронологические группы памятников:

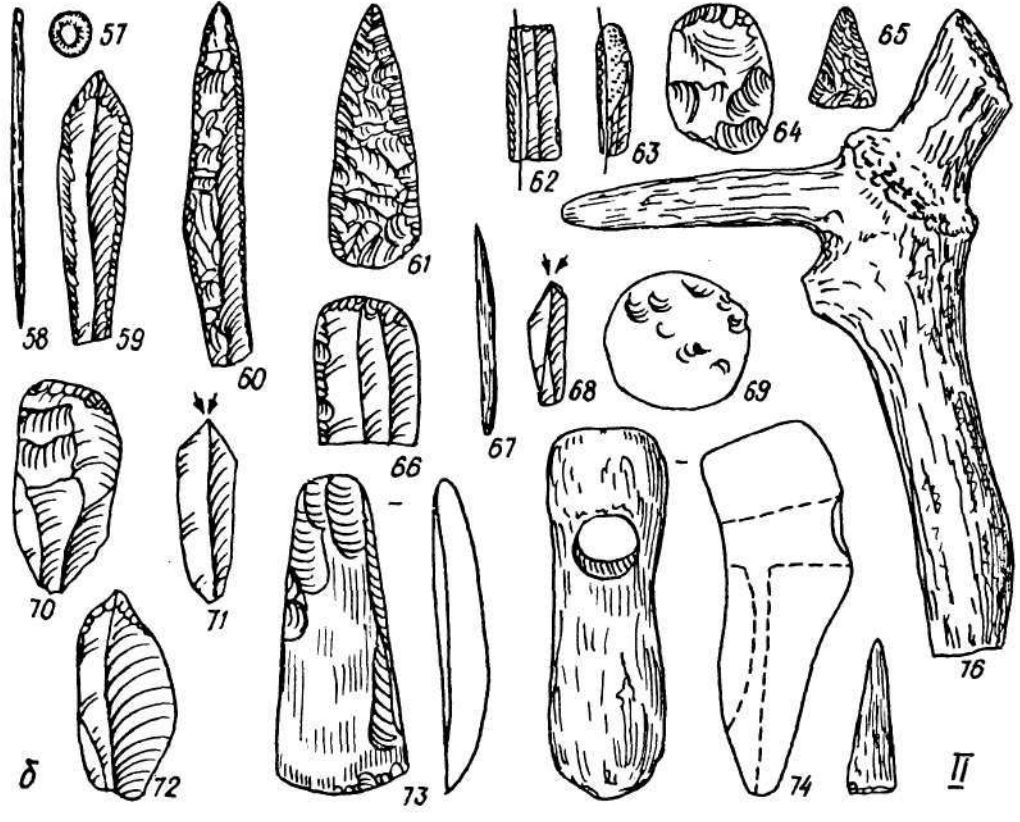
Кунин I. Кроме эпонима (782 кремневых изделия), который зафиксирован на северной окраине Предкарпатья, в южной части этого региона выявлены поселения Красная III, Верхний Майдан I и III. В целом здесь зафиксировано более 2000 изделий почти исключительно из кремня, а также фаунистические остатки северного оленя и раковины обыкновенного прудовика.

Среди нуклеусов преобладают со скошенной ударной площадкой, характерной боковой подтеской и двумя противоположными площадками. Процент орудий достаточно невысок, они еще нередко массивные, как и отдельные макропластины и отщепы. Эти черты характерны для местных позднелеолитических и раннемезолитических памятников, а также материалов сопредельных территорий [Савич, 1975, 136 с.]. Среди орудий имеются типичные для позднесвидерских памятников разнообразные резцы, процент которых высок на ранних этапах, концевые скребки на пластинах, свидерские наконечники иволистной и других форм, а также ножи граветтской традиции. Отдельные геометрические микролиты, вероятно, являются показателем возраста памятников либо поздних примесей на

III

II

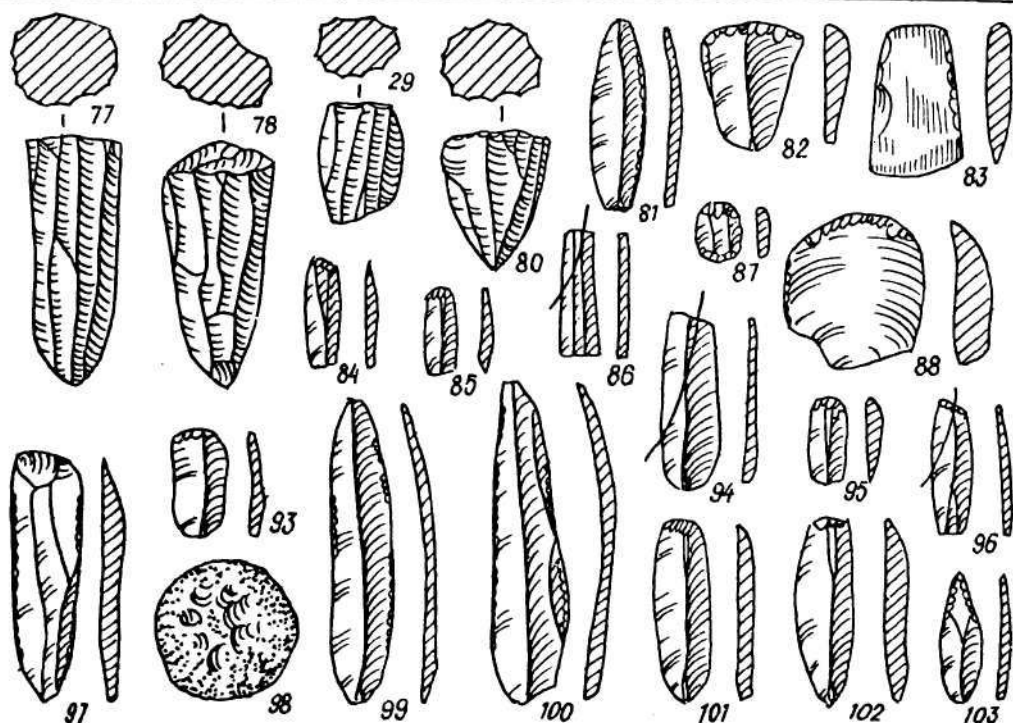
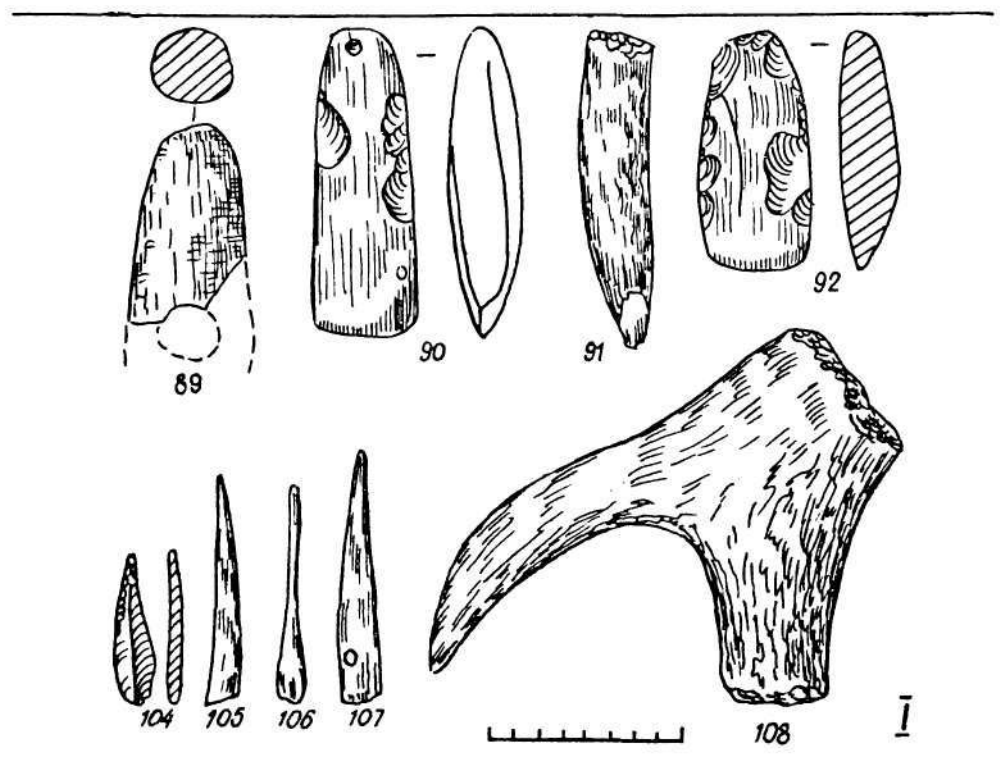

Рис. 30 (окончание). Производственный инвентарь раннего (I), среднего (II) и позднего (III) периодов трипольской культуры Прикарпатья. 1–24 – Викторів; 25–38 – Грушеві; 39–56 – Незвіско (ранній етап); 58–108 – Ленківці

них. По основным индексам этот тип поселений близок Коросту [Савчук, 1979, с. 51–57], а также ранним комплексам из Гаев Левятинских и их аналогов из Нобеля I. Он имеет и некоторые черты постсвидерской культуры Польши, что характерно и для памятников Воляни [Савич, 1974, с. 88–95; Грибович, 1977, с. 129–134; Врук, 1928, с. 4, табл. 1, 2; Kozłowski J. K., Kozłowski S.K., 1975, с. 261–263]. Близкие показатели отмечены и на пункте Великий Глубочек в Западном Подолье [Сытник, 1984, с. 332–333]. Согласно комплексу данных и аналогам, памятники типа Кунин I датируются концом позднего дриаса и, вероятно, более поздним временем.

Ганнусовка I. Здесь зафиксировано около 200 кремневых артефактов, в том числе на эпониме 122 предмета. Культурный слой прослежен лишь на стоянке Старуня III, а подъемный материал собран на стоянках Маринополь IV, V и других пунктах. Для этих памятников характерен высокий процент нуклеусов (5% и более), большинство со скошенной ударной площадкой. Преобладают призматические обычные и пирамидальные усеченные нуклеусы. Отщепов больше, чем пластинчатых сколов, среди которых более половины составляют пластины, при высоком проценте макропластин. Среди орудий большинство составляют скребки на массивных пластинах, ножи и серпы, скобели и резцы. Основные типы и их соотношения близки материалам из Незвиско XXI, а также памятникам молодовской фазы [Черниш, 1975, с. 36–50]. Вероятно, близко и их датирование – позднедриасовым-пребореальным временем.

Старуня II. На памятниках этого типа проведены разведки в Старуне II в 1977 г. и в Жовтне I в 1976 г., а также собирался подъемный материал на поселениях Воронов I, Моршин I–II и на других пунктах. Здесь обнаружено около 200 находок, в том числе на Старуне II – 74 артефакта, а в Жовтне I – 17 каменных предметов, кости быка и лисицы. Слой прослежен в почвенном горизонте В на глубине 0,3–0,5 м в Старуне II и в Жовтне I – 100–120 см. Типологический анализ и статистические распределения находок на памятниках близко зафиксированному на стоянке Незвиско IX, хотя в целом артефактов на

пунктах Предкарпаття значительно меньше. Отметим небольшой процент нуклеусов (2–5%), близость соотношения отщепов и пластинчатых сколов (по 20–30% всех находок). Среди орудий группы преобладают, как и в Незвиско IX, скребки, скобели, резцы, ножи и серпы, а также остря. Близки и соотношения этих орудий. Более высокий процент резцов, по сравнению со скребками, отмеченный в Старуне II, не характерен для Незвиско IX, но прослежен на памятниках Черновицкой обл. Аналогии Старуне II наблюдаются в отложениях бореального времени, что позволяет датировать этим временем и данную группу памятников.

Вороцев II. Основные материалы зафиксированы в Вороцеве II, V–VII и Брюховичах VI–VIII, подъемный материал собран на пункте Голоско I [Герета, Грибович, Мацкевой та ін. 1981, с. 127]. Найдено более 10000 каменных предметов, остатки фауны, на иных памятниках собрано более 1000 каменных орудий.

На поселении Вороцев II слой зафиксирован в почвенном горизонте В на глубине 30–60 см. Культурные остатки достаточно рассеяны, хотя и прослеживается иногда концентрация находок. После снятия культурного слоя на глубине 50–60 см наблюдались пятна горизонта В, в котором обнаружены находки мезолитического времени. Всего обнаружено около 20 таких углублений разнообразной конфигурации, которые позволяют рассматривать их в качестве остатков полужемляночных сооружений, близких летним недолговременным шалашам или чумам. Судя по размерам пятен, площадь вероятных жилищ могла быть несколько большей, чем площадь углублений (учитывая лежанки) и достигать 5–10 м².

Вторая группа углублений характеризуется подокруглыми очертаниями. По длине они колеблются в пределах 160 ± 50 см, по ширине 120 ± 20 см и по глубине 40 ± 20 см. Находок на площади таких объектов несколько больше, чем в углублениях первой группы. Суммарный анализ позволяет большинству из них рассматривать как остатки ям и других близких им хозяйственно-бытовых сооружений.

Основные находки представлены каменными орудиями и фаунистическими остатками.

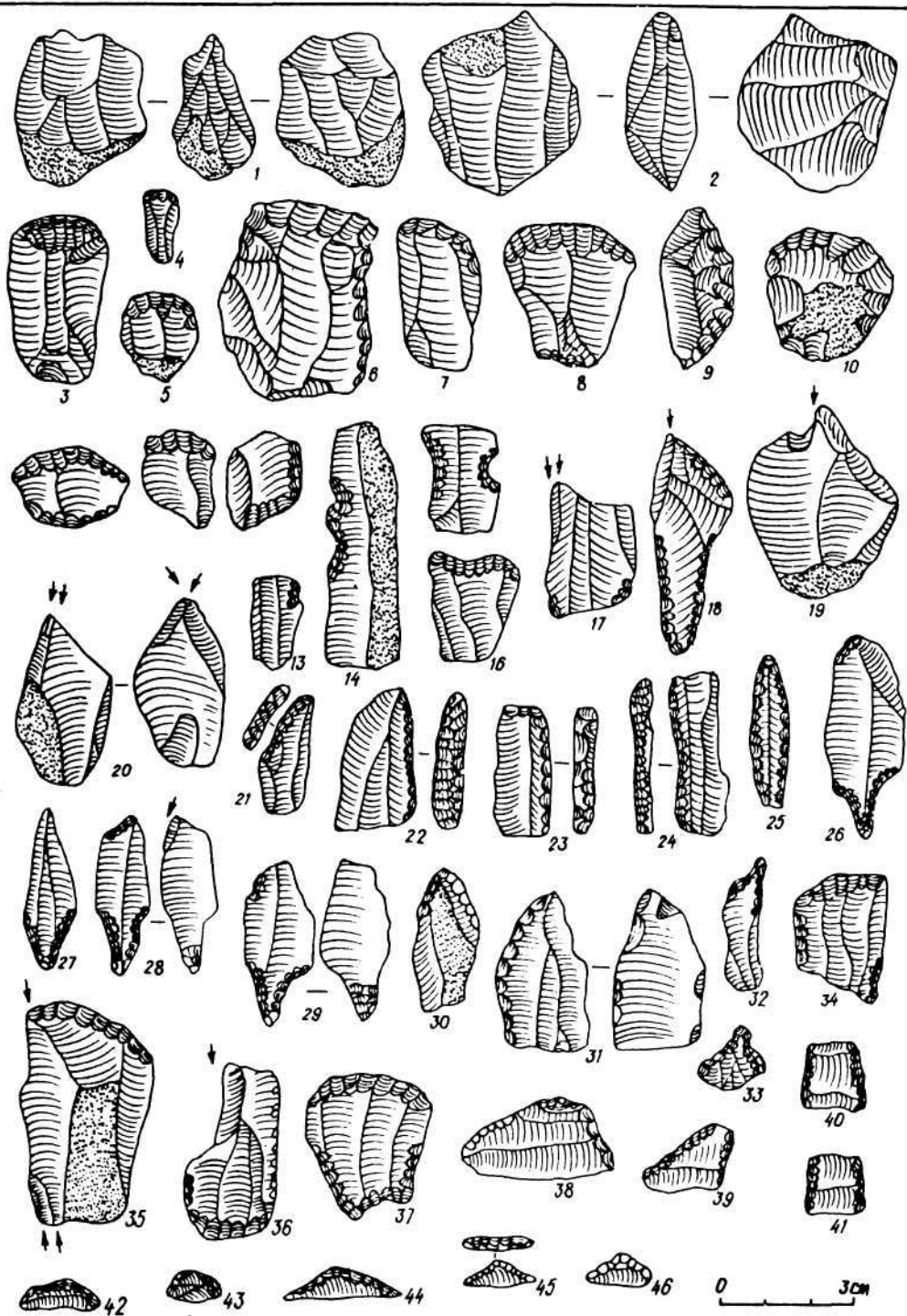

Рис. 31. Кремневые изделия стоянки Ворожец II

Нуклеусы составляют более чем 1 % каменных артефактов. Среди них менее трети уплощенных и со скошенной ударной площадкой; преобладают трех- и более гончадочные. Среди групп типов больше всего призматических обычных и аморфных. Пластинчатых сколов больше, чем отщепов. Налицо выраженная стандартизация по ширине. Так, в Вороже-

80

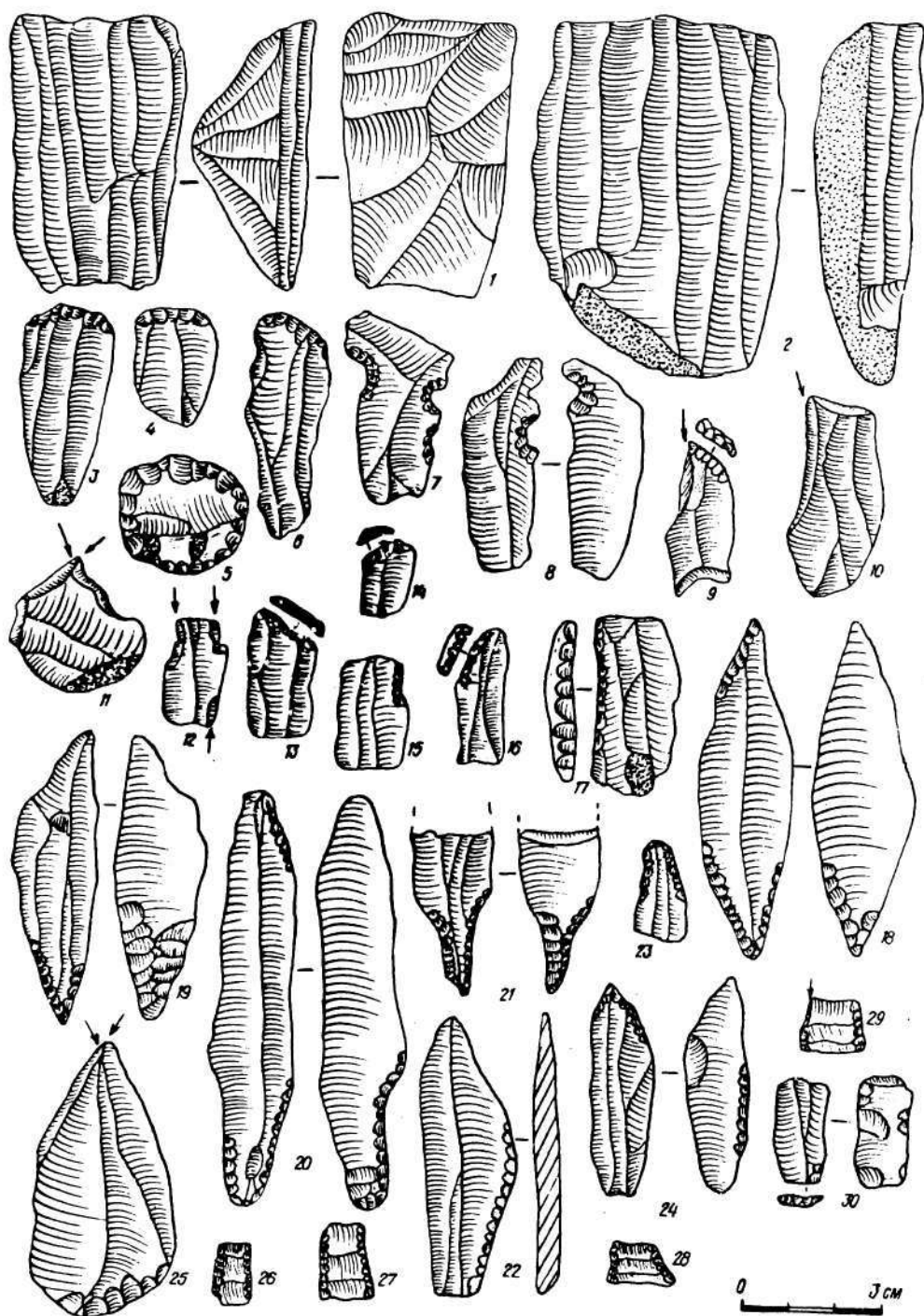

Рис. 32. Кремневые изделия стоянки Старуня I

ве II пластины составляют 52,6 %, а пластинки — 39,5 %. На основных памятниках процент орудий фиксируется в пределах 10–15 % всех артефактов. Среди групп типов больше всего скребков (25–30 %), значителен и процент резцов (15–20 %), а также ножей, несколько меньше скобелей.

Отметим наличие в Вороцове II постсвидерских и иных близких им наконечников стрел (26 экз.) и 25 геометрических микролитов типа трапеций, сегментов и треугольников, что составляет по 3,2–3,3 % всех орудий комплекса. Показателем также процент, который составляют нуклеусы, отщепы, орудия и другие изделия, а также наличие разнообразной фауны и специфической природной среды в целом. Наиболее близким аналогом комплекса является стоянка Карве I из юнсдорфской группы на территории ГДР [Grasch, 1973, s. 128, 146]. Отметим идентичную топографию размещения этих поселений, близость фауны и артефактов. Такие орудия из Карве I, как постсвидерские наконечники, единичные высокие скребки, геометрические микролиты, разнообразные иные скребки, резцы и др. чаще всего почти не отличаются не только по форме, но и по размерам от орудий из Вороцова II. По этим данным комплекс Вороцов II можно отнести к концу бореального — началу атлантического времени и датировать VI–IV тыс. до н.э.

Старуна I. Отметим пункты Старуна I, VI, VII, IX, Делятин VI и Кунин II. В Старуне I кроме фауны (северный олень, свинья, собака и моллюски) обнаружено более 5000 каменных артефактов. На иных пунктах группы собрано еще 1100 кремневых предметов. Культурный слой фиксируется в почвенном горизонте B на глубине 30–55 см, а в углублениях — до 105 см. В западной части раскопа зафиксированы остатки углубленного жилища типа чума, а на север от него — неуглубленного жилища, обложенного камнем, с выходами в сторону реки. На юг и на запад от этих объектов прослежены две хозяйственные ямы и два очага, заполненные древесным углем (по C¹⁴ LE-1417, 5250 ± 70 лет до н.э.). Между ними обнаружено несколько скоплений кремневых артефактов, являющихся, вероятно, местами обработки кремня. В восточной части раскопа зафиксированы остатки еще одного жилища, а рядом с ним два углубления (очевидно, очаг и хозяйственная яма). Здесь же находилась и концентрация кремневых артефактов. Скопления песчаникового камня могли служить заслонами от ветра, что подтверждается этнографическими данными.

В комплексе Старуны I среди нуклеусов преобладают экземпляры со скошенной ударной площадкой, около 20 % уплощенных форм. Почти половину составляют призматические обычные, второй группой представлены пирамидальные усеченные. Здесь пластинчатые нуклеусы почти в два раза превышают количество отщепов. Среди орудий (14 % артефактов) преобладают скобели (26 %), несколько меньше скребков, а резцов только 6 %. Отметим 49 трапеций (7 %) и 32 наконечника, 12 из которых близки позднесвидерским, а остальные с обработкой только одного края черешка (20). Наиболее близкие индексы этому памятнику наблюдаем на стоянке Врублецы I [Кучугура, 1982, с. 47–48]. Стратиграфические, типологические и иные наблюдения позволяют отнести комплекс из Старуны I к бореальному — началу атлантического периода и датировать VI–IV тыс. до н.э.

Баранье I. Кроме сборов подъемного материала на пункте Баранье I, на стоянке Павлов I, Раделичи I и Раделичи II раскопки.

На стратифицированных памятниках прослежен культурный слой мощностью 20–30 см, на глубине 20–50 см от поверхности. На эпониме зафиксировано 949 кремневых изделий, на остальных — более 6500 артефактов. На всех памятниках, кроме Раделичи I, процент отщепов несколько больше (30–35 %), чем пластинчатых сколов (25–30 % всех кремневых артефактов). Орудия на памятниках представлены более 10 %, за исключением Бараньего I, где только 7,2 % всех каменных артефактов. Около 60–80 % орудий изготовлено на пластинчатых сколах. Отметим преобладание серий ножей, резцов и скобелей. Характерной особенностью группы памятников является наличие среди орудий выразительных геометрических микролитов и прежде всего трапеций, которые достигают иногда 8,8% всех орудий комплекса (Баранье I). Основные группы изделий и другие показатели Бараньего I и иных памятников группы совпадают с материалами стоянки Каменица I из Закарпатья и Серед I из Чехословакии [Bárta, 1957, с. 5–72]. Группа памятников отнесена к концу бореального — началу атлантического времени.

Рудно III. На эпониме заложено траншею, в Делятине VII вскрыта площадь 20 м², Маняве I — шурф, а также собраны подъемные материалы на Долгом I, Делятине IV, VIII–IX, Ланчине I, Добротове I, Среднем Майдане I, II, Тисменице I, Заречье II, Вязовом I, Деревне I и Ольшанице I. На пунктах группы собрано более 1500 каменных артефактов. Остатки сырья и нуклеусов представлены здесь незначительными процентами. Отметим более высокий, чем в предыдущих группах, процент уплощенных форм и низкий нуклеусов со скошенной ударной площадкой, а среди групп типов, как правило, преобладают призматические и пирами-

дальние. Пластинчатые сколы и отщепы зачастую близки по количеству и составляют по 15–30 % всех артефактов. Среди пластинчатых ведущими сериями представлены пластины и пластинки. Значителен процент орудий, достигающий иногда 20–40 %. Преобладают скребки (до 70–90 % всех орудий); следующими группами орудий чаще всего представлены ножи и скобели. В комплексах почти полностью отсутствуют тарденуазские и постсвидерские примеси. Культурный слой таких поселений залегает в верхах почвенного горизонта В на стыке с А и датируется уже, вероятно, началом атлантического времени в пределах или близко к V–IV тыс. до н.э.

Западноподольский район охватывает юго-восточную часть Ивано-Франковской и частично западную часть Тернопольской области и до некоторой меры сопредельные территории. Наиболее характерной особенностью этого региона является развитие меридиональных глубоких долин с относительно пологими склонами и широкими днищами, с густой сеткой боковых долин и балок [Цись, 1962, с. 131].

Отдельные находки мезолитического возраста были зафиксированы здесь еще в довоенное время [Борисковский, 1953, 464 с.]. Систематические работы по изучению эпохи мезолита были начаты в 1973 г. Прикарпатской экспедицией АН УССР [Мацкевой, 1980 а, с. 111–112], а также несколько позже проводились экспедициями Тернопольского [Сытник, 1984, с. 332–333] и Каменец-Подольского краеведческих музеев [Кучугура, 1982, с. 47–48; 1984, с. 287]. Всего на этой территории зафиксировано более 50 памятников мезолитического возраста. Стационарные работы проведены в Городенковском районе Ивано-Франковской области на стоянках Незвиско IX – 307 м², Незвиско XXI – 184 м² и Незвиско XII – 72 м².

Комплексные исследования дают основания предполагать, что в долине Днестра и на сопредельных территориях природные условия в мезолитическое время создавали, видимо, особенно благоприятную среду для обитания человека [Иванов, 1956, с. 3–21; 1959, с. 225–273; Иванов, 1977 а, с. 7–18]. Наибольшую информацию дают каменные изделия, составляющие основную массу находок остатков материальной культуры. Отметим прежде всего нуклеусы и заготовки. Уже эти материалы на многослойных памятниках, где представлены более ранние слои (Незвиско XXI и Врублевцы I), отличаются от позднепалеолитических комплексов. Так, прослежено уменьшение количества нуклеусов со скошенной ударной площадкой, а также с ретушированной боковой гранью; среди пластинчатых сколов возрастает процент микроформ. Из орудий преобладают скребки, скобели, ножи и резцы. Геометрические микролиты, как, впрочем, и свидероидные наконечники, представлены лишь отдельными экземплярами. Несколько больше разнообразных острий. Некоторые формы орудий, отмеченные в мезолите, известны уже в конце палеолита. Отметим серию высоких скребков (Незвиско XII). Еще значительнее серия пластинок с притупленным ретушью краем (Незвиско XII) и отдельные экземпляры подобных изделий на других поселениях: на иных памятниках отмечены скребки-резцы, а также превышение количества резцов над скребками (Незвиско XII и Врублевцы I). Прослежены и пластинки со скошенным ретушью концом, причем в Луке II они уже миниатюрных, неолитических очертаний, а во Врублевцах I из двух таких изделий одно идентично янславичским остриям.

Культурный слой Незвиско IX, XII и XXI, а также до определенной степени, вероятно, и Врублевцы I насыщен кремневыми изделиями и достигает, как правило, не менее 0,5 м. Соотношение групп каменных артефактов свидетельствует о долговременном ведении хозяйства и обработке камня на месте. Обобщающий анализ каменного инвентаря и других компонентов культурного слоя дает основание подобный тип поселений считать остатками палеолитических общин, которые приспособились к новым условиям жизни в голоцене [Чайлд, 1952, с. 23]. Такие поселения некоторые исследователи именуют памятниками голоценового палеолита [Рогачев, 1966, с. 13], другие – эпипалеолитическими [Окладников, 1966, с. 213–223; Габори, 1980, с. 66–70]. Иное дело стоянки типа Лука II. Эти поселения расположены непосредственно на берегах рек, на расстоянии всего нескольких метров от уровня воды. Культурный слой здесь редко достигает более 0,2 м и находок в нем значительно меньше. Специфичен и набор каменных изделий на этих памятниках – нуклеусы не редко представлены лишь единичными экземплярами, а орудия составляют значительный процент. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что такие поселения носили кратковременный характер [Ефименко, 1960, с. 23; Борисковский, 1953, с. 354].

Естественно, что и хозяйственная деятельность жителей стоянок, расположенных в различных физико-географических условиях, была, как правило, разной. В этом плане инте-

ресны хозяйственно-бытовые комплексы. Это, прежде всего, места обработки кремня, где зачастую представлены все основные компоненты кремневых индустрий, а также остатки очагов и жилищ. Отметим два скопления известняковых камней, расположенных по кругу, диаметром около 5 и 7 м, зафиксированные в культурном слое поселения Незвиско XXI. Подобные находки на многих территориях, согласно археологическим, этнографическим и другим данным, интерпретируются как остатки жилых сооружений типа чумов или шалашей [Мацкевой, 1977а, с. 30]. У предполагаемого входа в одно из таких жилищ из Незвиско XXI прослежено место обработки кремня. Представляют интерес и конусовидные полости диаметром до 25 см и глубиной до 50 см, прослеженные в естественных выходах гипсоносных известняков в непосредственной близости от предполагаемых жилищ.

Согласно сводкам Г.И.Раскатова [Раскатов, 1953, с. 64–75], а также К.А.Татарина [Татарин, 1966, с. 51–62; 1974, с. 55–63], в описываемых регионах зафиксировано значительное количество фаунистических остатков раннеголоценового времени. Однако в силу различных причин фаунистические остатки здесь практически не сохранились, кроме отдельных зубов быка и благородного оленя.

Наряду с охотой, в описываемом регионе, по данным Г.А.Пашкевич (споро-пыльцевой анализ) и Т.Д.Билинкевич (фауна моллюсков), существовали условия для собирательства съедобных плодов, корней и моллюсков. Этнографические параллели и многочисленные аналогии из других регионов [Бибиков, 1941, с. 140–141; Охотники, собиратели, рыболовы, 1972, 288 с.] позволяют предполагать, что продукты собирательства служили определенным дополнением к пищевому рациону. Возможно, и рыболовство, особенно у жителей поселений типа Лука II, являлось одним из важных видов хозяйственной деятельности.

Памятники описываемого региона подразделены на следующие группы:

Великий Глубочек I. Комплекс представлен 120 каменными артефактами, среди них 13 желваков и 17 нуклеусов. Из нуклеусов лишь один экземпляр уплощен и 12 со скошенной ударной площадкой, в том числе 7 одноплощадочных, 8 двухплощадочных, 2 трехплощадочных. По группам типов преобладают призматические обычные, а также аморфные. Отщепы (5) превышают количество пластинчатых сколов (30 экз.). Отметим преобладание пластин (13) и макропластин. Орудий относительно немного (11), причем восемь из них изготовлено на пластинах и лишь два на отщепах. Наибольшими сериями здесь представлены типичные постсвидерские наконечники стрел и ножи с противолежащей и приотряхивающей с бьюшка ретушью. Здесь лишь два скребка, в том числе концевой подокруглый и боковой, а также скобель и резец. В целом для каменного инвентаря памятника характерны позднесвидерские черты при незначительных примесях, близкие зафиксированным в Нобеле I, культурный слой которого, по данным Г.А.Пашкевич, залегает в отложениях позднедриасового времени [Грибович, 1977, с. 132–134]. По большинству показателей близкими аналогиями Великому Глубочку I являются также Корост [Савчук, 1979, с. 51–67] и Скауне [Nicolăescu – Ploșcor, 1958, p. 5–34].

Незвиско XXI. Каменные артефакты здесь представлены 2460 экземплярами, в том числе сырьем (95 желваков) и нуклеусами (115 экз.). Больше всего призматических обычных (30), аморфных нуклеусов (28) и пирамидальных усеченных (21). Имеются и отщепы (711), пластинчатые сколы при преобладании пластин и макропластин. Орудия (189) изготовлены чаще на пластинах (76,2%); среди них больше всего скребков (40,7%), а вместе с близкими им по функциям скобелями – более 56% всех орудий. Несколько менее, чем 20%, составляют ножи и резцы. Среди скребков (11 типов) еще отмечаются архаические высокие формы, а резцов – более половины угловых. Отметим также отдельные специфические резчики (пластинки со скошенным ретушью концом и пластинки с притупленным ретушью краем), а также два наконечника. Найдены и сегмент нестойкой формы, близкий треугольнику или трапеции.

К группе отнесено еще три пункта (Лука XIII, Подвербцы I и Незвиско XXII). Согласно данным Г.А.Пашкевич, Незвиско XXI залегает в отложениях пребореального времени. Сходство стратиграфических условий, аналогичный каменный инвентарь и иные показатели позволяют видеть аналогами этому памятнику и другим пунктам группы материалов из Предкарпатья (Маринополь IV и V), Закарпатья (Каменица V), Молодовской фазы [Черниш, 1975, с. 36–50]. Сексард-Паланк [Габори, 1980, с. 66–68; Vértes, 1962, с. 159–202].

Незвиско XII. Каменные артефакты представлены здесь 7269 экземплярами, среди которых, нуклеусы, отщепы, пластинчатые сколы, орудия, а также отходы производства и

обломки изделий. Среди нуклеусов преобладают пирамидальные обычные (29,9 %) призматические обычные (23,4 %) и пирамидальные усеченные (20,6 %). Из орудий резцы (26,6 %), ножи (24,0 %) и скребки (21,6 %). Достаточно высокий процент резчиков (5,3%) и острий (6 %). Единичны экземпляры наконечников с выпуклым основанием и трапеции, а также рубящие орудия. Весьма выразительна здесь серия ножей и иных вкладышей с припущенным ретушью краем (22).

К группе отнесено еще четыре поселения (Незвиско XIX, Незвиско XV, Петров II и Подвербцы VI). Комплексы близки материалам оселевской фазы, памятники которой залегают в отложениях преевропейского времени [Черныш, 1975, с. 133–134]. Сходство стратиграфических условий и аналогичный каменный инвентарь позволяют отнести материалы из Незвиско XII к этому времени. По большинству показателей, кроме Оселивки, близким аналогом Незвиско XII являются материалы из Лапоша [Păunescu, 1970, p. 256–257, ф. 13].

Незвиско IX. Здесь зафиксировано 2946 каменных артефактов, среди них нуклеусы (82), отщепы (884), пластинчатые сколы (883), орудия (340), отходы производства (695 экз.). Фауна представлена благородным оленем и раковинами улиток геликс лютеценс. Среди орудий преобладают скребки (96), резцы (85), ножи (73) и скобели (68 экз.). Немного острий (8), резчиков (3), терочно-шлифовальных орудий, резцов-скребков и скобелей-резцов (2 экз.). Имеются также рубящее орудие и низкая удлиненная трапеция. К группе отнесено еще пять пунктов на этой территории: Незвиско XVII, Незвиско XX, Лука XVII, а также Микулинцы I и Плебановка I [Сытник, 1984, с. 332–333]. По данным Г.А.Пашкевич, мезолитический слой в Незвиско IX залегает в отложениях бореального времени. Стратиграфические условия и аналогичный каменный инвентарь позволяют ближайшим аналогам Незвиско IX видеть в памятниках атакской фазы [Черныш, 1975, с. 134], второго слоя грота Брынзены [Кетрару, 1973, с. 142–143], а также на поселениях граветтена IV, по А. Паунеску [Păunescu, 1970, с. 252–253, ф. 11].

Лука II. На этой стоянке заложены шурфы площадью 9 м². Незначительные раскопки проведены на Незвиско XVI, в Луке XII и Луке IV, собран подъемный материал на поселениях Униж IV, V, Лука VI, VII, VIII, XVI, а также на пункте Раковец I [Герета, Грибович, Мацкевой та ин., 1981, с. 127] и на стоянке Криакки I [Сытник, 1984, с. 332–333].

На стоянке *Лука II* культурный слой зафиксирован на глубине 0,6–0,8 м в почвенном горизонте В. Здесь выявлено 128 кремневых предметов и раковины улиток. В этом и других комплексах группы остатки сырья и нуклеусы представлены, как правило, незначительным процентом. Среди нуклеусов больше, чем в предыдущих группах, уплощенных форм и меньше изделий со скошенной ударной площадкой, преобладают призматические и пирамидальные нуклеусы. Ведущие серии среди пластинчатых сколов составляют пластины (50–70 %), затем следуют исключительно пластинки (20–30 %). Одним из самых характерных признаков этих памятников есть значительный процент орудий (20–40 %). Ведущей группой (иногда более 50 %) здесь представлены скребки, затем следуют ножи или скобели. Почти повсеместно невысок процент резцов, острий и других форм. Такие комплексы зафиксированы на многих территориях в преднеолитическое, в основном атлантическое, время. Отметим Каменицу II, Дибровку I в Закарпатье, Рудно III и Долгое Поле в Предкарпатье, а также Фрумушику в Молдавии, где прослежен кукрекский элемент.

Разнообразные природные условия региона были тесно связаны с хозяйством различных групп населения и, соответственно, типологией каменного инвентаря. Карпатские горы уже с конца палеолита, как предполагал П.П.Ефименко [Ефименко, 1956, с. 41], не являлись непродоходимым барьером для заимствований, миграций, обмена, переконовка и других причин появления в Западном Подолье элементов разнообразных культур конца палеолитического и мезолитического времени — свидерской, тарденуазской и иных. На определенном этапе происходят их разнообразные контакты, дающие новое качество.

Закарпатский регион охватывает современные границы Закарпатской области УССР, что совпадает с генетическими формами рельефа [Цись, 1962, 222 с.]. До начала 70-х годов памятники эпохи мезолита здесь были почти неизвестны [Колосов, 1971, с. 64–77; Балагури, Гранчак, 1973, с. 324; Черныш, 1974, с. 75–88]. Начало систематических работ по этому периоду относится к 1973 г. [Мацкевой, Артюх, 1974, с. 307]. К этому времени уже во многих частях региона обнаружены поселения эпохи мезолита. Отметим Дибровку I [Потушняк, 1956, с. 105, 129; 1980], Каменицу и Малую Уголку [Гладилин, 1970; Балагури, 1976, с. 18–19], пункты в районе пгт. Перечина и г. Свалявы [Пеняк, 1980], сбо-

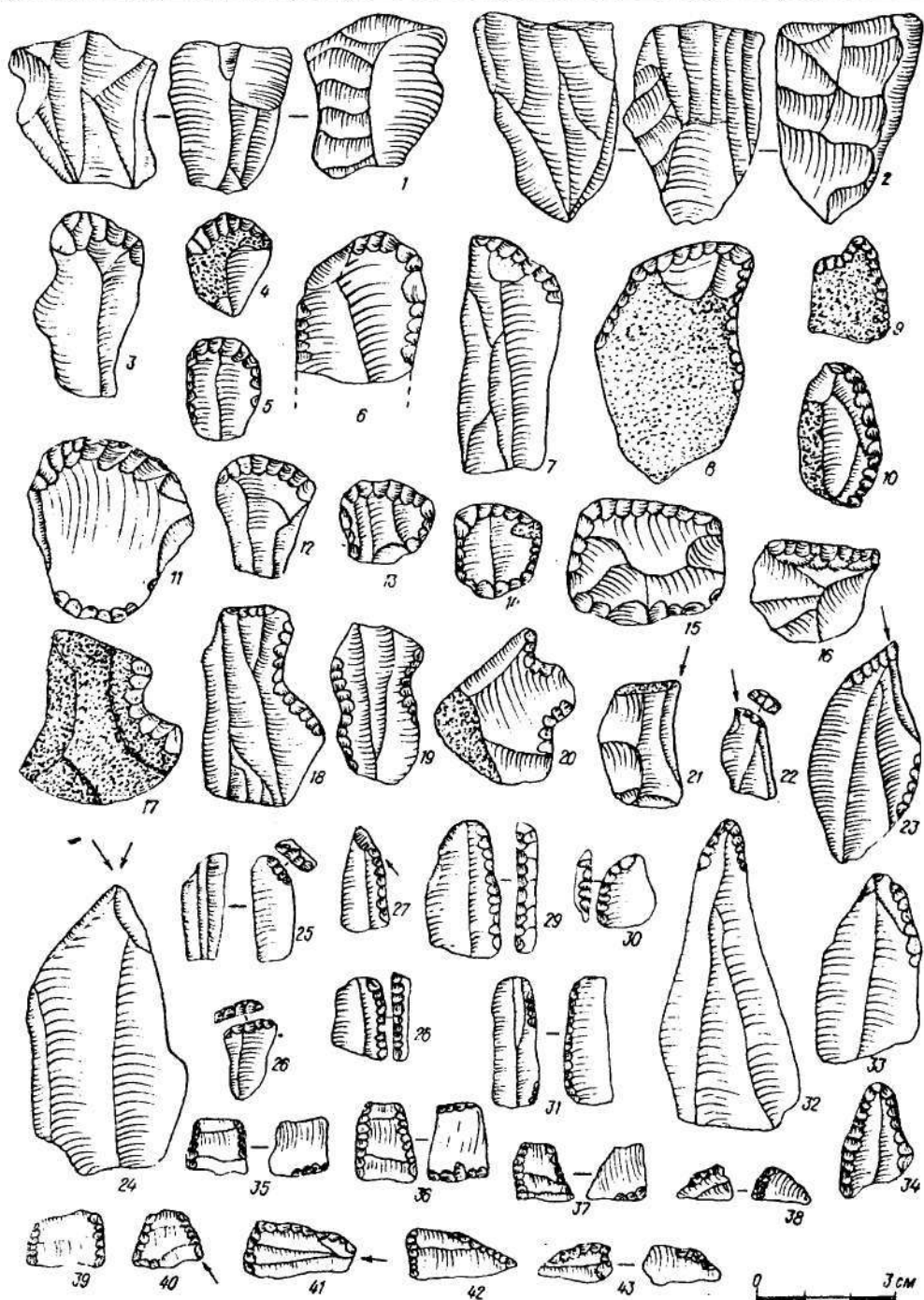

Рис. 33. Кремневые изделия стоянки Каменца I

ры на Радванской горе на юго-восточной окраине Ужгорода [Сова, 1964, с. 180–187] и на Чернечей горе в г. Мукачево [Пронин, 1980; Pronin, 1959, с. 5–20]. После проведения стационарных работ в 1976 г. на поселении Каменца II, при учете данных 1973–1975 гг., удалось уже подвести первые итоги. Здесь открыто и обследовано 40 памятников эпохи мезолита. Стационарные работы были проведены в Ужгородском районе близ с. Каменца на стоянках Каменца II (340 м²), Каменца IV (201 м²) и Каменца V (266 м²), а также ранее в Иршавском районе близ с. Дибровка (около 500 м²).

Закарпатье в физико-географическом отношении неоднородно. Тут фиксируется целый ряд природных ландшафтов с большой сеткой рек, лесистых возвышенностей и равнин, в отдельных местах заболоченных. Согласно природным зонам, сюда входит прежде всего Закарпатская равнина и, частично, другие районы. Разнообразие ландшафтов свидетельствует о различных условиях жизни в этих местностях [Анучин, 1956, с. 47—64].

Каменица V. На эпониме зафиксировано 1650 каменных предметов. Материалы прослежены, в основном, в почвенном горизонте В. Культурный слой и находится на глубине 0,3—0,6 м от современной поверхности. В центральной части раскопа обнаружено 13 известняковых камней, расположенных по окружности диаметром около 4—5 м. Не исключено, что это остатки легкого жилища типа шалаша или чума с выходом на юго-запад, т.е. к реке. Большими камнями (до 65 x 50 x 22 см) могли обкладывать покрытие такого сооружения, а меньшие, возможно, были привязаны к веревкам, которые способствовали правильному положению покрытия жилища. Перед вероятным входом в такой объект зафиксировано скопление артефактов, вероятно, место обработки каменных предметов. Кроме того, значительное количество изделий прослежено к северо-востоку от остатков сооружения. Культурный слой, отнесенный к этой группе памятников, отмечен также в шурфе на стоянке Мукачево VI и еще на 17 памятниках, на которых лишь собирался подъемный материал (Валикий Раковец I, II, Ворочево I—III, Гута I, Коноплевцы I—III, Невичкое I, Свалява I, Перечин I, Чинадиево I, Каменица III и Хуст I) или были заложены шурфы, не подтвердившие наличия сохранившегося культурного слоя (Глубокое I и Мукачево VIII).

Всего на памятниках группы зафиксировано около 3000 каменных артефактов. Среди нуклеусов преобладают аморфные и призматические, со скошенной ударной площадкой (более 50 % всех изделий). Отщепов значительно больше, чем пластинчатых сколов, среди которых преобладают пластины и макропластины. Процент орудий обычно не более 7 % при некотором преобладании изделий на пластинчатых сколах. Типологический список орудий достаточно ограничен. Наибольшим количеством представлены здесь скребки и скобели (20—33 %), а также ножи, резчики и резцы (10—20 %).

Каменица I. Комплекс этого типа выделен и на Радванской горе (Ужгород I), который насчитывает более 1000 каменных предметов, Гуте II и других пунктах. На Каменице I зафиксировано более 4000 артефактов. Слой прослежен в почвенном горизонте В на глубинах до 220 см, а в северной оконечности памятника — на уровне 10—70 см от поверхности. Отложения выражены в восточной, а кое-где и северо-восточной части раскопа, хуже — в южной. Отметим значительную концентрацию находок в восточной, а особенно в северо-восточной части раскопа. Зафиксированы камни, размерами 10 x 15 x 20 см, выложенные кругом диаметром 3—5 м. Они могли быть остатками хозяйственных сооружений. Не исключено, что это остатки обкладки временного жилища типа чума. При выходе из сооружения со стороны реки зафиксировано скопление находок. Здесь прослежены также остатки очага: древесные угли и обожженные камни.

В комплексе Каменица I достаточно высок процент сырья, а также нуклеусов (3—5 %), из которых почти половину составляют призматические обычные (42,5 %), пирамидальных обычных — 12,6 % и усеченно-пирамидальных — 18,4 %. Отщепов в комплексе больше (35 %), чем пластинчатых сколов (20 % всех каменных предметов). Среди пластинчатых преобладают пластины (70 %) и макропластины (20 %). Наибольшей серией из орудий (12,1 %) представлены скребки, составляющие 44 %, ножей 18,8 %, скобелей 16,7 %, резцов 16,3 %, резчиков — 8 %, а геометрических микролитов, среди которых большинство трапеции и характерные яниславцикие треугольники — 6 %.

Каменица II. На эпониме собрано около 800 каменных артефактов и остатки фауны. Материалы прослежены в почвенном горизонте В. Мощность слоя, который довольно рассеян, от 15—20 до 40—45 см. Дневная поверхность поселения четко не прослеживается, хотя в большинстве квадратов она находится на уровне галечных природных камней. Не исключено, что часть этих камней употреблялась в хозяйственной деятельности человека. Их размеры в среднем достигают 15 x 20 x 30 см. Возможно, часть их использовалась для обкладки жилищ типа чумов. Зафиксированы единичные древесные угли и обожженные камни.

Близкие Каменице II комплексы обнаружены на стоянках Каменица IV, Дибровка I, Среднее I—IV и Угля I. Нуклеусы на этих памятниках не превышают 2—4 %, а каменное сырье — 5—7 % всего комплекса артефактов. Среди нуклеусов преобладают призматические, несколько меньше пирамидальных и усеченно-пирамидальных. Отщепов (12—35 %)

несколько больше, чем пластинчатых сколов (7–30 %). Значителен процент орудий (11–30 %), в том числе на пластинчатых сколах относительно немного. Отметим, что 50–80 % составляют скребки, ножей и скобелей — по 10–15 %, резцов — 4–7 %.

Приведенные группы памятников отличаются по целому ряду показателей и индексов. Особенно это заметно по номенклатурному составу каменного инвентаря. Так, среди нуклеусов, чем моложе комплекс, тем меньшее количество изделий со скошенной ударной площадкой, которые характерны для конца палеолита. Пластинчатые сколы становятся более правильных призматических форм, на поздних этапах ведущими сериями представлены пластины (нередко более 50 % всех пластинчатых), а вторую по количеству серию составляют пластинки. Такая близость размеров может свидетельствовать о стандартизации и унификации каменных изделий. На раннем и позднем этапе меняются и процентные соотношения составных каменной индустрии. Более совершенной становится ретушь. Среди орудий уменьшается процент палеолитических форм и прежде всего высоких скребков, пластинок с притупленным ретушью краем и резцов. Увеличивается процент скребков.

Общий состав немногочисленных фаунистических остатков, найденных в культурных слоях поселений, свидетельствует о достаточно разнообразных условиях природной среды. Согласно данным К.А.Татарина, здесь отмечены бык (*Bos sp*) и олень (*Servus elaphus*), которые предпочитали открытые степные участки, редколесье равнинных территорий, лес и лесостепь, что согласуется с данными, полученными по спорово-пыльцевому анализу [Козий, 1960, с. 82–86; Гладилин, Пашкевич, 1977, с. 106–111]. Быки представлены здесь мелкими формами туров или полутуров, возможно, это молодые особи. Кроме охоты, по данным Т.Д.Билинкевич и Г.А.Пашкевич, в этом регионе были благоприятные условия для собирательства, а также, вероятно, и рыбной ловли. Отметим моллюски (перловица толстая, цепа виндобензис и монага картусиана), зафиксированные в культурном слое Каменицы I. Как свидетельствуют разнообразные виды каменного сырья, найденные на большинстве памятников, не исключен был и примитивный обмен. В целом, при наличии доживания палеолитических приемов хозяйственной деятельности, совокупность данных свидетельствует о том, что местные поселенцы являлись охотниками, собирателями и рыболовами. Тенденция к подвижному образу жизни, вероятно, все более и более доминировала. Тем не менее коллективизм в пределах групп населения, включая племя, продолжал быть необходимым условием выживания при низкой производительности труда и частой нехватке пищи.

Наиболее архаичными чертами представлены здесь памятники типа Каменица V. Материальные остатки представлены здесь большим числом изделий с палеолитическими чертами, а также соответствующими их соотношениями. Отметим специфические нуклеусы, массивные концевые скребки и скобели, ножи на пластинах с притупляющей ретушью, появление геометрических форм типа сегментов. Многие из этих черт характерны для таких позднепалеолитических памятников региона, как например, Бигань [Смирнов, 1975, с.57–61] и Чернецкая гора [Pronin, 1959, с. 5–20], хотя, как правило, соотношения категорий артефактов, появление новых форм и условия их залегания могут свидетельствовать об эпохе мезолита. Подавляющее большинство индексов сближает Каменицу V и другие памятники группы с Сексард-Паланк в Венгрии [Vértes, 1962, с. 159–202], а также в определенной степени с молододовской фазой [Черниш, 1974, с. 75–88] и поселениями типа Незвиско XXI [Мацкевой, 19776, с. 123–129]. Все памятники залегают в отложениях конца дриаса — начала пребореального времени, что позволяет и комплексы типа Каменица V отнести к этому же времени, т.е. 11–10 тыс. лет до н.э.

Выразительны материалы из Каменицы I, особенно геометрические микролиты типа трапещий и треугольников. Основные группы орудий и другие показатели из Каменицы I совпадают с материалами стоянки Серед I в Чехословакии [Bárta, 1957, с. 5–72]. Отметим почти идентичные на этих памятниках подокруглые скребки, геометрические микролиты, ножи на пластинах с притупленным ретушью краем, а также пластинки со скошенным ретушью концом. Возможно, совпадает и время существования этих памятников, очерченное для Серед I концом бореального — началом атлантического периода (т.е. 9–8 тыс. лет до н.э.). Наличие связей населения этих территорий подтверждают находки изделий из обсидиана в Закарпатской области УССР и на мезолитических поселениях Чехословакии [Mazálek, 1954, с. 393]. Следует отметить, что комплекс Каменицы I, кроме наиболее выраженного аналога (Сред I), имеет ряд черт, которые могут свидетельствовать об опреде-

ленной близости этих материалов другим поселениям и группам. Так, по ряду индексов комплекс близок памятникам Причерноморья, в частности Румынии, например Гумешты [Paunescu, 1970, р. 268–269]. При близости сырья здесь совпадают обычные, в основном симметричные, трапеции тарденуазского облика, подокруглые скребки, резцы, которых немного, двойные скобели. По многим показателям комплекс из Каменицы I близок также некоторым поселениям коморницкой и яниславицкой культур, где невысок процент специфических треугольников и острий, а также имеются типичные симметричные средневысокие трапеции [Niesiolowska-Sreniowska, Curek, 1975, с. 27–65]. Отметим близость Каменицы I к стоянке Любятув III на территории Польши [Bagniewski, 1976, с. 76], а также Седлигет в Венгрии [Gabori, 1956a, с. 177–182].

Среди памятников типа Каменица II не выражены ни свидерские, ни тарденуазские черты. По этим показателям, а также по наличию высокого процента орудий и особенно скребков, слабой концентрации находок и их общему количеству группа сходна с материалами из Хонта на сопредельной территории Венгрии [Gabori, 1956a, с. 125–138]. Подсобные комплексы характерны для конца мезолита многих территорий, вплоть до Крыма, где, казалось бы, в это же время комплексы без значительного удельного веса геометрических микролитов не мыслимы вообще [Мацкевой, 1977a, с. 100–101]. Эти памятники, вероятно, датируются в пределах атлантического времени (8–6 тыс. лет до н.э.).

Описанный регион представлен определенным количеством типичных памятников мезолитического времени. На отдельных из них проводились стационарные раскопки. Находясь в географическом центре Европы, эти поселения нередко концентрируют черты различных археологических культур или типов памятников. Тем не менее здесь пока практически не прослежены не только свидерские комплексы, но и даже отдельные проявления этой тенденции, например, наконечники свидерского типа. А между тем на сопредельных территориях Карпат уже зафиксированы важные материалы и прежде всего стоянка Скауне в Румынии, которая находится на высоте 1327 м над уровнем моря [Žaki, 1963/1962, s. 51]. Поэтому наряду с углубленными исследованиями на равнине и в предгорной части главным является исследование карпатских перевалов.

МЕЗОЛИТ ПОДНЕСТРОВЬЯ

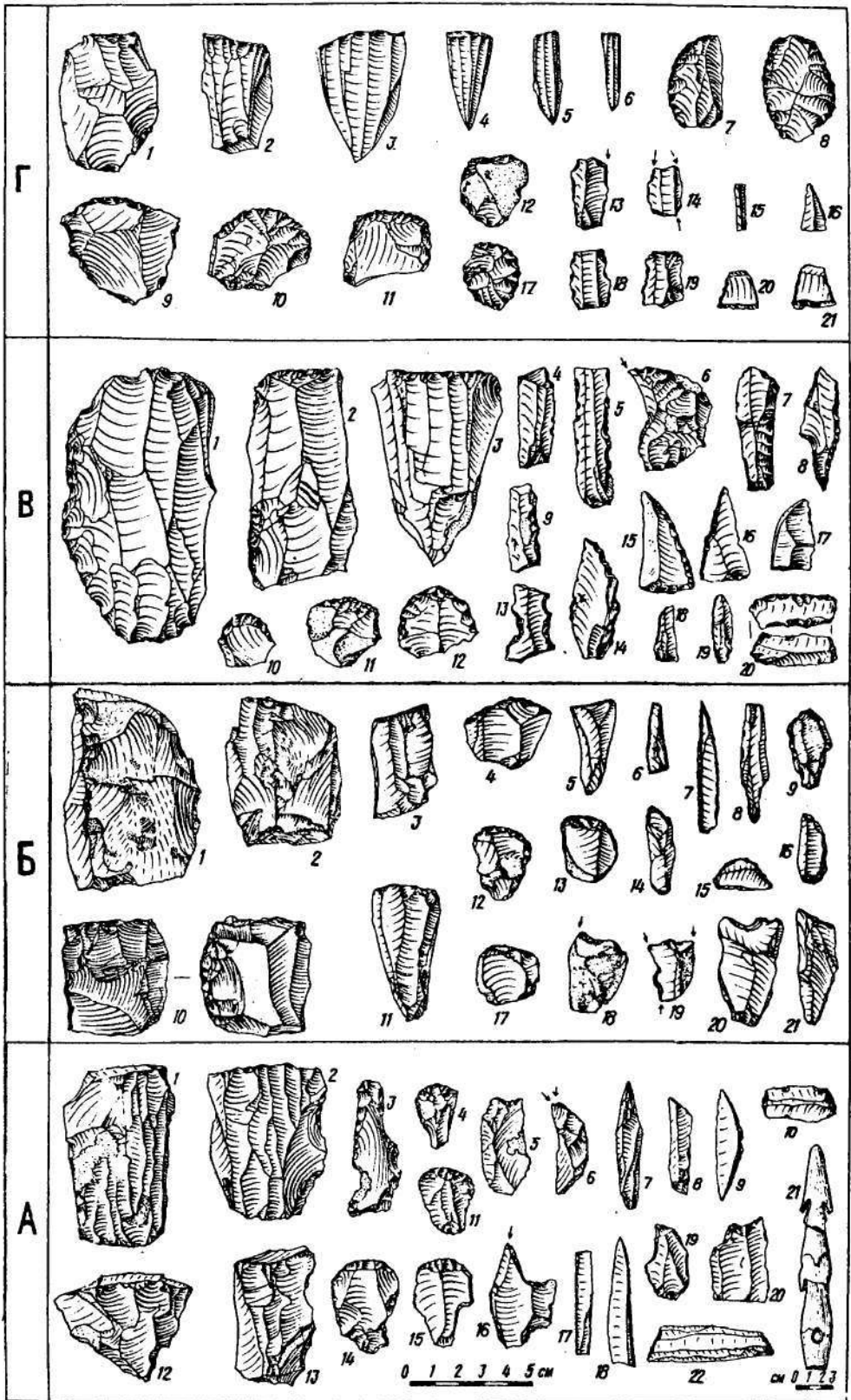
Поднестровье является районом с большой расчлененностью рельефа, что содействовало заселенности этого обширного региона группами древнего населения, находившего здесь удобные для поселений участки, близкие к воде, к выходам кремня-сырья для обработки орудий, к различным тропам, по которым ходили на водопой животных, что содействовало эффективности охоты; здесь, как отмечалось, наблюдались выходы ключевых вод.

Наличие памятников мезолита в Поднестровье зафиксировано еще перед Великой Отечественной войной, когда были обнаружены изделия мезолитического времени. Это находки Ч.Амброжевича и Н.Морошана на ряде пунктов Поднестровья. Впоследствии в Поднестровье осуществлялись регулярные разведочные работы, в результате которых найдено ряд памятников эпохи мезолита.

В 40–50-х годах разведки здесь проводили С.Н.Бибиков, П.И.Борисковский, А.П.Черныш, а в 70-х годах Л.Г.Мацкевой [Бибиков, 1949, Борисковский, 1953, Черныш, 1960, 1975, Палеоэкология..., с. 1977; Мацкевой, 1977].

Первые стационарные исследования осуществлены на мезолитических памятниках Молодова V, Молодова I, Оселивка I, Оселивка III, Атаки VI, Фрумушика I. Найдены здесь кремневые изделия и остатки фауны, остатки кострищ и скоплений. Стратиграфические и топографические условия залегания культурных слоев, геологические условия залегания разновременных мезолитических поселений дали возможность определить хронологические этапы развития мезолитической культуры, проследить локальные культуры в границах прикарпатской мезолитической провинции, разделяющейся на две зоны — южную и северную [Черныш, 1975].

Многослойная стоянка Молодова V исследовалась на протяжении 11 лет (1951, 1953–58, 1960–61, 1964), мезолитические поселения этой стоянки (слой Ia и I1b) были изучены на площади около 995 м². Нижним среди этих слоев является поселение слоя Ia, наблюдавшееся на глубине 0,9–1,1 м от поверхности в верхней части лессовидных суглинков. Это поселение, учитывая имеющуюся радиоуглеродную датировку, осуществленную по костям

в лаборатории Института геологических наук АН СССР (10500 ± 230), можно отнести геологически к позднему дриасу [Алексеев, 1966].

На изученной площади поселения открыты четыре скопления культурных остатков — остатки наземных жилищ, кострищ, многочисленные кремневые изделия, кости ископаемых животных, терки, наковальни. Характер расположения культурных остатков дает основания полагать, что здесь располагалась группа жилищ. Кремневые изделия представлены 6050 экз. Среди них 117 нуклеусов, 1580 пластин и обломков пластин, 243 орудия, отбросы производства. Для обработки употреблялся преимущественно сеноманский кремнь, изредка аргиллиты и гальки. Найдено изделие из горного хрусталя.

Орудия труда изготовлены как на отщепях, так и на пластинах (по 50%). Среди орудий 131 резец, 39 скребков, 22 пластины с притупленным краем — вкладышевые орудия, 20 пластин и отщепов со следами краевой ретуши — ножевидных орудий, 10 острий со скошенным краем, 7 пластин и отщепов с отретушированными выемками, 2 скобеля, нуклеовидное и трапециевидное орудия типа удлинённых трапеций. Здесь встречены и орудия с усеченными концами. Размеры орудий по 30—50 мм. Среди орудий из кости и рога — плоский гарпун, аналогичный изделиям азийских памятников, имеющих отверстие на нижнем конце. Гарпун изготовлен из рога благородного оленя. Обнаружены и отбойники из галек.

Фауна слоя 1а: остатки северного оленя (от 9 особей), лошади (от 7 особей), зубра, лося, обыкновенного оленя, оленя неопределенного вида, носорога, волка, птицы — по 1 особи. Всего 23 особи, среди которых преобладали кости северного оленя. На некоторых изделиях из рога прослежены следы гравировки.

Материалы слоя 1а аналогичны ряду раннемезолитических памятников, среди которых некоторые имеют близкие радиоуглеродные датировки (Витов, грот Кни, Сцакзарт-Паланк).

Выше, также в верхней части лессовидных суглинков, датирующихся временем позднего дриаса, на глубине 0,5—0,8 м от поверхности, найдены остатки поселения первого слоя. На изученной части поселения, размерами около 970 м², прослежены остатки жилищно-бытовых комплексов — руины наземных жилищ, следы (13) кострищ, многочисленные кремневые изделия, кухонные остатки, терки, отбойники, плитки. Среди кремневых изделий (4185 экз.) 189 нуклеусов, 950 пластин, 304 орудия, отбросы производства. Употреблялся кремнь из сеноманских отложений, галечный кремнь. В одном экземпляре встречено орудие из горного хрусталя волынского происхождения. Орудия состоят из 179 резцов, 48 скребков, 36 пластин и отщепов со следами ретуши, 8 пластинок с притупленным краем, 6 пластин отщепов с боковыми выемками, 10 орудий отдельных форм, 4 комбинированных орудия. Здесь наблюдались сегментовидное орудие, архаические трапециевидные орудия, грубые треугольные орудия и орудия с усечениями на концах. Среди роговых изделий — рог с орнаментацией, большое топоровидное орудие, молоток, фрагменты жезла начальника и т.д.

Фауна: кости от 37 северных оленей, 5 лошадей, 3 зубров, обыкновенного оленя, зайца, корсака или лисицы, лося и оленя неопределенного вида (от 50 особей животных). Палеоэкономические подсчеты позволили определить, что здесь проживало около 65 особей [Черныш, 1975].

Поселение первого слоя относится к позднему дриасу. Это подтверждается не только более высоким стратиграфическим расположением остатков поселения первого слоя по сравнению с поселением слоя "1а", но и радиоуглеродной датой этого слоя (10940 ± 150), полученной по синтиляционному методу на основе бензола, дающему более высокие числа, но все же они соответствуют позднему дриасу [Алексеев, 1966, Чердынцев, 1971].

Изложенные данные о двух раннемезолитических слоях стоянки Молодова V позволили получить представление о геологических условиях залегания раннемезолитических поселений, о комплексах кремневых изделий, включающих ранние архаические формы геометрических форм, о характере фауны, где наблюдалось преобладание остатков северного оленя, свидетельствующих о суровом климате в это время, когда оканчивалось позднеледниковье, что не является случайным. В это время появились плоские гарпуны с отверстием, близкие найденным на азийских памятниках.

Следующей группой поселений мезолитического времени являются остатки поселений,

4 Рис. 34. Хронологическая таблица мезолита Поднестровья. А — молодовацкая фаза; Б — оселивская фаза; В — атакская фаза; Г — фрумушискская фаза

прослеженных в нижней части подпочвы В — бурых суглинках, промежуточного прослоя между лессовидными суглинками и горизонтом А почвы.

Первым памятником среди этой группы стоянок является верхний мезолитический слой многослойной стоянки Молодова I, который был зафиксирован в нижней части подпочвы Б на глубине 1,2—1,4 м от поверхности [Черныш, 1982]. Прослежены скопления культурных остатков площадью около 48 м², остатки кострищ, кремневые изделия (4463 экз.), изделия из рога и кости, ракушки *Helix*, терки, отбойники, плитки, остатки краски, кухонные остатки. Среди кремневых изделий 157 резцов, 55 скребков, 49 ножевидных орудий, 7 скребков-резцов, 4 проколки, 4 пластины со скошенным ретушью краем, 8 орудий отдельных форм, 3 острий граветт, 3 орудия для рубки, 3 пластинки, у которых верхний конец прямо отретуширован.

Для обработки использовался кремний из сенманских отложений, имеющий твердость 7—7,5, изредка употреблялся также глинистый сланец (филит) рифейского времени, имеющий твердость до 6,5, по определению М.Б.Рипун.

Среди орудий выделяются находки сегментовидной и трапециевидной формы, а среди скребков — скребки с носиком, со скошенным краем, пластинки с выемками, пластинки с усеченными концами. В слое были прослежены и роговые изделия — топоровидные орудия с коленчатой рукояткой со следами гравировки на поверхности, молотковидное орудие — рукоятка для вставки кремневых вкладышей.

Фауна: остатки костей северного оленя и лошади. На поселении найдены терки-отбойники из галек, плитки, остатки ракушек *Helix*. Основным занятием обитателей поселения были охота и собирательство.

Следующим памятником является стоянка Оселивка III, расположенная в отложениях первой надпойменной террасы, на участке прислонения к коренному берегу, возле с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области, на правом берегу Днестра. Здесь в 1968 г. мезолитический культурный слой был зафиксирован на глубине 0,85—0,95 м от поверхности, в нижней части подпочвы В. На изученном участке площадью в 48 м² обнаружено скопление культурных остатков размерами около 12 м², находившееся в центральной части исследованного участка*. Найдены плитки, кремневые изделия, кости северного оленя, лошади, ракушки *Helix*. Толщина слоя 5—10 см. Среди кремневых изделий (1283 экз.) 74 нуклеуса, 237 пластин, 90 орудий, отбросы производства. Среди орудий (60 % изготовлено на отщепах) 9 резцов, 12 скребков, 9 пластин и отщепов со следами ретуши по краям, 4 пластины со скошенным краем, 4 скобеля, 5 орудий отдельных форм. Материалы аналогичны Молодове I, верхним слоям Молодова V [Черныш, 1975].

На стоянке Оселивка I, расположенной на правом берегу Днестра, возле с. Оселивка, на третьей террасе Днестра, мезолитический слой был зафиксирован в нижней части подпочвы В, на глубине 0,8—0,9 м от поверхности. На изученной в 1966—1968 гг. площади стоянки встречены кремневые изделия (6082 экз.), остатки фауны (северный олень — от 3 особей, лошадь — от 3 особей, шерстистый носорог и зубр — по одной особи), ракушки, терки, отбойники, плитки**.

Среди кремневых изделий 596 нуклеусов, 1553 пластины, обломки пластин, 379 орудий. Последние состоят из 124 резцов, 95 скребков, 88 ножевидных орудий, 22 пластин с притупленным краем, 6 пластин с подтеской, 6 пластинок со скошенным ретушью краем, 5 пластинок с боковыми выемками, 4 наконечников, 3 прокола, 4 треугольников, 3 пластинок с отретушированными боковыми выступами, 2 сегментов, 1 сегментовидного орудия, 2 орудий типа лезвий перочинных ножей, 2 архаических трапеций, 2 прямоугольников, отбойника, скобелей, ретушеров, резцов-скребков, резцов-проколов, микропластинок с ретушью, чопперовидных орудий, острий Граветт, пластинок с усеченным ретушью краем.

Здесь были встречены 25 типов орудий, среди которых мезолитических типов больше, чем в предшествующих комплексах, как и больше скребков. Наблюдается развитая микролитизация кремневого инвентаря с более четкими орудиями геометрических форм. Таким образом, верхний слой Оселивки I можно отнести к раннему мезолиту, соответствующему второй половине азильского времени [Черныш, 1975].

Во время исследований многослойной стоянки Кормань IV, которая изучалась в 1969—1975 гг. Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук АН

* В 1985 г. исследования этого поселения были продолжены.

** В 1985—1986 гг. исследования этого поселения были продолжены.

УССР, находящейся в отложениях второй надпойменной террасы Днестра у с. Кормань Сокирянского района Черновицкой области, были прослежены остатки мезолитических поселений [Черныш, 1977, Иванова, 1977].

Остатки поселений слоя Б обнаружены в кровле серовато-желтых лессозидных суглинок, на глубине 1,2–1,4 м. Здесь на площади около 512 м² прослежены остатки кострищ, кремневые изделия (1358 экз.), остатки фауны (кости северного оленя, лошади, лося, быка, косули), ракушки *Helix*, терки, отбойники, обломки плиток. Интенсивных скоплений культурных остатков на данном участке не наблюдалось.

Среди кремневых изделий 205 нуклеусов, 590 пластин, 151 орудие, отбросы. Они изготовлены преимущественно из мелового кремня. Орудия состоят из 58 ножевидных, 45 резцов, 21 скребка. Кроме этого, встречены скребки-резцы, пластины со скошенным ретушью краем, пластинки с выемками, пластинки с притупленным краем, трапециевидные орудия, массивное долотовидное орудие, сверлообразное орудие, пластинка с подтеской по брюшку — стамеска, ребристый скол, пластинка с ретушью на верхнем конце.

На ряде скребков и ножевидных орудий заметны следы интенсивной сработанности — заполировки.

Условия залегания и комплекс изделий, встреченный в слое Б, дают основание отнести этот слой к начальной, молодовской фазе мезолита Поднестровья, где процесс микролитизации еще развит слабо, но появляются архаичные изделия геометрических форм.

Выше слоя Б, в подпочве Б, на глубине 0,85–1 м от поверхности, находились остатки поселения слоя А.

Здесь прослежены кремневые изделия (3739 экз.), остатки охотничьей добычи — кости северного оленя, быка, лося, лошади, по одной особи, ракушки *Helix*, терки, отбойники из галек, обломки плиток. Культурные остатки располагались неравномерно: наблюдались участки с отдельными предметами, но также и остатки кострищ, небольшое скопление вокруг очажного пятна, размерами 3 x 1,5, на площади которого найдены обломки камней и плиток, нуклеусы, отбросы. Так, здесь обнаружено 75 кремневых желваков без следов обработки или же с первичными сколами, подготавливающими ударную площадку. Это своеобразная кладовая запасов сырья для обработки. Подобного характера клады известны на ряде памятников палеолита, мезолита и неолита, как в нашей стране (Шан-Коба, Фронтное), так и за рубежом (Чехословакия). Очевидно, на этом участке производилась обработка кремня.

Кремневые изделия состоят из 199 нуклеусов, 658 пластин, отбросов производства. Среди орудий 64 ножевидных, 60 скребков, 47 резцов, 9 пластинок с боковыми выемками, 5 пластинок с притупленными краями, 4 комбинированных орудия (скребки-резцы, скребки-острия), 4 скобеля, 10 теслообразных орудий прямоугольной, трапециевидной и треугольной формы с рабочими краями, сформированными поперечными сколами и притупленными краями, образующими перехват для прикреплений. Учитывая ассиметричность сечения рабочих краев, можно полагать, что эти тесла использовали для обработки дерева.

Среди данных изделий отметим два треугольные орудия типа транше, размерами 60 x x 30 x 13 мм и 60 x 30 x 20 мм, аналогичные подобным изделиям из Украины, Белоруссии, Польши, ГДР.

В слое А обнаружены ладьевидные и клиновидные нуклеусы, пластины с выемкой, скребки со скошенными краями, скребки с выступами, боковые скребки, что дает основание сравнить этот слой с материалами Атаки VI и другими памятниками атакской фазы мезолита Поднестровья. Примечательно появление транше и тесел, стратиграфически зафиксированное во время исследований [Черныш, 1975].

Одним из наиболее интересных мезолитических памятников Поднестровья является стоянка Атаки VI, расположенная в отложениях первой надпойменной террасы правого берега Днестра, возле бывшего с. Атаки Кельменецкого района Черновицкой области. Стоянка исследовалась Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук АН УССР в 1965 и 1976 гг. [Черныш, 1975, Грибович, 1977]. Культурный слой находился на глубине 0,85–1,1 м от поверхности в средней части подпочвы Б, которая перекрывалась почвой А. На исследованном участке найдены кремневые изделия (2305 экз.), терки и отбойники, обломки плиток, остатки угля, краски, кости северного оленя, лошади, зубра, ракушки и перловица, палюдина.

Среди кремневых изделий 214 нуклеусов, 205 орудий. Орудия состоят из скребков (32 % от общего количества), ножевидных орудий, резцов, пластинок с одинарными и

двойными выемками по краям, пластинок и отщепов со скошенным ретушью краями, скобелей, треугольного остря на пластине с боковой выемкой, равнобедренного треугольника, сверлообразного орудия. Имеются также наконечники позднесвидерских типов, вкладыш кукрекского типа. Скребки различной формы — ногтевидные, боковые, со скошенным краем, с рабочим краем с выступами, округлые, с прямым лезвием. Среди резцов преобладают орудия палеолитических типов. На стоянке зафиксированы специфические формы нуклеусов: клиновидные, челновидные, плоские, карандашевидные.

Комплекс изделий стоянки Атаки VI можно сравнить с памятниками Бэиле Геркулане, Скауне, Станкевич, с нижним слоем стоянки Кукрек. Данный слой стоянки Атаки VI предшествует наиболее поздним тарденуазским памятникам, а не является раннемезолитическим, как полагают некоторые исследователи [Телегин, 1982, с. 98]. Приведенные данные о геологических условиях залегания, наличие вкладыша кукрекского типа, комплекс изделий позволяет датировать Атаки VI второй половиной мезолита.

Стоянку Врублевцы открыл М.Я.Рудинский. Она расположена в отложениях первой надпойменной террасы р. Териавы (левый приток Днестра), исследовалась Врублевскими отрядом Днестровской палеолитической экспедиции и Каменец-Подольского краеведческого музея под руководством Л.И.Кучугуры. Во время исследований стоянки выяснилось, что это многослойный памятник. Мезолитический слой находится в подпочве В на глубине 0,4—1,2 м. Здесь были встречены как кремневые изделия, так и остатки костей ископаемых животных, ракушки уню [Кучугура, 1982, 1983, 1984]. Среди находок наконечники с черешком, иволистные, трапеции, топоры типа транше. Среди фауны преобладают кости северного оленя.

Комплекс изделий дает основание отнести поселение ко второй половине мезолита. Здесь обнаружены предметы, аналогичные изделия со стоянки Атаки VI, культурный слой которой наблюдался в средней части подпочвы Б.

Среди памятников позднего мезолита Поднестровья нельзя не отметить стоянку Фрумешуку I, которая исследовалась автором в 1957 г. Стоянка расположена на правом берегу р. Кайнар, притока р. Реут, являющегося правым притоком Днестра. Культурный слой здесь наблюдался в верхней части подпочвы Б, непосредственно под гумусированным слоем А, на глубине 0,4—0,7 м от поверхности [Черныш, 1975].

На исследованном участке прослежены кремневые изделия: конические, карандашевидные и ладьевидные нуклеусы, скребки с выступами на рабочей части, скошенные и округлые скребки, микропластинки, остря со скошенным краем, трапеции. Среди орудий преобладают скребки. Фауна стоянки состоит из остатков костей лошади, быка, ракушек *Neih*. Кремневый инвентарь стоянки имеет микролитический характер.

Материалы стоянки Фрумешука I аналогичны изделиям Гребеников, Орловки, Рашкова VI, Гыржева и другим памятникам конца мезолита.

Таким образом, как мы видим, в Поднестровье исследована группа стоянок открытого типа мезолитического времени, относящихся к различным фазам развития мезолитической культуры. В прикарпатской мезолитической провинции выделены две зоны — южная и северная [Черныш, 1975].

Необходимо остановиться еще на одной категории источников, важных для понимания мезолитической культуры Поднестровья. Речь идет о проявлениях искусства, которые были прослежены на этой территории. Это костяные и роговые предметы со следами орнаментального искусства.

Найден плоский роговой гарпун в слое 1а стоянки Молодова V, на поверхности с гравировкой в виде пяти зигзагообразных линий, расположенных параллельно по отношению к оси гарпуна на его внешней стороне; роговой топор из этого же слоя со следами тонких нерезных параллельных линий на одной из сторон и следами гравировки на другой.

Заслуживает внимание и Баламутовская пещера с древними рисунками, открытая в 1951 г. автором у с. Баламутовка Заставнянского района Черновицкой области. Она расположена на правом берегу Днестра, в отложениях гипса, размеры пещеры 8 x 12 м. На стенах ее обнаружено 60 участков с группами рисунков, нанесенных черной краской (сажа). Размеры рисунков не более 25 см, они были покрыты коркой гипса. Центральным рисунком, расположенным против входа в пещеру, является антропоморфное силуэтное изображение фигуры шамана. Другие рисунки передают фигуры с луком, группы животных. Среди изображений наблюдались также зооморфные и растительные мотивы. Вокруг обнаружены местонахождения мезолитического времени. Баламутовская пещера датирована мезолитическим временем [Черныш, 1953, 1959, 1975].

Изображения Баламутовской пещеры не являются изолированным явлением, на ряде пещерных памятников соседних стран прослежены подобные сюжеты, в частности изображение шамана [Nicolaeescu-Plopşor 1928, Nestor 1939; Boroneant, 1979]. Можно полагать, что в Баламутовской пещере осуществлялись магические охотничьи церемонии.

Остановимся на ряде общих вопросов, поставив которые позволяют данные изученных памятников. Это природная среда обитания мезолитического человека. На изученных памятниках проживали такие виды ископаемых животных как северный олень, обыкновенный олень, олень неуточненного вида, зубр, лось, бык носорог, лошадь, волк, корсак или лисица, заяц, косуля, птица, т.е. 13 видов и 3 вида ракушек (геликсы, перловица, пядюлина). Это дает основание полагать, что в этом районе ландшафт был лесостепной с участками лесов и степей. Результаты споро-пыльцевых спектров подтверждают существование лесостепного ландшафта [Пашкевич, 1977].

Наличие пыльцы сосны, резкое увеличение остатков угля сосны при уменьшении теплолюбивых видов отражают похолодание климата в начале мезолита на территории Поднепровья, что подтверждается также увеличением остатков северного оленя, исчезнувшего в конце мезолита в связи с потеплением. Остатки фауны с преобладанием северного оленя в раннем мезолите — показатели того, что здесь наблюдался в это время рангиферный фаунистический комплекс, выделенный нами [Черныш, 1973], который предшествовал современному фаунистическому комплексу, наблюдавшемуся с конца мезолита.

Мезолит, как известно, делится на две эпохи: азиль и тарденуаз. В соответствии с геологическими условиями залегания исследованных на Днестре мезолитических поселений (верхи суглинков, нижняя часть подпочвы Б, средняя часть подпочвы В, верх подпочвы Б) и особенностями комплексов кремневых изделий, а также с составом фауны и наличием радиоуглеродных дат, для мезолита этого обширного района мы предложили хронологическую шкалу, включающую молодовскую, оселивскую, атакскую и фрумушикскую фазы, соответствующие азилу (первые две фазы), и тарденуазу (третья и четвертая фазы), которые были датированы и геологически с учетом имеющихся в литературе дат, различных подразделений геолого-хронологической шкалы соответствующих мезолиту этапов. Эти фазы имели определенные особенности по составу фауны, так как, если первые свидетельствовали о похолодании климата, то последующие отражали потепление. Обнаруженные комплексы изделий также имели определенные особенности. Так, наиболее ранние фазы позволили зафиксировать появление архаических видов орудий геометрических форм (архаические трапеции, треугольники и сегменты), роговых топоров, плоских гарпунов и более совершенных изделий в более поздних фазах (карандашевидные и конические нуклеусы, пластины с выемками, трапеции и т.д.). Для памятников позднего мезолита характерной чертой является, например, преобладание среди орудий скребков.

Приведенные данные дают основания полагать, что ранний мезолит начинается в позднем дриасе, а в дальнейшем мезолит охватывает пребореальное, бореальное время и третью часть атлантического периода. Таким образом, он продолжался 3,5 тыс. лет, учитывая верхнюю границу мезолита, которую можно определить на основании ряда памятников других районов, имеющих радиоуглеродные даты.

Так, например, мезолитический слой стоянки Нарва I в Эстонии (2-й слой — имеет даты 7580 ± 300 и 7300 ± 250) — первый докерамический слой [Янисс, 1966]. Докерамические слои стоянки Сороки II имеют даты абсолютного времени 7570 ± 100 и 7470 ± 80 (3-й и 2-й слои) [Маркевич, 1965, 1968]. Эти даты можно принять в качестве верхних границ мезолита.

На протяжении указанного периода протяженностью около 3,5 тыс. лет ($11000 \pm 7,5$ тыс. лет) группы мезолитического населения обеспечивали себе возможность существования путем хозяйственной деятельности различных видов. Учитывая имеющиеся материалы из раскопок мезолитических поселений, можно полагать, что основными видами хозяйства являлись охота, собирательство и рыбная ловля.

На изученных поселениях найдены орудия для обработки охотничьей добычи, остатки охотничьего метательного орудия; орудия собирательства: разнообразные терки и песты; остатки ракушек, употреблявшихся в пищу. По сравнению с палеолитическим временем характер охоты изменился, так как охота на менее крупных животных не требовала коллективных массовых облав, а осуществлялась преимущественно с помощью лука и стрел. Это объясняется тем, что такие крупные животные, как мамонт, уже исчезли в результате истребления человеком и изменения климатических условий, а человек вынужден был охотиться за стадами кочующих животных, что, с другой стороны, не могло не отразиться

на технике домостроительства, так как среди жилищ стали преобладать небольшие недолговременные жилища типа чумов, сооружавшихся из жердей и шкур животных, которые могли легко разбираться, складываться и переноситься, как свидетельствуют этнографические данные.

Возникает вопрос о длительности существования мезолитических поселений. Выше отмечалось, что в мезолите осуществлялась индивидуальная охота на кочующих животных. В связи с этим поселения стали иметь сезонный характер, их длительность уменьшилась, стали сооружаться более легкие жилища. В качестве примера приведем данные о поселениях мезолитического времени стоянки Молодова V. Так, в слое 1а были прослежены остатки жилищ размерами 24,12 и 32 м². Учитывая размеры необходимой для существования биомассы, на основании палеоэкономического метода (здесь были встречены остатки 23 особей животных) можно полагать, что поселение существовало 3,5 месяца при количестве обитателей в 55 особей, так как здесь было прослежено 11 кострищ, а семьи имели по 5 особей в среднем на 1 кострище, принимая во внимание этнографические данные.

Поселение первого слоя стоянки Молодова V также было сезонным. Здесь зафиксированы остатки шалашеобразных сооружений с внутренними и внешними кострищами, единичные кострища, участки, где обрабатывался кремний. Осуществленные палеоэкономические подсчеты добытой биомассы на основе количества особей встреченных здесь животных (1803 обломков костей от 50 животных) и количества прослеженных здесь кострищ дало основание считать, что поселение существовало 150 дней, т.е. пять месяцев, и что здесь обитало 65 человек [Черныш, 1975].

Приведенные данные свидетельствуют о сезонности, недолговечности мезолитических поселений. Эта сезонность усилилась к концу мезолита накануне перехода к воспроизводящему хозяйству.

Возникает вопрос о культурно-историческом месте мезолита Поднестровья. Как уже отмечалось, мезолитические памятники Поднестровья входили в прикарпатскую мезолитическую провинцию, состоящую из двух областей: северной и южной [Черныш, 1975]. Северная область включает верхнее и среднее Поднестровье, южная — нижнее Поднестровье. Для северной этнокультурной области характерен лесостепной ландшафт с участками лесов, а южная характеризуется степным ландшафтом. Отличия в природных условиях отразились на характере развития древнего хозяйства и культуры древнего населения мезолитического времени этих областей, где наблюдалось несколько различных культур, отражающих определенные специфические черты в развитии культуры отдельных групп мезолитического населения, обитавшего на этой территории.

Так, в пределах северной этнокультурной области в границах прикарпатской мезолитической провинции можно выделить молододовскую, оселивскую, атакскую и фрумушицкую культуры, а для южной зоны — белолесскую и гыржево-гребениковскую культуры. Как полагает В.Н.Станко, между указанными культурами прослеживается хронологическая разница. Указанные культуры северной области отражают общую генетическую связь в их развитии. Анализ имеющихся культурных остатков позволяет предполагать наличие двух линий в их развитии: молододовская раннемезолитическая культура развивается в направлении атакской позднемезолитической, а оселивская раннемезолитическая культура — в направлении фрумушицко-гребениковской.

Для северной культурной области в пределах прикарпатской провинции характерно большее переживание позднепалеолитических традиций по сравнению с южной областью, относительно слабое развитие геометризации, наличие свидероидных форм и топоровидных орудий, что свидетельствует о вхождении этой области в ареал распространения культур свидерско-мазовшанского цикла и о распространении этого цикла в более южные районы. О проникновении северных мезолитических племен в южные районы свидетельствуют, например, находки здесь свидерских наконечников.

С другой стороны, для стоянок южной области характерно большее развитие геометризации, наличие серий выразительных орудий геометрических форм в наиболее поздних памятниках. Открытие в последние годы в северной области памятников позднего мезолита с серией геометрических орудий, отдельных изделий кукрекских типов является показателем проникновения южных племен в северные области. Следовательно, мезолитическое население было подвижным, оно передвигалось в различных направлениях в связи с увеличением населения и необходимостью поисков новых охотничьих угодий и источников сырья.

История мезолитических племен была достаточно сложной, на территории Поднестровья проживали различные этнические группы, которые поддерживали связи с пле-

нами окружающих районов. Племена Поднестровья занимали значительное место в историческом процессе мезолитического времени.

* * *

Изложенные выше в настоящем разделе данные о мезолитических памятниках Прикарпатья, Вольни и Закарпатья дают основание для выводов общего характера о мезолите указанной территории. В первую очередь следует отметить, что за последнее десятилетие изменилась степень изученности мезолита этого обширного района. В настоящее время в этих районах открыты десятки стоянок и местонахождений мезолитического времени, на ряде памятников этого времени осуществлены стационарные исследования. Получены новые разнообразные материалы, определен характер залегания ряда памятников, свойственный различным этапам, и даже выделены отдельные культуры.

Следует отметить, что на территории Прикарпатья, Вольни и Закарпатья мезолитические памятники расположены на различных топографических участках. Так, мезолитические стоянки и местонахождения были зафиксированы на дюнах (преимущественно на Вольни), первых, вторых, третьих и более высоких террасах — на участках, удобных для поселений.

В хронологическом плане, как свидетельствуют данные исследований, разница в топографических условиях залегания не отражает хронологическую разницу между разновременными памятниками, но она наблюдается, если учитывать разницу в геологических условиях залегания по отношению к кровле суглинков, различным уровням почвы Б. Это было основанием для выделения хронологических фаз с учетом характерных комплексов изделий, остатков фауны, нескольких радиоуглеродных дат.

Мезолитические племена Прикарпатья, Вольни и Закарпатья не являлись изолированными племенами. Они были подвижными племенами, передвигались на значительные расстояния, обменивались с другими племенами сырьем для изготовления орудий. Об этом, например, свидетельствуют факты наличия изделий из обсидиана, марiona, горного хрусталя на тех памятниках, где такие породы в окрестностях или близких районах не встречались. Об этом же свидетельствуют и находки ракушек, характерных для других районов.

Наличие свидерских и эписвидерских элементов на ряде памятников более южных районов распространения мезолитической культуры является показателем распространения, передвижения свидерских племен на юг, где известны памятники с находками свидерских наконечников. Причиной этих передвижений свидерских и эписвидерских племен, по мнению некоторых исследователей, являлся натиск коморницких и яниславидских племен, находившихся в северных районах распространения мезолитического массива племен по сравнению с Прикарпатьем, Вольнией и Закарпатьем [Кольцов, 1977, с. 166]. О том, что наблюдалось проникновение северных мезолитических культур на юг, свидетельствуют не только находки свидерских наконечников на Поднестровье, Пруте, территории Румынии, но и наличие здесь некоторых изделий комарницко-яниславидских форм, что отмечалось выше. Изложенные данные о мезолите Прикарпатья, Вольни и Закарпатья дают основание полагать, что мезолитические культуры этих трех обширных районов возникли из местной позднепалеолитической среды, они развивались во взаимосвязи с группами мезолитических племен окружающих районов. Усовершенствовались геометризация и стандартизация орудий из камня, отражая прогрессивное развитие производительных сил с присваивающим хозяйством.

Для мезолитического населения характерен племенной строй, как полагают многие исследователи (Формозов, Бадер и др.), являвшийся более высоким этапом в его развитии, возникшем на основе более ранних его форм палеолитического времени. Мезолитические племена занимали обширные районы, в границах которых прослеживались отдельные мезолитические культуры или типы памятников, обнаруженные и изученные в большем или меньшем объеме, продолжавшие линии развития, зафиксированные еще в палеолите. Так, например, для Вольни характерна нобельская мезолитическая культура, изученная Р.Т.Грибовичем, для Прикарпатья молодовская, оселивская, атакская и фрумушикская культуры, а для нижнего Поднестровья характерны гребениковская и белолесская культуры, отражавшие уровень развития хозяйства, социального строя мезолитического населения на различных его этапах и фазах. Не все среди указанных культур изучены в полном объеме, но они отражают закономерный этап в развитии первобытнообщинного строя перед возникновением воспроизводящего хозяйства, накануне неолитической революции.

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРЫ НЕОЛИТА И ЗНЕОЛИТА ПРИКАРПАТЬЯ, ВОЛЫНИ И ЗАКАРПАТЬЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Начало неолита на данной территории, как и во многих других регионах, связывается с окончательным установлением современных климатических условий. Человек уже в меньшей мере, чем в предыдущие эпохи, зависел от природной среды. Для этого времени характерна быстрая трансформация охотничье-собирательского хозяйства в земледельческо-скотоводческое. Появляется керамика, новые виды обработки камня, зарождается ткачество. В целом в экономике за достаточно короткое время происходят также большие изменения, которые принято считать революционными; складываются археологические культуры, отвечающие определенным группам племен. На данной территории уже исследовано значительное количество памятников культуры линейно-ленточной керамики, несколько меньше — культур гребенчато-накольчатой керамики и потисской, а также отдельные пункты буго-днестровской культуры и небольшое количество поселений неолитического времени, которые культурно не определены. Принято считать, что культуры линейно-ленточной керамики и потисская, видимо, происходят из Подунавья и указывают на направление расселения древних племен, а также проникновение на изучаемую территорию земледелия; культуры буго-днестровская и гребенчато-накольчатой керамики имеют, возможно, восточноевропейское происхождение.

Как и на сопредельных территориях, неолит занимает здесь вторую половину атлантического и суббореальный период голоцена, что в основном охватывает V—IV тыс. до н.э. и, вероятно, смежное время. Согласно определений П.М.Долуханова и Г.А.Пашкевич, дальнейшее улучшение климата способствовало распространению термофильных пород. Широколиственные леса занимали, вероятно, плодородные почвы. Такая растительность давала достаточно значительные возможности для продуктивности определенных отраслей присваивающей и производящей экономики.

Как и в предыдущие эпохи, отмечается группирование поселений в определенных топографических условиях. Естественно, они связаны с водными источниками и определенными площадями как самих низов поймы, так и более высоких участков. Прослежены также памятники, расположенные на песчаных холмах, в заболоченных поймах рек или на приозерных дюнах.

Экономический базис в связи с развитием воспроизводящих отраслей хозяйства был уже более разнообразен, чем ранее. Развитие экономики, безусловно, повлияло на общественный строй, который был тесно связан с природной средой, большинством составных жизни и быта людей. Многочисленные достоверные наблюдения этнографов свидетельствуют о матриархально- или патриархально-родовых отношениях.

Открытие земледелия и других воспроизводящих отраслей хозяйства было одним из важнейших этапов по пути человечества к прогрессу. Тяжело определить отрасль как присваивающей, так и производящей экономики, где производительность труда не выросла бы в несколько раз. Огромные сдвиги наступают в хозяйстве и благодаря изобретению керамики и ткачества. Происходит революция в добыче продуктов питания, которую Г.Чайльд приравнивает к изобретению огня. Кое-где уже фиксируется скопление поселений в отдельных районах, что связано со спецификой быта в удобных долинах крупных и малых рек. При влиянии географического, фаунистического и многих других факторов у неолитических племен происходит переход от присваивающих к производящим отраслям.

Знеолит (медно-каменный век, халколит) знаменует новый этап в жизни человечества, начало употребления металлических изделий. Эти предметы пока единичны и еще зачастую копируют форму орудий из камня и других материалов. Для их изготовления употреблялась, как правило, самородная медь местного происхождения, а также и сырье из сопредельных территорий. Развитие межплеменных связей позволяло получать этот материал преимущественно с юго-западных и западных регионов. Пластичность меди способствова-

ла ее внедрению в хозяйство древнего населения, несмотря на гораздо меньшую твердость, чем многие породы камня.

Таким образом, малочисленные предметы из меди пока не могли удовлетворить разнообразные потребности человека. На этом этапе прослеживается еще значительное количество двусторонне обработанных форм из камня и прежде всего наконечников стрел и копий. Шлифовка камня приобретает уже широкое распространение, фиксируются такие виды обработки, как струйчатая, уплощающая и иные типы ретуши. Распространение мастерских способствовало унификации и стандартизации производства. Наряду с этим изделия из кости и иных менее твердых, чем камень и металл, материалов продолжают совершенствоваться. Энеолитические памятники данной территории, представленные разнообразными поселениями, мастерскими, курганными и другими могильными сооружениями, датируются IV—III тыс. до н.э.

Начинается процесс выделения скотоводческих племен, создавший, по словам Ф.Энгельса, предпосылки для первого крупного общественного разделения труда*. Именно в этот период происходит заметный рост объема общественного производства, накопление общинного богатства, что открывало широкие возможности для развития обмена.

Значительные сдвиги в области экономического базиса и прежде всего в развитии производящих отраслей способствовали видоизменению и надстроечных явлений. Природная среда, совершенствование систем земледелия и скотоводства, первобытная металлургия меди оказывали значительное влияние на изменения в общественных отношениях. Специфика хозяйства вела к закреплению патриархально-родовых отношений и все большему ограничению матриархально-родовых.

Новые формы хозяйственной и общественной организации (например, патронимии), широкое развитие межплеменных связей вызвали проникновение на данную территорию отдельных медных изделий, а затем и возникновение новой отрасли производства — металлургии.

Продолжается процесс освоения новых территорий под земледельческие и иные угодья. Большие участки леса выжигаются, а благодаря широкому употреблению каменного и уже, нередко, металлического топора древесина находит широкое распространение в хозяйственной деятельности. В меру расширения пастбищ и полей человек, еще в значительной мере зависимый от природной среды, вынужден был приспосабливаться к разным экологическим условиям, создавать новые типы орудий, вооружения, налаживать связи с соседними племенами, иногда вступать с ними в вооруженные столкновения. Вследствие хозяйственной деятельности и способа жизни энеолитические племена расселились практически по всей территории Прикарпатья, Закарпатья и Западной Волыни. Стык горных и лесостепных ландшафтов, а также плодородных долин рек, значительные массивы широколиственных лесов, огромное количество пастбищ, многочисленные соляные источники, месторождения кремня, меди и свинца, а также янтаря содействовали достаточно раннему образованию прочных хозяйственных единиц. Период сухого и теплого климата с более высокой, чем в настоящее время, температурой способствовал уже в III тыс. до н.э. увеличению количества пастбищ и полей за счет высыхающих болот.

ПЛЕМЕНА КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

Неолитическая эпоха являлась важным звеном в историческом развитии древнего населения Европы, но ее продолжительность и культурная значимость в различных районах были неодинаковы. Так, на Западной Волыни и Северном Прикарпатье неолит, начавшийся в конце V тыс. до н.э., был кратковременным явлением, органически не связанным с предыдущим развитием местного населения. Начало неолита на изучаемой территории положили пришлые земледельческо-скотоводческие племена культуры линейно-ленточной керамики (или дунайской), получившие свое наименование в зарубежной европейской историографии начала XX в. от характерного линейно-ленточного углубленного орнамента. Племена упомянутой культуры прошли длительный исторический путь, на протяжении которого ме-

* Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Соч. — Т. 21. С. 160.

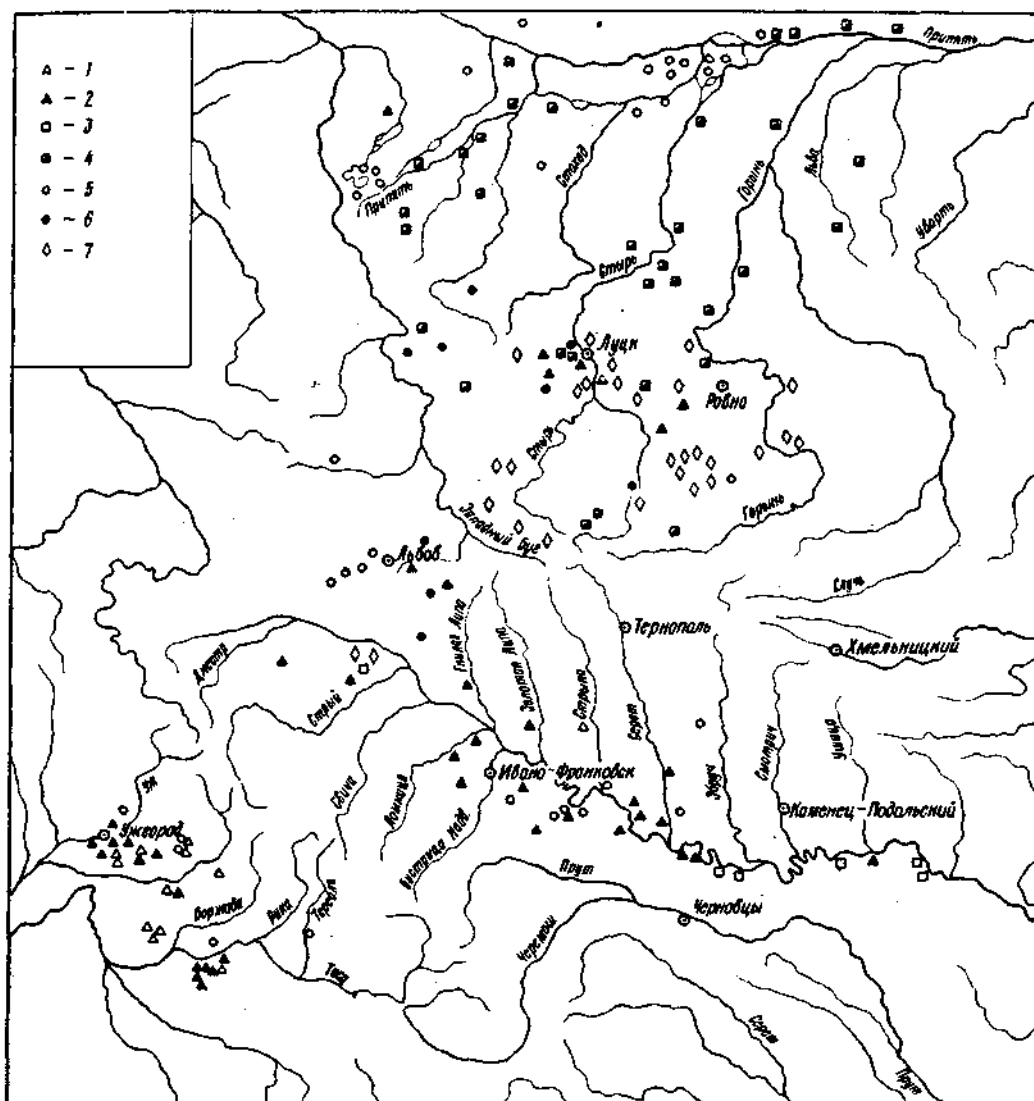

Рис. 35. Схематическая карта расположения памятников неолитических и энеолитических культур на территории западного региона УССР. 1 — неолитические и энеолитические культуры Закарпатья; 2 — культуры линейно-ленточной керамики; 3 — памятники буго-днепровской культуры; 4 — памятники гребенчато-накольчатой культуры; 5 — неопределенные памятники; 6 — памятники раннеелендальской культуры; 7 — памятники позднеелендальской культуры

нялась их культура и территория. В период своего максимального расселения на заключительных стадиях развития (рубеж V—IV тыс. до н.э.) многочисленные родственные племена заняли огромную территорию от Среднего Подунавья на юго-востоке до среднего течения Вислы, Варты и Одера на севере, от Рейна на западе до р. Тетерев (правый приток Припяти) на востоке и лесостепных районов Молдавии и Румынии, т.е. территорию современных государств ФРГ и ГДР, Польши, Чехословакии, частично Югославии, Венгрии, Франции, Голландии, запада СССР, а также Румынии. За исключением отдельных районов, в первую очередь исходной территории формирования в Среднем Подунавье, остальные районы были заселены сравнительно редко. Это характерно и для Западной Волыни, Прикарпатья и Поднестровья, где известно сейчас около 40 местонахождений, преимущественно поселе-

ний. Сюда не входят памятники Закарпатской области, относящиеся к дунайскому ареалу.

Памятники культуры линейно-ленточной керамики изучаются в зарубежной Европе с начала XX в., но решающее значение для формирования взглядов на эту культуру как крупное историческое явление имели раскопки поселений в Германии в Кельн-Линдентале в 1929–1934 гг. и Биланы вблизи Кутной горы в Чехословакии, исследуемого с 1953 г. [Soudsky, 1966].

Накопление памятников по культуре линейно-ленточной керамики на Западной Волыни и Поднестровье началось с 20-х годов XX в. Однако значительные раскопки были проведены в середине 50-х годов на поселениях в Независко, Торское, Звенячин на Среднем Днестре [Пассек, Черныш, 1963]. С волынской территории получены новые материалы с раскопок 1967–1970 гг. ранее известного поселения в г. Луцк (предместье Гнидава), а также ряда других памятников [Телегин 1979, с. 229–234]. Дальнейшим шагом в изучении культуры линейно-ленточной керамики на западе территории УССР является почти полностью исследованное в 1977–1979 гг. поселение у с. Тадани Каменско-Бугского района Львовской области, расположенное на левом берегу р. Западный Буг. Здесь на исследованной площади около 2 тыс. м² вскрыты остатки свыше десяти жилищно-хозяйственных комплексов.

Памятники племен упомянутой культуры на Волыни и Поднестровье представляют северо-восточную периферию занятой ими обширной территории. В этой связи они привлекают наше внимание не только для изучения процессов, происходивших внутри большого этнического образования на территории Украины. В советской историографии дана обобщающая характеристика культуры линейно-ленточной керамики как исторического явления на территории западных областей УССР [Свешников, 1954; Захарчук, 1959, 1971; Пелюшишин, 1974]. Наиболее полное отражение проблемы истории племен культуры линейно-ленточной керамики нашли в работе Т.С.Пассек и Е.К.Черныш [1963].

История племен культуры линейно-ленточной керамики изучена, главным образом, по поселениям. На исходной — дунайской — территории некоторые из них были довольно большими и долговременными. Поселение в Биланах, например, занимало площадь около 25 га и просуществовало около 600 лет. Отдельные крупные поселения встречались и севернее Карпат, на территории Центральной Европы, но в широких масштабах, за исключением в Кельн-Линдентале, не исследовались. Крупные поселения, видимо, были межплеменными центрами и очагами дальнейшего расселения избыточного в них населения. Западноукраинские поселения и близкие к ним южнопольские исследовались на небольших площадях, что затрудняет определить их величину и продолжительность существования. Поселение в Тадани занимало площадь около 0,8 га. Можно предположить, что и другие поселения были приблизительно такими.

Большинство поселений на Волыни и Поднестровье расположены на мысах высоких плато и речных берегов. Можно полагать, что при основании ряда поселений учитывался фактор их естественной защиты. В этом отношении особенно выделяется поселение в Таданях, расположенное на высоком мысу, защищенном Западным Бугом и его небольшим притоком. Наряду с этим встречаются и поселения, расположенные на открытых низких склонах вблизи речных долин, например Хорив, Могиляны на р. Горынь, Котоване в долине Днестра, Подберезцы вблизи Львова и др.

Жилищно-хозяйственное строительство населения культуры линейно-ленточной керамики характеризуется различными типами построек. На территории Чехословакии, а также на ряде поселений в ФРГ и ГДР, Бельгии и Голландии строились длинные (до 35 м) прямоугольные деревянные дома с двускатной крышей и оштукатуренными глиной стенами. Вместе с тем на этих же поселениях имеются многочисленные ямы, в том числе и жилого характера [Soudsky, 1966]. На территории УССР громоздкие наземные дома не получили распространения. Здесь строились значительно меньшие наземные дома столбовой конструкции. Два таких жилища известны из поселения в Независко Ивано-Франковской области на Днестре. Размеры одного из них составляли 12 x 7 м. В центральной части жилищ находились кострища, рядом мощенные глиной площадки [Черныш, 1959, с. 73–79]. Однако преобладающим типом жилья, видимо, были легкие наземные строения, включающие одну или несколько удлиненно-овальных ям. На поселении в Торском Тернопольской области ямы были сравнительно невелики: размеры одной из них составляли 2,5 x 2 м, глубина — 0,8 м. На дне их находились остатки кострищ [Пассек, Черныш, 1963, с. 21–22]. На поселении в Таданях от жилищ остались лишь небольшие овальные ямы. Раз-

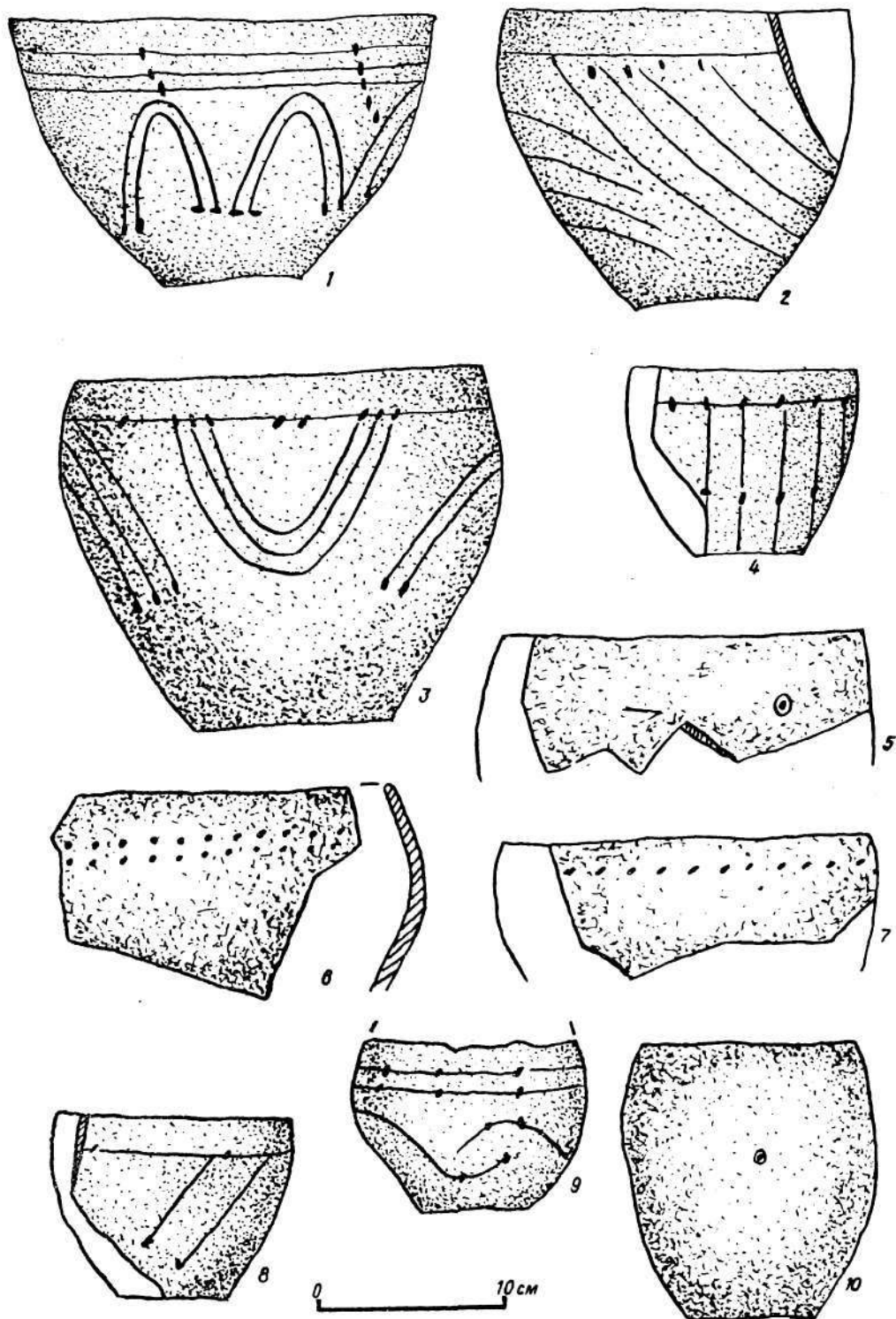

Рис. 36. Культура линейно-ленточной керамики.
Керамика из поселения у с. Тадани

меры их достигали 5 x 2 м, в жилищах сохранились лишь остатки кострищ. Это дает основание полагать, что жилищное строительство на восточной периферии отличалось некоторым упрощением. Объясняется это обстоятельство тем, что группы населения вели здесь более подвижный способ жизни, не задерживаясь долго на одном месте. В связи с этим высказанное некоторыми зарубежными, в частности польскими, исследователями мнение о том, что большие наземные дома характерны для конечного этапа существования упомянутых племен на территории южных районов Польши, не подтверждается пока материалами из западноукраинских поселений [Kostrzewski, Chmielewski, Źadziewicz, 1965].

Население культуры линейно-ленточной керамики создало своеобразные орудия труда и предметы быта. Орудия труда изготавливались из кремня, реде обсидиана, кости и дерева. Для кремневого инвентаря на дунайских поселениях характерны многие архаические черты, восходящие к мезолитическому времени, в первую очередь их микролитический характер. Эта техника продолжала сохраняться на поселениях в южных районах Польши, на Волыни и Поднестровье, где имелись залежи высококачественного кремня, которые должны были стимулировать дальнейшее усовершенствование кремневого производства. Однако этого не произошло в сколь заметной форме, о чем свидетельствуют довольно многочисленные орудия из поселений в Тадани и Луцке. Основной заготовкой служил конический или призматический нуклеус, наряду с этим использовались и отщепы. Полуфабрикаты представляют собой короткие (до 6 см) трехгранные и трапециевидные пластинки, из которых изготавливались ножи и концевые скребки. Многие пластинки использовались как ножи без дополнительной ретушировки. Большинство скребков изготовлены довольно аккуратно, их рабочая часть имеет четко закругленную форму. Из других орудий изредка встречались острия на коротких пластинах и отщепках. На поселении в Тадани найдены несколько миниатюрных трапециевидных вкладышей, а также пластинок с сильной заполировкой, идущей под углом до края пластины.

Из камня, главным образом различных карпатских сланцев, изготавливались односторонне выпуклые клиновидные топоры с хорошо зашлифованной поверхностью и острым прямым лезвием. Вплоть до середины XX в. преобладало мнение, что они использовались как наконечники деревянных мотыг, сейчас считают, что это инструменты, предназначавшиеся для вырубки деревьев и строительных работ, так как кремневых орудий для этих целей не было. Стойкая традиция в их изготовлении и использовании объясняется, видимо, отсутствием залежей высококачественного кремня в Подунавье. Эта приверженность к традиционным сырьевым материалам особенно заметна на южнопольских и западноукраинских поселениях, где залежи сланца и особенно их выходы на дневную поверхность практически отсутствуют, и, наоборот, достаточно кремневого сырья. Несмотря на это сланцевые топоры и клинья встречены на всех поселениях, где велись раскопки, например в Луцке, Тадани, Котовани, Хориве и др. При этом они отличаются размерами, что свидетельствует об их различном применении. Так, на поселении в Тадани отдельные из них миниатюрные и могли применяться только как долотца; их длина не превышает 5 см, ширина менее 1 см. На этом же поселении найден округлый плоский каменный диск с хорошо заполированной поверхностью и отверстием в центре. Диаметр диска составляет около 10 см, отверстия — 2,2 см. Подобные изделия, видимо, употреблявшиеся как булавы, являются очень редкими находками на неолитических поселениях, в том числе и культуры линейно-ленточной керамики в юго-восточной и центральной Европы [Монгайт, 1973, с. 240, рис. 18].

В повседневном быту использовались также изделия из костей животных. Это преимущественно различные шилья и лопаточки, веретенообразные острия из поселения в Луцке, небольшие плоские проколки и отдельные долотца из расколотых костей из поселений в Таданях, мотыга из рога и мелкие поделки из Незвиско.

Наибольшую группу изделий составляет глиняная лепная посуда. Известно, что керамика изучаемой культуры на протяжении длительного периода ее существования в различных районах, в первую очередь на исходных придунайских землях, отличается высоким мастерством исполнения, изящностью, удивительным разнообразием форм. Практически все эти качества присущи и посуде из западноукраинского района распространения культуры линейно-ленточной керамики, а также из сопредельных памятников Польши и Молдавии. Она хорошо обожжена, преимущественно серого цвета. Ведущей формой является небольшой шаровидный сосуд, сосуды других форм встречаются в единичных экземплярах.

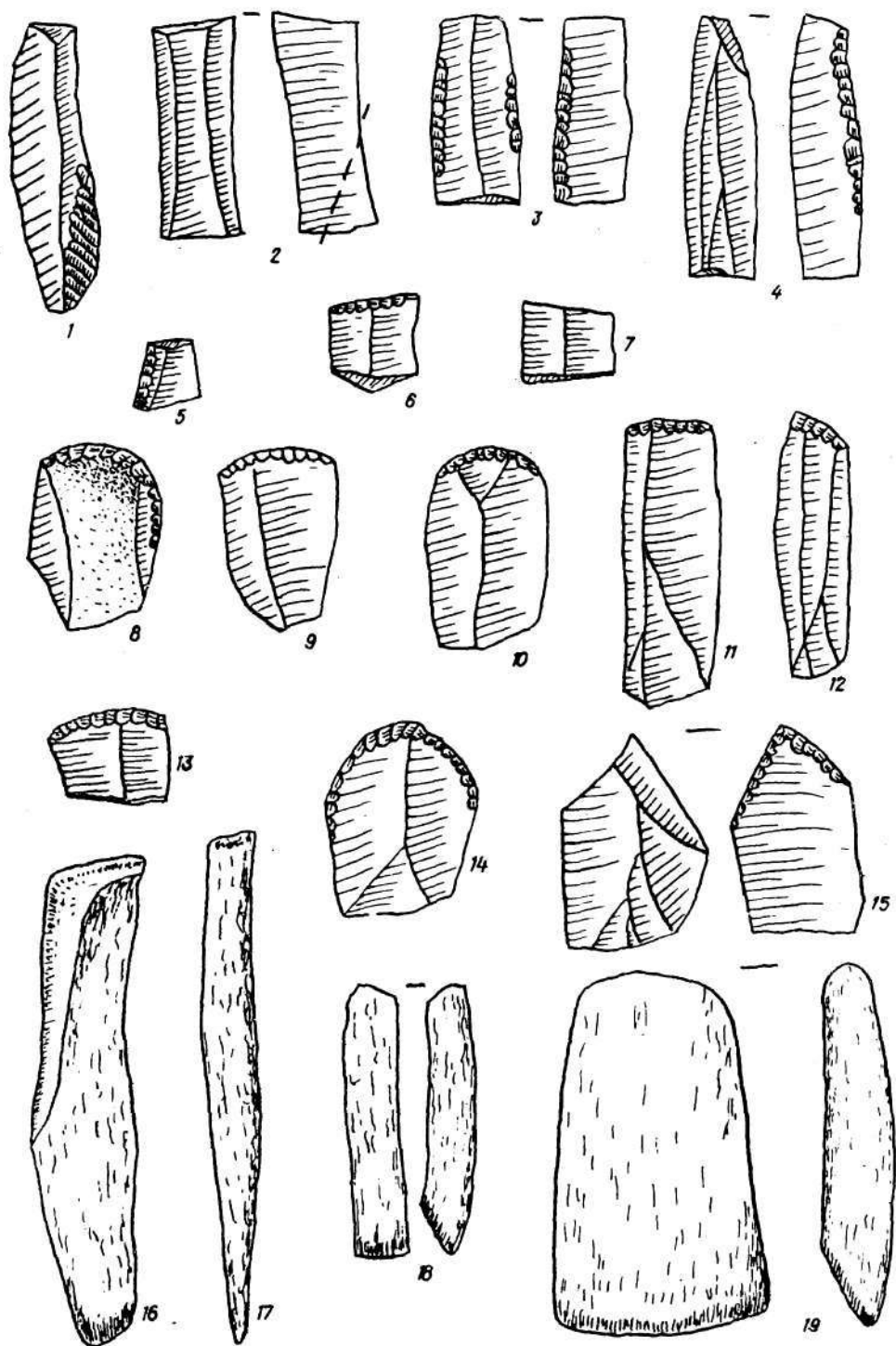

Рис. 37. Кремневые, каменные и костяные изделия из поселения у с. Тадани. Культура линейно-ленточной керамики

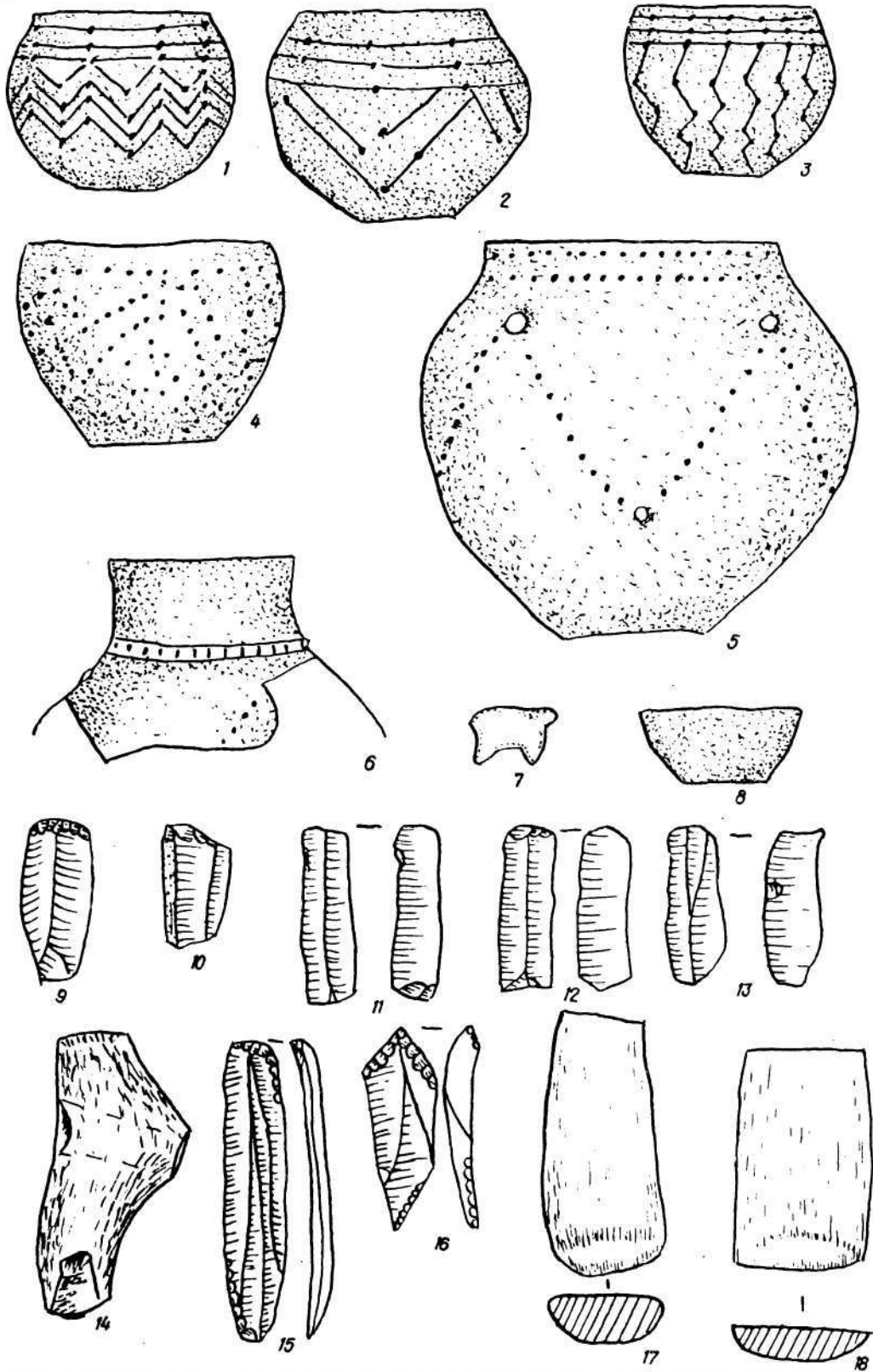
В зависимости от хозяйственных нужд изготавливалась посуда двух вариантов. Этот обычай строго соблюдался на всех поселениях. Первую численно преобладающую группу составляют шаровидные тонкостенные чаши, изготовленные с относительно чистой глины с примесью незначительного количества мелкого песка. Поверхность их гладкая, нередко лощеная. Это столовая посуда. Высота самых крупных сосудов не превышает 15 см. Абсолютное большинство сосудов украшены углубленным орнаментом, покрывающим почти всю внешнюю поверхность. Он представляет собой прямолинейные, изредка зигзаговидные или полуовальные ленты, состоящие из двух-трех линий. Как исключение узор напоминает меандр, ромб и другие фигурки. Линии обычно пересекаются маленькими, напоминающими отпечатки зерен, ямками, поэтому подобный орнамент нередко называют нотным. Изредка углубленный орнамент дополняется несколькими пластическими изображениями головы крупного, вероятно, домашнего животного. Среди них выделяется уникальный сосуд из поселения в Незвиско, снабженный четырьмя ножками и двумя парами симметрично расположенных голов животных. Маленькие чаши с единичным схематическим налетом в виде головы животного известны из поселения в Тадани, а также в Луцке. На упомянутых поселениях найдены отдельные фрагменты горшков со слабо раздутыми стенками и низкими отогнутыми венчиками.

Вторую, количественно меньшую группу посуды составляет кухонная керамика, изготавливаемая с несколько большей примесью песка, реже измельченной соломы, травы, и т.п. Иногда заметны отпечатки зерен пшеницы, попавшие вместе с половой. Поверхность сосудов аккуратно сглаживалась пучком травы в горизонтальном направлении, реже наискось. Орнаментации уделялось меньше внимания. Это те же полусферические чаши, но с более толстыми стенками и дном, украшенные у верхней части одним, реже двумя горизонтальными рядами дуговидных, округлых и иной формы углублений; нередко встречаются также налеты кольцевидной или дуговидной формы. Изредка, например на поселениях в Луцке, Тадани, Незвиско, изготавливались сосуды типа горшков с прямым или отогнутым высоким венчиком. На поселении в Незвиско бытовала посуда с зигзаговидным орнаментом, сочетавшимся с пластическими выступами. Из других глиняных изделий изредка встречались слегка опуклые или плоские, вырезанные с поврежденного сосуда яряслица, например, в Незвиско, Тадани.

Основой хозяйства племен культуры линейно-ленточной керамики было примитивное мотыжное земледелие, не получившее заметного усовершенствования на всем протяжении существования упомянутой культуры. Племена этой культуры жили преимущественно в лесистых районах. Им приходилось расчищать участки под посевы подсеčno-огневым способом. Это был трудоемкий процесс, обеспечивающий урожайность лишь на несколько лет. По данным с других районов известно, что они выращивали пшеницу нескольких сортов, ячмень, просо, возможно, рожь, а также некоторые бобовые культуры [Kostrzewski, Chmielewski, Jazdzewski, 1965]. Земледелие на территории УССР засвидетельствовано находками зерен пшеницы и гороха, каменными зернотерками и кремневыми вкладышами до серпов с поселения в Незвиско [Пассек, Черныш, 1963, с. 66–67], отпечатками зерен пшеницы и миниатюрными трапециевидными вкладышами с поселения в Тадани.

Примитивное земледелие у племен культуры линейно-ленточной керамики сочеталось с разведением домашнего скота. Но расположение многих поселений на лесовых почвах, плохо сохраняющих остеологический материал, не дает возможности раскрыть роль домашнего скотоводства. Материалы из отдельных поселений дают основания полагать, что разведение домашнего скота играло значительную роль. Так, например, на некоторых молдавских поселениях (Флорешта и др.) разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, которых, как полагают, откармливали желудями. На поселениях в Тадани обнаружены отдельные кости крупного рогатого скота и свиней.

Определенное значение в обеспечении необходимыми припасами играли такие традиционные занятия, как охота, рыбная ловля и собирательство. Суммируя имеющиеся материалы с территории Украины, Молдавии и Польши, можно полагать, что охотились на благородного оленя, козулю, дикого кабана, туров и других животных. На поселении в Тадани, в частности, обнаружены кости дикого кабана. В целом хозяйство населения культуры линейно-ленточной керамики имело смешанный характер, опиралось на определенный уровень технических достижений в изготовлении орудий труда. Кремневое производство, как отмечалось, ориентировалось на изготовление орудий малых форм, в значительной степени оно носило децентрализованный характер, т.е. изготовлением необходимых орудий занималась каждая семья. Это подтверждает поселение в Тадани, где отходы производ-

ства встречались в пределах жилищно-хозяйственных комплексов. Определенного уровня развития достигли отделка кож животных, прядение и ткачество.

Имеющиеся материалы дают возможность проникнуть в социальную и духовную жизнь населения линейно-ленточной культуры. На своей родине племена линейно-ленточной культуры достигли довольно сложной и в определенной степени противоречивой социальной структуры. Об этом свидетельствуют довольно крупные долговременные поселения с большими жилищами, где проживало значительное количество людей. Сам факт ухода части населения с этих поселений был, вероятно, вынужденной мерой, обусловленной низким уровнем производства средств существования. Уходящее население нуждалось в определенной организации защиты на новых землях, оно вынуждено было проводить трудоемкие работы по расчистке новых земель и строительных работах. Все это обеспечивало преобладающую роль мужчин в экономической и социальной жизни новых поселений. Если на первоначальной территории четко прослеживается традиция, когда в одном большом доме несколько родственных семей, которые вели общее хозяйство, то на территории Украины, Молдавии заметна хозяйственная и бытовая обособленность отдельных семей. На поселении в Таданах расстояние между жилищами составляло около 10 м.

Крайне редкая густота поселений затрудняет решение вопроса о характере племенной организации. Расселение шло с различных первоначальных поселений, поэтому можно говорить о различных хозяйственных и других связях между поселениями.

Своеобразный и сложный был мир духовной жизни дунайских земледельцев, многое воспринявших от культурных достижений земледельческих неолитических обществ Передней Азии. В их мировоззрении значительную роль играли культ матери-земли в образе Великой матери и культ быка. Следует отметить, что археологическими источниками они мало раскрываются. Пока известны лишь единичные находки фрагментированных глиняных женских фигурок из поселения в Носоцицах в Силезии (Польша) [Kostrzewski, Chmielewski, Jażdżewski, 1965], одного сосуда из Незвиско и двух фрагментированных чаш из Тадани со схематическими изображениями головы быка.

Материалы дают представление о религиозных воззрениях населения, о загробной жизни и связанной с ней погребальной обрядности, имеющей определенное разнообразие. В Средней Европе преобладают скорченные на боку погребения, иногда посыпанные охрой, встречаются и вытянутые на спине, сопровождающиеся небольшим количеством вещей (глиняной посуды, орудий труда). При этом каменные топоры-тесла встречаются и в мужских, и в женских погребениях. Некоторые данные свидетельствуют о ритуальном каннибализме. На территории Польши обнаружены как единичные, так и групповые, видимо, семейные захоронения [Kostrzewski, Chmielewski, Jażdżewski, 1965, s. 66—67]. Надо полагать, что погребальный обряд на Вольни и Поднестровье существенно не отличался от других районов. Так, случайное открытие в разное время погребения в Баеве и Дитиничах на Вольни представляют собой труположения, сопровождавшиеся двумя сосудами, а в Баеве — и каменным топором [Археологічні пам'ятки, 1981, с. 164]. Вместе с тем в погребении в Грудеке Надбужном на левом берегу Западного Буга (ПНР) сожженные человеческие кости были смешаны с древесным углем и сопровождалась обломками двух сосудов [Kempisty, 1962].

Обряд трупосожжения прослежен на поселении в Незвиско, где остатки сожженных человеческих костей и сопровождавших их орудий труда и многочисленных сосудов, в том числе и с зерном, находились у края жилища. Таким образом, высказанная в литературе мысль о появлении обряда кремации на позднем этапе существования племен культуры линейно-ленточной керамики получила новое подтверждение [Пассек, Черныш, 1963, с. 18]. Это свидетельствует о серьезных изменениях в духовной жизни европейских раннеземледельческих племен.

В зарубежной науке, особенно с середины XX в., прочно укрепился взгляд о среднедунайской прародине племен упомянутой культуры [Quitta, 1960]. Мы не имеем представления об этносе территорий, по которым перемещались дунайские пришельцы.

Благодаря открытиям в последние годы ряда новых местонахождений на Вольни и

Рис. 38. Культура линейно-ленточной керамики. Глиняные сосуды (1—8) и молот из рога (14) из поселения у с. Незвиско; кремневые и каменные орудия (9—13; 15—16) из поселения Званичин

Поднестровье возникла возможность точнее определить плотность заселения восточной периферии и ее границу. Следы пяти поселений (Жорнив, Зозив, Городок, Хоров и Вильшаница) свидетельствуют, что бассейн верхнего и, особенно, среднего течения р. Горынь был хорошо освоен населением культуры линейно-ленточной керамики. Именно отсюда отдельные группы проникли далее на восток, в бассейн р. Тетерев, о чем свидетельствуют находки керамики из поселения в Расовой. Таким образом, границы культур линейно-ленточной и гребенчато-накольчатой керамики смыкаются [Телегин, 1979, с. 230].

Около десяти новых поселений открыты в среднем течении Днестра. Это дает основание полагать, что по бассейну Днестра шло расселение дунайских племен на юго-восток. Здесь, как полагают некоторые исследователи, население культуры линейно-ленточной керамики столкнулось с носителями буго-днестровской культуры, проникшей в среднее течение Днестра с более южных районов. Это подтверждают и находки фрагментов керамики, кремневых микролитических изделий буго-днестровской культуры в Перебыковцах и Гордовцах Черновицкой области. Между населением обеих культур установились какие-то связи, вследствие чего бытовые изделия, в частности глиняные сосуды ленточной керамики, были занесены на поселение буго-днестровской культуры на Базыковом острове на Южном Буге [Даниленко, 1969, с. 147]. Вопрос о территориальном разграничении обеих культур в значительной степени остается нерешенным. Открытие следов поселения культуры линейно-ленточной керамики при раскопках поздне трипольского поселения у с. Жванец Хмельницкой области вносит новые данные в решение этого вопроса [Телегин, 1979, с. 230]. В последнее время открыто поселение у с. Ананьев Одесской области, которое является юго-восточным пунктом культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР [Телегин, 1982, с.39].

В зарубежной историографии издавна распространено мнение, что путь продвижения упомянутой культуры со Среднего Подунавья пролегал на север через западноукраинские перевалы, главным образом, наиболее доступным из них — так называемыми Моравскими воротами. Отсюда они расселялись на северо-запад на территорию ФРГ и ГДР и северо-восток на территорию Польши, Западную Волынь и Поднестровье вплоть до Молдавии и Румынии [Kostrzewski, 1939—1948; Kulczycka, 1964]. Вместе с тем было высказано мнение, что неолитические влияния могли проникать также через Нижний Дунай вдоль Прута и Серета на север Молдавии к верхнему течению Днестра [Kostrzewski, Chmielewski, Iazdżewski, 1965, s. 64]. В этой связи следует упомянуть, что Т.С.Пассек и Е.К.Черныш разделили памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР на две хронологические группы: более раннюю на территории Молдавии и позднюю на Поднестровье и Волыни [Пассек, Черныш, 1963, с.10—11]. Эта мысль была высказана и в более поздней работе упомянутых исследователей [Пассек, Черныш, 1970, с. 117]. Однако этот чисто типологический подход к проблеме периодизации упомянутой культуры на территории СССР не получил дальнейшего развития в трудах других ученых [Захарук, 1971, с. 96]. Д.Я.Телегин, наоборот, считает, что памятники типа Баева на Волыни и Незвиска на Днестре относятся соответственно к раннему и позднему этапам младшего прикарпатского региона культуры линейно-ленточной керамики, по схеме словацкого исследователя Ю.Павука [Телегин, 1979, с. 234]. На основании материалов из поселений в Тадани и Луцке можно вполне определенно говорить о большом сходстве керамического материала памятников запада Украины и Молдавии. Вместе с тем орнамент на керамике упомянутых поселений в ряде случаев имеет более архаические черты. В советской историографии принято считать, что памятники на территории Украины и Молдавии могут быть сопоставлены со средним этапом развития культуры линейно-ленточной керамики на исходной территории.

Пребывание племен упомянутой культуры на территории СССР было относительно кратковременным явлением. Первоначально оно определялось первой половиной IV тыс. до н.э., впоследствии концом V — началом IV тыс. до н.э. [Пассек, Черныш, 1970] или концом V тыс. до н.э. [Телегин, 1979, с. 234]. Такая датировка исходит из серии радиоуглеродных дат памятников этой культуры на территории центральной Европы [Долуханов, Тимофеев, 1972, с. 54].

Вопрос об исторических судьбах населения культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР остается мало исследованным. На территории центральной Европы проживали поздние родственные племена, употребляющие накольчатую керамику. Памятников с этой керамикой на Волыни и Поднестровье не обнаружено. Можно предположить,

что основная масса населения культуры линейно-ленточной керамики постепенно продвигалась на юго-восток в направлении Днестра. Это продвижение было медленным, с длительными остановками на отдельных поселениях, сопровождалось хозяйственным освоением территории. Что же касается небольших групп, возможно, и оставшихся на Волыни, то они постепенно растворились в более поздних этнических напластованиях.

В целом же пребывание племен культуры линейно-ленточной керамики на Волыни и Поднестровье сыграло большую роль в древнейшей истории населения на Западе СССР; приобрело эти районы к наиболее развитым очагам культуры Юго-Восточной Европы.

КУЛЬТУРА ГРЕБЕНЧАТО-НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКИ

В эпоху неолита на территории запада Украины одной из крупнейших общностей была культура с характерной керамикой с гребенчато-накольчатой орнаментацией. Важнейшей составной частью комплексов этой культуры является также макро- и микролитический каменный инвентарь. В настоящее время считается, что памятники данной территории входили в более широкую общность — днепро-донецкую культуру (или культурную область), которая была распространена в Поднестровье, на Левобережье и Полесье Украины, а также в юго-восточных районах Белоруссии [Телегин, 1971, с. 112]. Памятники запада Украины еще недавно относились к киево-волынской группе [Телегин, 1968, с. 91], а в последние годы — к волыньскому варианту днепро-донецкой культуры [Охрименко, Телегин, 1982, с. 76].

Первые сведения о таких поселениях с характерной керамикой относятся к концу 20-х — началу 30-х годов и связаны со сборами подъемного материала С.Малковским, К.Пшемиским, А.Цинкаловским и другими исследователями [Głusik, 1962, s. 142, 162, и др.; Gardawski, 1958, s. 300—308; Sulimirski, 1935, s. 26; Nosek, 1946/1947]. В послевоенное время значительные работы проводили Ю.В.Кухаренко, И.П.Русанова, В.Ф.Исаенко, И.К.Свешников, Д.Я.Телегин, Г.В.Охрименко и многие другие [Кухаренко, 1962, с. 24, Свешников, 1974, 207 с. Исаенко, 1976, 128 с. Артюх, 1980, с. 248—249; Мацкевой, 1980, с. 303—305; Герета, Грибович, Мацкевой та ін., 1981, 310 с.; Свешников, Нікольченко, 1982, 116 с.; Охрименко, Телегин, 1982, с. 64—77]. Таким образом, если для всей днепро-донецкой общности известно более 200 поселений и 20 могильников [Телегин, 1981, с. 67—69], то для данной территории пока в пределах лишь Ровенской и Волинской областей уже зафиксировано 38 поселений и погребений и погребений. Кроме сбора подъемного материала Г.В.Охрименко на ряде памятников провел раскопки на незначительных площадях [Охрименко, Телегин, 1982, с. 74—77]. Эти материалы позволяют судить о многих сторонах быта и хозяйственной деятельности племен культуры гребенчато-накольчатой керамики на данной территории.

Несмотря на более благоприятные, чем в предыдущие эпохи, климатические условия и возросшие в связи с этим возможности добычи пищи, человек еще в значительной мере зависел от природной среды. Климатические условия, по данным большинства специалистов, были близки современному. Это вторая половина атлантического и, значительная часть суббореального периода голоцена [Sulimirski, 1962, p. 1—18; Долуханов, Пашкевич, 1977, с. 134—145]. В связи с новыми видами хозяйственной деятельности для топографии поселений характерны уже зачастую несколько отличные по сравнению с предыдущей эпохой формы. Отмечается группирование памятников в районе современных или бытовавших в неолите лесных массивов [Свешников, 1974, с. 19] и особенно вдоль древних речных систем на низких участках надпойменных террас или поблизости от озер-старич [Телегин, 1971, с. 113]. Такое местоположение поселений делало достаточно продуктивными как отрасли присваивающей, так и развивающие элементы новых, воспроизводящих форм экономики. Комплекс данных позволяет подразделять поселения на кратковременные, сезонные и более продолжительные. Они фиксируются в районе современных торфяников, дюн, на высоких и низких террасах. Это может свидетельствовать о различных условиях жизни и быта древнего населения региона.

Стратиграфические особенности залегания культурного слоя памятников изучены пока недостаточно. Тем не менее, как в пределах Ровенской и Волинской областей, так и на сопредельных территориях неолитические комплексы находятся, как правило, на глубине

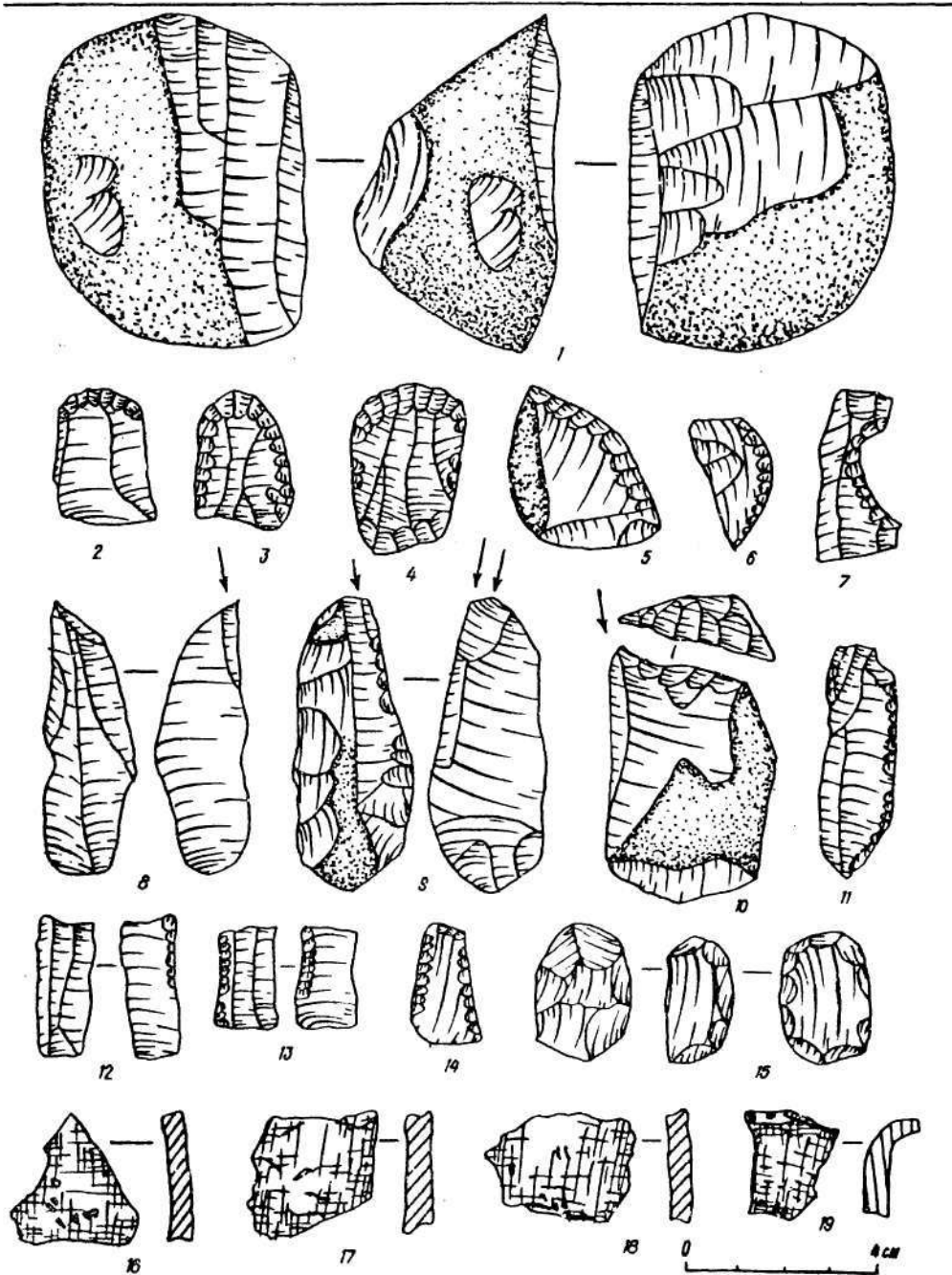

Рис. 39. Культура гребенчато-накольчатой керамики. Образцы кремневых изделий и керамики. Поселение Баранье II

30–40 см, их мощность не более 15–25 см и залегают они в верхней части почвенного горизонта В [Охріменко, Телегін, 1982, с. 66; Исаенко, 1976, с. 17]. Нередко на поверхности дон хорошо прослеживается и горизонтальная стратиграфия. Так, на поселении Сенчицы I, Заречнянского района Ровенской области [Исаенко, 1976, с. 33] в радиусе 8 м отмечено скопление более 2000 кремневых предметов (преимущественно пластинчатых сколов), остатки кострищ и обломки не менее пяти-шести сосудов. Такие планиграфические наблюдения подтверждают наличие хозяйственно-бытовых комплексов.

Пока мы располагаем скудной информацией о жилищах данной культуры. Такие объекты уже известны лишь в Сенчицах I, а также некоторых поселениях, исследованных Г.В.Охрименко. Как предполагает В.Ф.Исаенко, площадь жилищ здесь достигала 10–12 м², они были чаще всего углублены до 0,5 м и вмещали до шести – десяти человек; не исключены и свайные постройки [Исаенко, 1976, с. 123–124]. Д.Я.Телегин считает, что многие жилищные сооружения были наземными (без углубления в центре такой конструкции), изготовлялись они из дерева, камыша и глины и поэтому не оставляли, как правило, заметных следов [Телегин, 1971, с. 113].

Одним из характерных признаков данной культуры является наличие, прежде всего, специфической керамики. Наиболее полную ее характеристику мы находим в работах И.К.Свешникова, В.Ф.Исаенко, а также Г.В.Охрименко и Д.Я.Телегина [Свешников, 1974, с. 208; Исаенко, 1976, с. 128; Охрименко, Телегин, 1982, с. 64–77]. Согласно этим данным, преобладали небольшие приземистые сосуды высотой 15–25 см, преимущественно остродонные со слабо отогнутым верхом или прямым утончающимся венчиком и закругленным краем, иногда чуть отогнутым наружу. Под венчиками нередко прослеживаются углубления, чаще неправильных подтреугольных очертаний, или сквозные проколы. В целом поверхность сосудов орнаментирована слабо. Преобладает линия, отпечатки отступающей палочки, гораздо реже – мелкозубчатой гребенки, а иногда жемчужный или шнуровой орнамент.

Наиболее часто отмечаются тонкостенные фрагменты (0,4–0,9 см), хотя фиксируются и более толстостенные. По консистенции посуда еще крайне нестойкая и пористая: имеются, как правило, растительные (трава и другие составные) примеси, реже шамот, песок и толченая ракушка. Внутренний слой теста сосудов часто темный, обжиг в целом неравномерный. Вероятно, в результате своей нестойкости керамика в ряде случаев не сохранилась или представлена лишь отдельными экземплярами на тысячи каменных, преимущественно кремневых предметов, которые и составляют почти всегда основные находки на этих памятниках.

Наиболее значительный комплекс каменных изделий отмечен В.Ф.Исаенко на поселении Сенчицы I [Исаенко, 1976, с. 36–40]. Здесь собрано 7 тыс. кремней, из которых пластинчатые сколы составляют 23,0 % всех находок. Из 510 нуклеусов, по мнению В.Ф.Исаенко, половина использовалась для получения отщепов. Среди орудий 30 отбойников. Не сколько меньше половины всех орудий составляют режущие изделия и прежде всего ножи. Резцов, из которых срединных – 23, боковых – 7, угловых – 24, несколько меньше, чем скребков (62 экземпляра). Заметной серией представлены скобели (45 предметов). Наибольшую группу составляют, однако, постсвидерские наконечники стрел, среди которых иволистные (54) и черешковые (22), а также ромбовидные с двусторонней обработкой (13 экземпляров). Выразительная серия топоров и тесел, в том числе транше (7) и овальные (14 экземпляров).

Достаточно типичный, хотя и небольшой, комплекс каменных предметов (295 изделий) вместе с керамикой с гребенчато-накольчатый орнаментом зафиксировал И.К.Свешников на поселении Баранье II, в 1,5 км к юго-западу от с. Баранье Червоноармейского района Ровенской области [Мацкевой, 1980 б, с. 303–305]. Среди находок остатки сырья, включающие только кремневые желваки, нуклеусы, отщепы, пластинчатые сколы, орудия со вторичной обработкой, а также обломки и отходы каменного производства. Из пластинчатых сколов резко преобладают пластины; кроме того, отмечены макропластины и пластинки. Такое распределение свидетельствует об определенной макролитонности комплекса. Если на подавляющем большинстве мезолитических памятников орудия на пластинчатых сколах значительно превышают изготовленные на иных заготовках, то в комплексе Баранье II прослежено одинаковое количество орудий на пластинчатых сколах и отщепах, почти 20 изготовлено на других заготовках. Среди орудий преобладают скребки (36,4 %); встречены резцы (13,7 %), скобели, ножи и серпы (27,3 %), трапеция, отжимник и отбойник. Из скребков половину составляют разнообразные концевые на пластинах, остальные – аморфные на отщепах.

Резцы представлены срединным и боковым на отщепах, а ножи и серпы – исключительно на пластинах с приостряющей ретушью со спинки и с брющка, а также с противоположной обработкой. Привлекает внимание и типичная трапеция как определенный хозяйственный и этнокультурный показатель. В целом в комплексе прослежены мезолитические черты, которые заметны и на других памятниках, что отмечают И.К.Свешников [Свешников

ников, 1974, с. 19], а также Г.В.Охрименко и Д.Я.Телегин [Охрименко, Телегин, 1962, с. 76].

Приведенные два комплекса каменных предметов, представляющих северную (Сенчицы I) и южную границы (Баранье II), распространения поселений с гребенчато-накольчатой керамикой, несколько отличаются между собой. Так, если в Сенчицах I проявляются поствидерские традиции и, прежде всего, специфические наконечники стрел, резцы и нуклеусы, а также высокий процент топоров, то в комплексе Баранье II эти формы отсутствуют либо представлены единичными изделиями. Вместе с тем в этих комплексах, кроме керамики, много общих черт и среди каменных изделий. Это близость техники раскалывания, которая выражалась как в пластинчатости, так и в грубой оббивке. Отметим, что на обоих памятниках почти идентичны соотношения таких основных групп находок, как пластинчатые сколы, отщепы, орудия и отходы.

В целом каменный инвентарь по сравнению с предыдущей, мезолитической эпохой меняется мало. Сохраняются даже отдельные палеолитические формы. Аналогичное явление прослежено и на сопредельных территориях на неолитических памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой, где прослеживаются свидерские традиции. По всей видимости, это связано с некоторыми близкими видами хозяйственной деятельности. К такому выводу пришли и этнографы [Файнберг, 1975, с. 76]. Вместе с тем появляются новые типы обработки камня, становится более широким ассортимент сырья и изделий. Следует, однако, отметить, что соотношения типов орудий, а также технические закономерности в эти эпохи уже достаточно разные. На территориях, богатых каменным сырьем, в частности на Волыни, бытует макро-мезолитическая индустрия. По сравнению с мезолитом почти всегда больше становится отщепов, чем пластинчатых сколов. Пластинки уже более правильных, призматических очертаний, что свидетельствует о их еще большей стандартизации и утилизации. Становится больше ножей и скобелей. В сравнении с другими территориями техника обработки в плане увеличения состругивающей двухсторонней ретуши меняется мало. Зафиксированы лишь единичные треугольные наконечники стрел и некоторые другие формы. Более выразительно прослеживается двусторонняя обработка на пример рубящих орудий, которые, вероятно, являются показателем свидерских традиций. В целом каменные изделия находят широкое хозяйственное использование еще в большинстве отраслей первобытной экономики.

На этом этапе увеличилось количество операций по обработке древесины. Этому, безусловно, способствовало распространение разнообразных рубящих изделий, которые на неолитических памятниках данного региона отмечаются крайне редко. Одним из таких исключений является комплекс поселения Сенчицы I, где их более 20 экземпляров [Исаенко, 1976, с. 36]. Благодаря этим орудиям резко возросла производительность труда первобытного коллектива [Семенов, 1971, с. 4; Исаенко, 1976, 128 с.].

Пока в регионе не фиксируется значительных следов скотоводства и земледелия, хотя на сопредельных территориях уже отмечен одомашненный скот [Исаенко, 1976, с. 128], а также другие формы производящей экономики [Телегин, 1968, 259 с.]. Наиболее вероятно, что земледелие и скотоводство не играли еще основной роли в хозяйстве [Свешников, 1974, с. 19]. Местные условия больше подходят для архаической пойменной формы земледелия, когда происходило разбрасывание зерна (проса и ячменя) в черную потрескавшуюся поверхность пересохших болот. Такой способ был характерен для неолита на северных территориях [Исаенко, 1976, с. 122].

О воспроизводящих отраслях хозяйственной деятельности пока косвенно могут свидетельствовать лишь некоторые факты. Высокий процент ножей (многие из них интенсивно заощены) и отпечатки соломы на керамике предполагают наличие земледелия. С другой стороны, по сравнению с мезолитом здесь резко уменьшается количество геометрических микролитов, которые, как известно, в большинстве своем употреблялись в качестве охотничьего инвентаря.

Об охоте свидетельствует лишь небольшое количество археологического материала, хотя именно такой вид деятельности давал пока основную часть пищевого рациона, это подтверждают также материалы раскопок и этнографические параллели. Отметим прежде всего кости диких животных, которые зафиксированы на ряде памятников, а также охотничьи орудия, в том числе наконечники стрел и дротиков. Объектом охоты мог быть благородный олень, лось, кабан, зубр. Об этом виде хозяйства могут свидетельствовать и многочисленные изделия для обработки шкур — скребки и резцы, хотя часть из них употреблялась и для обработки продукции скотоводства, а также других отраслей хозяйствен-

Рис. 40. Общий вид стоянки Молодова I.
Раскопки четвертого слоя.

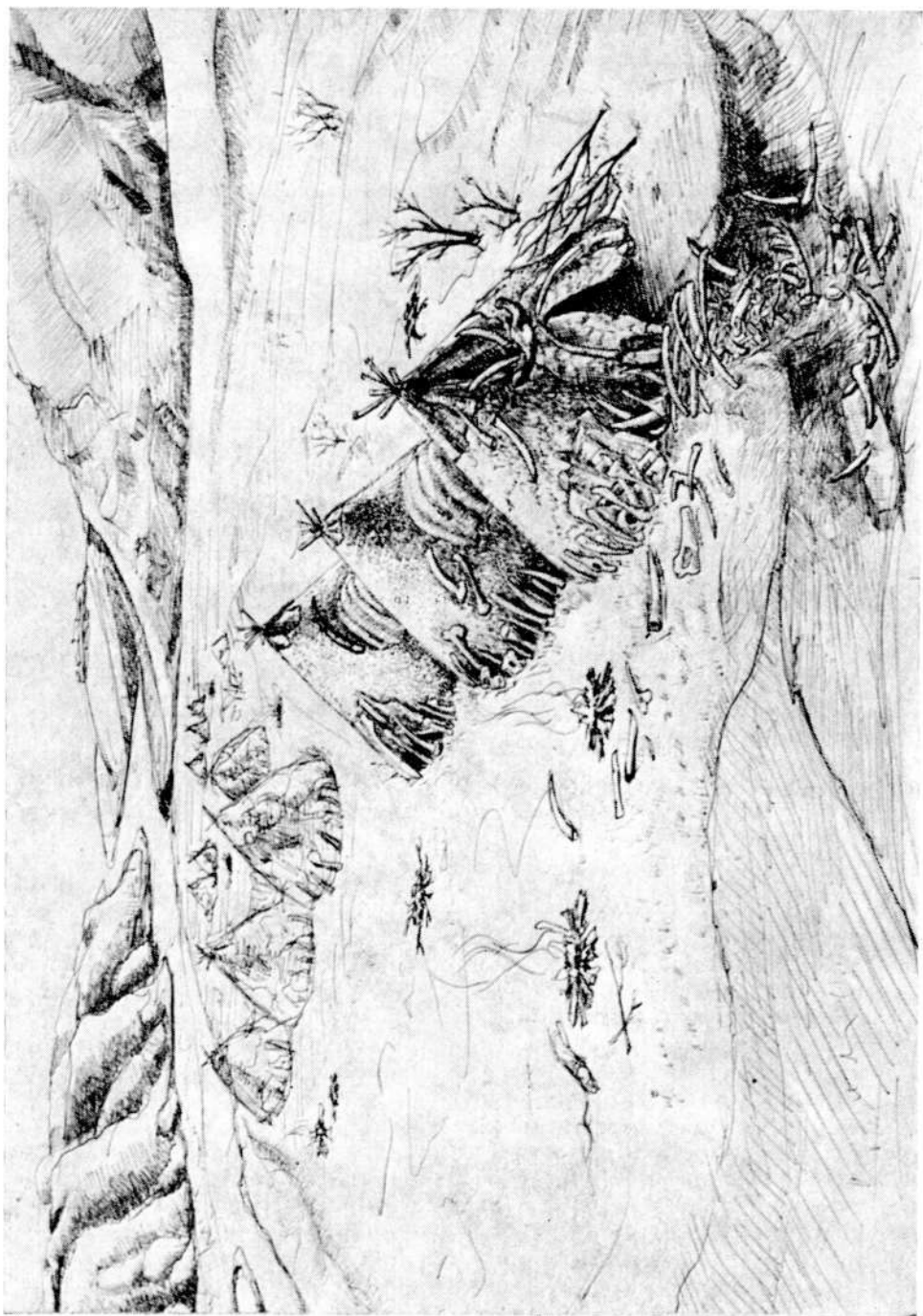

Рис. 41. Реконструкция поселения четвертого слоя мутье стоянки Молодова I. Рисунок художника И. Принады.

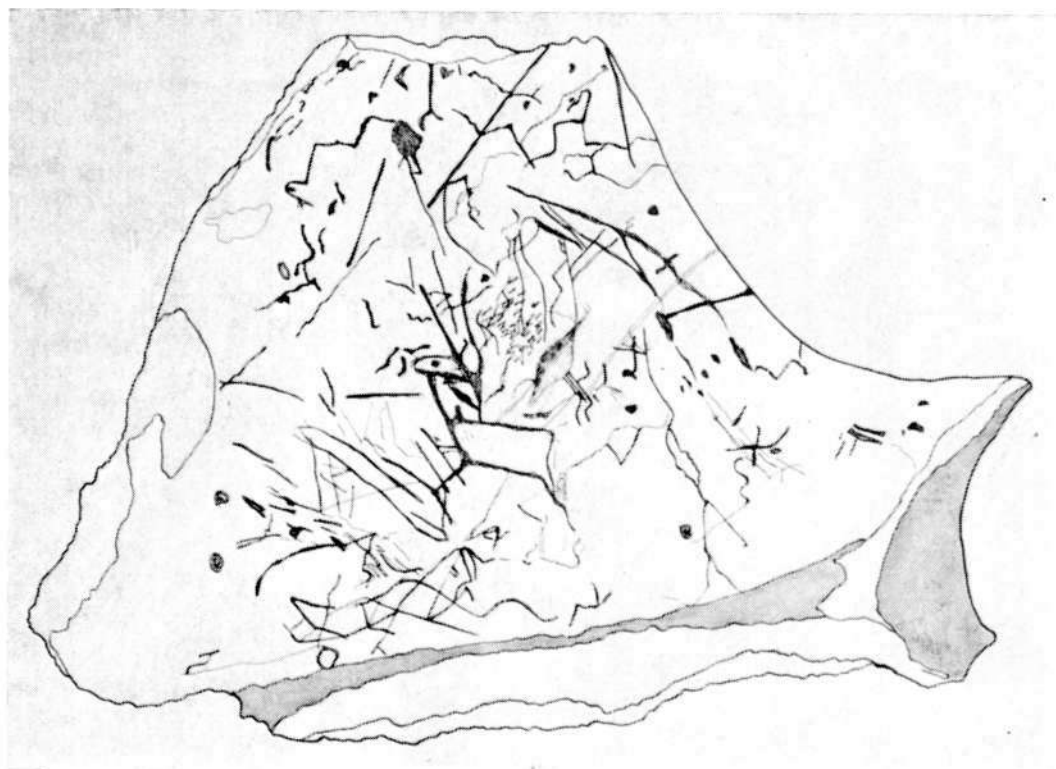

Рис. 42. Прорисовка лопатки мамонта со следами гравировки и живописи. Стоянка Молодова I, второй слой мустье.

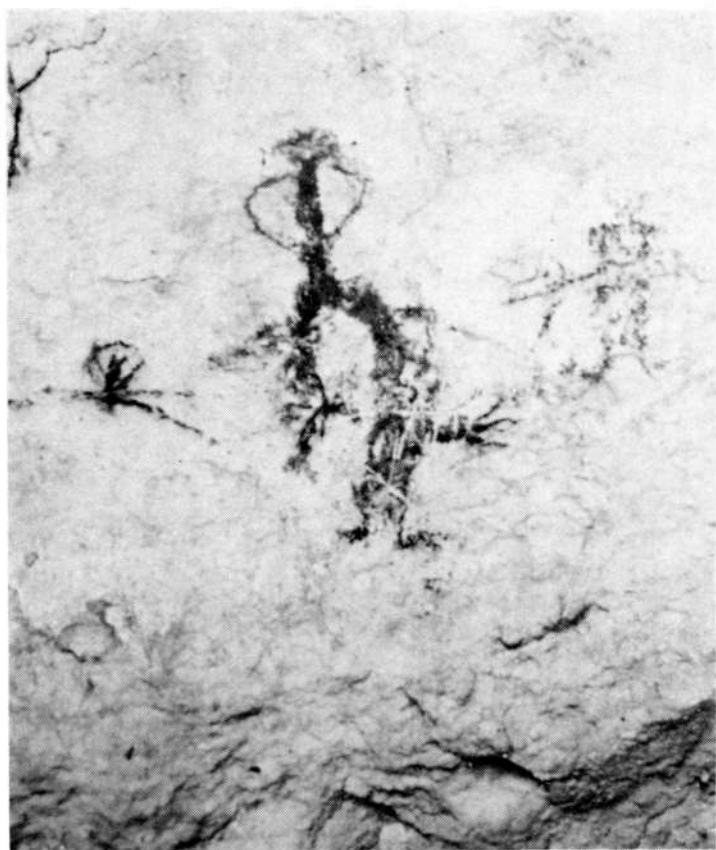

Рис. 43. Антропоморфные изображения мезолитического времени. Баламутовская пещера на правом берегу Днестра в Черновицкой области.

Рис. 44. Стоянка Молодова I. Остатки жилищ четвертого мустьерского слоя.

ной деятельности. Охота могла проводиться отдельными охотниками при помощи лука и стрел путем скрадывания.

Согласно определениям Г.А.Пашкевич и других специалистов, на этой территории в эпоху неолита отмечены растения со съедобными плодами, стеблями и корнями (водяной орех, желуди, ягоды, грибы и т.д.). Эти возможности, а также собирательство разнообразных сухопутных и речных улиток и небольших животных позволяло до некоторой меры пополнять запасы пищи, особенно в определенные времена года. Археологических свидетельств собирательства пока немного. Наиболее распространены находки раковины *unio*, *helix* и других, которые в небольших количествах зафиксированы на многих поселениях.

Этнографические параллели свидетельствуют о том, что в экономике данных племен определенную роль играло рыболовство. Пока и здесь прямые археологические факты малочисленны. Одним из самых весомых аргументов в этом плане является размещение памятников вдоль берегов рек и озер. На поселениях зафиксированы каменные орудия, которые могут быть квалифицированы в качестве ножей для обработки рыбы. Употребление таких изделий аргументировал С.А.Семенов и другие специалисты [Семенов, 1957, с.132, рис. 44, 6]. Не исключено, что на этой территории рыболовство носило коллективный характер, что прослежено этнографически у многих первобытных племен.

Как известно, первые научно обоснованные факты о примитивном обмене прослежены еще в конце палеолита. Однако даже для неолита пока здесь известны лишь отдельные находки, которые можно интерпретировать как свидетельство обменных операций. Как утверждает Н.Н.Гурина, одним из важнейших продуктов обмена в эту эпоху был кремь [Гурина, 1974, с.13]. Типичный волынский кремь, как известно, фиксируется на многих территориях, особенно в южном направлении. И.К.Свешников считает, что это могло быть результатом обменных операций, хотя не исключается возможность контактов населения в поисках сырья для изготовления орудий [Свешников, 1974, 208 с.]. Аналогичные экспедиции могли проводиться и для пополнения запасов другого сырья и материалов. Этнографические параллели дают нам значительное количество примеров таких контактов. Согласуются эти предположения и с сообщениями, которые приводит В.М.Массон по сопредельным регионам [Массон, 1976, с. 74—76].

Суммарный анализ позволяет полагать, что в целом экономический базис времени бытования на этой территории племен культуры гребенчато-накольчатой керамики был разнообразнее, чем в мезолите. Такие сдвиги, безусловно, повлияли и на развитие общественного строя, который, как подчеркивают В.М.Массон и другие исследователи, был тесно связан с природной средой, строительством жилищ, погребальным обрядом и другими факторами [Массон, 1976, с.111, 150]. Важную информацию в этом плане дают и каменные орудия. Анализ этих компонентов культурного слоя и иные материалы позволяют предполагать бытование здесь семейно-родовых отношений внутри общины. Парные семьи уже, видимо, являлись достаточно устоявшимся организмом. Об этом могут свидетельствовать, как предполагает В.Ф.Исаенко, например, значительные расстояния между остатками жилищ [Исаенко, 1976, с. 125], а скопление каменных предметов в пределах таких объектов — об автономном производстве каждой семьей кремневого инвентаря. Хотя на данной территории и не прослежено таких колоссальных сдвигов в хозяйстве, как во многих южных регионах, есть основания утверждать, что и здесь произошли значительные изменения, которые принято называть неолитической революцией. Это относится к таким видам хозяйства, как земледелие и скотоводство. На многих территориях заметные сдвиги в добыче преимущественно продуктов питания привели к резкому увеличению населения.

В последнее время Г.В.Охрименко и Д.Я.Телегин сделали попытку расчленения культуры гребенчато-накольчатой керамики Западной Волыни на две хронологические группы или периода [Охрименко, Телегин, 1982, с. 76]. Такое разделение можно проследить по керамике. Так, для первой ранней группы, по их мнению, характерна легко крошащаяся керамика с примесью травы в тесте, орнаментирована она узорами в виде линий и отпечатков гребешка (поселения Карасин, Рознич, Малая Осница, урочище Шепель I и др.). Ко второму, более позднему периоду, отнесены фрагменты керамики с отпечатками отступающей палочки (Малая Осница, урочище Кравцова Гора). Вероятно, на данном этапе исследований такое членение и правомерно, хотя пока грань между группами даже по керамике, не говоря уже о каменном инвентаре, достаточно условна. На основании также исключительно орнаментации сосудов И.К.Свешников считает правомерным выделить на позднем этапе развития этой культуры тесные связи ее с племенами распространенной на Западной

Волыни городоцко-здовбицкой культурой [Свешников, 1964, с. 131, 133] и соседней среднеднепровской [Артеменко, 1967, с. 131, 132].

В 60-х годах Д.Я.Телегин отнес памятники данной территории к киево-волинской группе днепро-донецкой культуры [Телегин, 1971, с. 123]. В настоящее время в связи со значительными накоплениями источников он считает целесообразным выделить волинский и прикиевский варианты, проводя, по С.А.Балакину, территориальное их расчленение по р. Тетерев [Охріменко, Телегин, 1982, с. 76]. Характерными чертами волинского варианта являются слабое развитие орнаментации и своеобразие в элементах узора. Пока здесь недостаточно четко расчленены комплексы каменных изделий — самой многочисленной группы находок на памятниках. Это позволяет видеть ближайшие аналоги поселениям данной территории лишь на основании сопоставления характерной керамики с орнаментом. Такими памятниками являются, прежде всего, поселения киевского варианта и в меньшей мере иные пункты днепро-донецкой культуры [Телегин, 1981, с. 67—69], а также памятники Белоруссии [Исаенко, 1976, с. 42] и до некоторой степени поселения территории Польши, происхождение которых большинство авторов связывает с восточными регионами [Kost-gzewski, 1954, p. 195—204; Kempisty, 1970, p. 232—295].

Важным, но пока недостаточно разработанным вопросом для данной территории является проблема датировки памятников культуры гребенчато-накольчатой керамики. На основании комплексного анализа Д.Я.Телегин приходит к выводу, что племена днепро-донецкой культуры существовали более 2 тыс. лет [Телегин, 1981, с. 68] и относит их к V—III тыс. до н.э. [Телегин, 1971, с. 112]. К подобным выводам относительно памятников северных территорий приходит и В.Ф.Исаенко [1976, с. 113]. И.К.Свешников считает, что поселения культуры гребенчато-накольчатой керамики на Волыни доживают до конца III тыс. до н.э. [Свешников, 1974, с. 19]. Итак, памятники данной культурной общности на территории Волинской и Ровенской областей можно отнести к V—III тыс. до н.э.

Комплексный анализ данных подтверждает бытование мезолитических традиций в культуре гребенчато-накольчатой керамики. В отличие от многих территорий значительное количество каменных изделий здесь остается типично мезолитическим. Развитие таких отраслей присваивающей экономики, как охота, рыболовство и собирательство, достигает, вероятно, совершенства. Вместе с тем налицо и принципиально новые, воспроизводящие отрасли первобытной хозяйственной деятельности — земледелие и скотоводство, которые пока играют второстепенную роль, но в них человечество нашло выход из кризиса охотничье-собирательского хозяйства.

ПАМЯТНИКИ НЕОЗНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАКАРПАТЬЯ

Советское Закарпатье в силу своего географического расположения представляет собой крайнюю северную часть среднедунайского региона. Поэтому расположенные здесь археологические памятники первобытной эпохи, в том числе и неознеолитического времени (5—3 тыс. л до н.э.), принадлежат к кругу дунайских культур, которые хотя и существовали в разное время, но имели много общих признаков, обусловленных тем, что население дунайского ареала фактически не менялось в неознеолитическое время. На передний план исторического развития выдвигались лишь те или иные его группы, создавая локальные археологические культуры.

Сложность изучения археологических памятников Советского Закарпатья состоит в том, что они принадлежат к нескольким культурам, сформировавшимся вне исследуемой территории; имеющиеся здесь памятники относятся к поздним этапам культур, когда они претерпевают существенные изменения под влиянием новых, переживающих расцвет культур. Есть основания полагать, что здесь, на северной периферии Среднедунайской низменности, у южных предгорий Карпат процесс смены археологических культур, групп населения не имел интенсивного характера, различные группы населения продолжали жить на сравнительно небольшой территории, создавая локальные группы памятников, которые обладают смешанными признаками, их трудно зачислить к определенной культуре. Вместе с тем они составляют неразрывную часть этнической и социально-культурной истории Подунавья, а в более широком плане — и всей Юго-Восточной Европы.

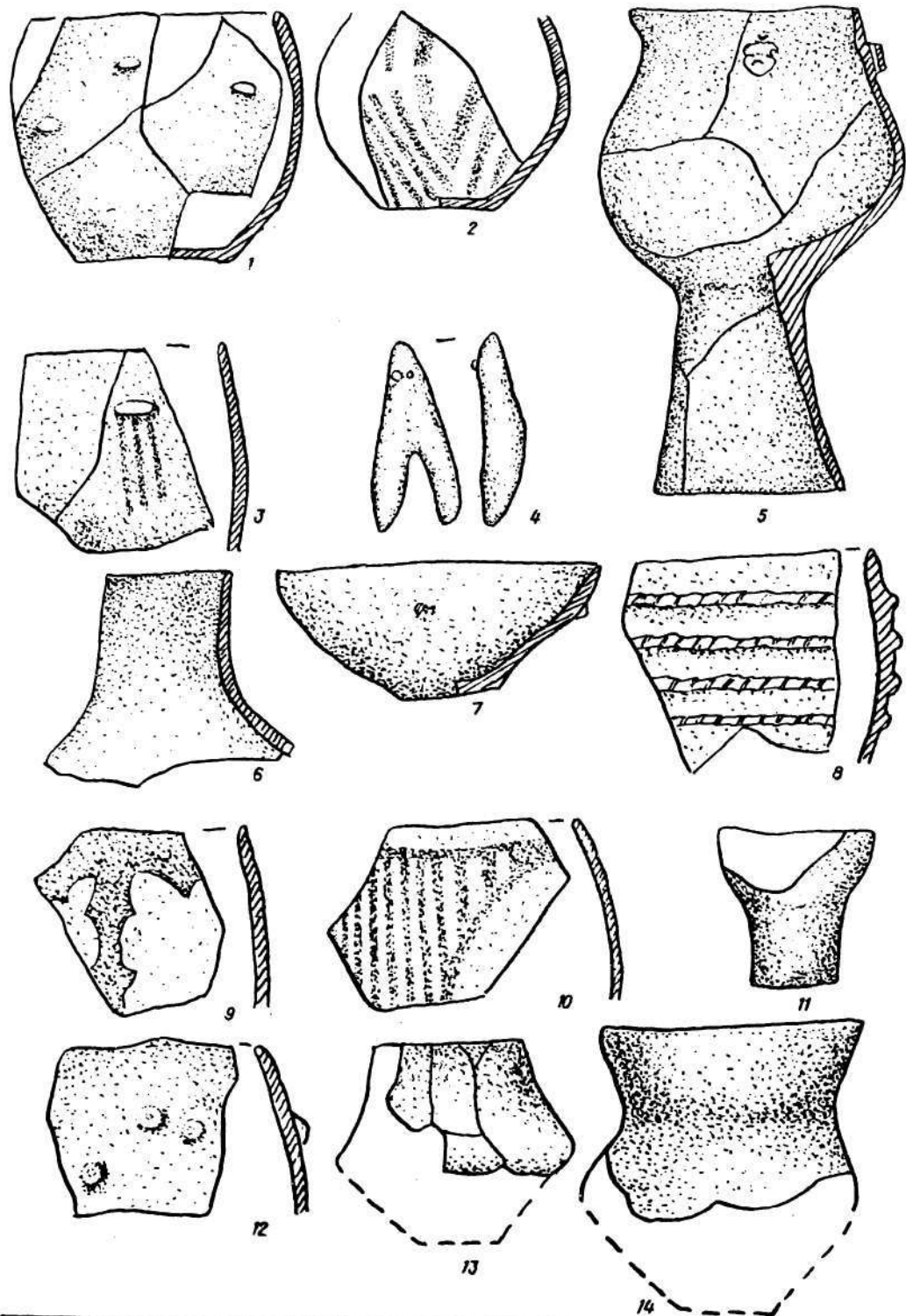

Рис. 45. Материалы неолитического времени
 Закарпатья поселений Берегово (1-8) и Дяково I (9-14)

Археологические памятники неолитической эпохи на Закарпатье до недавнего времени были мало известны. Первые материалы обнаружены еще в 70-х годах XIX в. Т.Легоцким. В 20–30-х годах XX в. небольшие разведывательные раскопки проводили Й.Янкович, Я.Бем и др. [Janowski, 1931]. После Великой Отечественной войны отдельные поселения неолитической эпохи изучали К.В.Бернякович [Бернякович, 1966, с. 163–170], Ф.М.Потушняк, М.А.Пелешин [Пелешин, 1979, с. 83–94], В.С.Титов и др. Однако систематические исследования ряда как уже известных, так и новооткрытых многослойных поселений начали закарпатские археологи Э.А.Балагури, С.И.Пеняк, И.И.Попович и М.Ф.Потушняк. За относительно короткое время ими были открыты и исследованы около 20 поселений (Ужгород, Дякове, Великая Паладь и др.). Обнаруженный материал позволяет раскрыть в общих чертах исторический процесс в верхнем течении р. Тисса и сопредельных районах в неолитическое время. Появились первые обобщающие публикации по этой проблеме [Потушняк, 1973]. Однако ряд вопросов, касающихся, в первую очередь, выделения локально-хронологических групп, их всесторонней характеристики, происхождения и исторических судеб, остаются недостаточно изученными. Это вызвано состоянием источниковедческой базы не только в пределах Закарпатья, но и сопредельных районов Юго-Востока Европы. Наиболее древний керамический неолит в Юго-Восточной Европе, как известно, составляют несколько родственных археологических культур, получивших разные наименования в различных придунайских странах: Караново I — в Болгарии, Старчево — на северо-востоке Югославии, Криш — в Румынии, Кереш — в Венгрии. Это было земледельческо-скотоводческое население, оставившее большие поселения с различными наземными жилищно-хозяйственными строениями. Оно изготовляло грубую (кухонную) и тонкостенную посуду. Последняя украшалась углубленными прямыми и волнистыми линиями, заполненными желтой, красной или белой краской. Эти памятники датируют первой половиной и серединой V тыс. до н.э. В литературе высказано предположение, что на территории Советского Закарпатья имеются материалы культуры Кереш, относящиеся к наиболее северной группе памятников упомянутой культуры — типа Мехтелек, распространенном также на сопредельной территории Румынии [Титов, 1980, с. 110–112].

На Закарпатье открыта группа поселений среднего неолита, представленного здесь памятниками, возможно, разных этапов культуры линейно-ленточной керамики. Эта культура сформировалась, как известно, в юго-западных районах Подунавья. Исчерпывающей характеристики этой культуры на всей территории ее распространения, в том числе и севернее Карпат, пока нет. Но материальная культура ее на всем протяжении существования существенно менялась. В целом это было земледельческо-скотоводческое население, часто менявшее места своих поселений в силу экстенсивного характера примитивного земледелия, приводившего к истощению почвы и ее засорению. Кроме того, наряду с развитием земледелия постоянно увеличивалась роль разведения домашнего скота.

Работами чехословацких исследователей Б.Судского [Soudsky, 1954], Е.Неуступного [Neustupny, 1956] в 50-х годах, а впоследствии Ю.Павука [Pavuk, 1970] много сделано для разработки периодизации упомянутой культуры, выделения ее локальных групп.

К данной культуре на Закарпатье относятся свыше десяти поселений, из них наиболее известны расположенные у с. Великие Лазы, Дравцы, Ужгород, Великая Добронь, Ориховица, Холмец, Дрысино I, Дякове I и др. Некоторые из них в предварительных публикациях отнесены к буково-горской (бюккской) культуре, являющейся одной из сравнительно ранних локально-хронологических групп культуры линейно-ленточной керамики. Это поселения у с. Великая Паладь [Титов, 1971, с. 237–238] и Заставное [Титов, 1975, с. 363–364]. На поселении у с. Великая Паладь вскрыта углубленная часть жилища размерами 6,4 x 2,2 м, состоящая из двух округлых ям различной величины. На поселении собран значительный керамический материал: тонкостенные (до 2 мм) кубки, сосуды с черной росписью в виде криволинейных и геометрических узоров на красной или желтой внешней поверхности. Встречается много кухонных сосудов с плоским дном и на высоких поддонах. Комплекс орудий состоит в основном из обсидиановых вкладышей без вторичной обработки, скребков, ножей, а также топоров, тесел, долот из мягких пород камня.

На поселении у с. Заставное (урочище Кремнистый холм) вблизи г. Берегово вскрыты несколько ям, в том числе и жилого назначения. В одной из них (длина около 5 м) находился развал глиняной печи в виде скопления большого количества кусков глиняной обмазки, а также много различной тонкостенной посуды, иногда с росписью темной краской, а также грубостенной кухонной посуды, украшенной налелами.

Получены новые материалы о различных типах жилищ. Это могли быть легкие наземные сооружения (Ужгород), углубленные в землю с остатками глиняных печей (Холмец, Лучково I, Великая Паладь и др.). На поселении в Дравци углубленное жилище занимало площадь 8 x 4,2 м. На других поселениях также открыты жилищно-хозяйственные комплексы, многочисленные орудия труда из камня, обсидиана, их заготовки и отходы производства, керамика. Так, например, на поселении у с. Холмец в углубленном жилище собрано много фрагментов тонкостенных полусферических чаш, сосудов с росписью темной краской на охристого цвета поверхности, сосудов на поддоне, мисок, сковородок и другой посуды [Пеняк, Попович, Потушняк, 1975, с. 336].

Наиболее широко исследованным памятником заключительного этапа культуры линейно-ленточной керамики на Закарпатье является поселение у с. Дяково Виноградовского района, исследованное Э.А.Балагури в 1967–1973 гг. [Балагури, Потушняк, 1974, с. 243–244]. На поселении открыты остатки шести жилищ и несколько хозяйственных ям. Два жилища представляли собой довольно большие корытоподобные углубления площадью около 60 м² и 32 м². Дно их неровное, в отдельных местах сохранились остатки печей в виде скопления кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев. В меньшем жилище прослежен вход в виде материковой ступеньки, а также материковый лежак возле стены. Наземное перекрытие, видимо, было довольно легким, так как никаких ям от столбов не прослежено. Остальные жилища были значительно меньше, они имели прямоугольные и овальные очертания. Размеры жилища составляли 6 x 1,4 м.

На поселении обнаружено значительное количество орудий труда из обсидиана, опала, реже сланца, андезита. Среди них преобладают концевые скребки на различных пластинах и отщеплах, маленькие пластинки (длиной до 6 см), использовавшиеся для режущих целей без дополнительной вторичной обработки; изготовлялись и наконечники стрел, из которых найден один. Много различных топоров с прямым или овальным асимметрическим лезвием, тесел, зернотерок из песчаника. Керамический комплекс, состоящий из различной фрагментированной посуды, подразделяется в основном на две группы. Первая изготовлена из глины с примесью мелких кусочков размельченной керамики, реже органических примесей. Внешняя поверхность сосудов имеет коричневые тона, неровная, внутренняя — хорошо заглажена. Преобладают горшки с прямыми или сферическими стенками, большие конические миски, сковородки с прямыми или спуклыми стенками; часть посуды украшена углублениями, пальцевыми зацепами, коническими выступами. Вторую, более многочисленную группу составляют аккуратно изготовленные из очищенной глины сосуды с тонкими заглаженными стенками. Среди них имеются большие шаровидные горшки различных миски, преимущественно большие, со слегка опуклыми стенками, небольшие амфорки с шаровидным туловом и двумя ушками под высокой цилиндрической или суженной сверху шейкой. М.Ф.Потушняк выделяет группу так называемой праздничной керамики, куда относит небольшие сосуды с очень тонкими стенками, которые не могли использоваться в повседневном быту. Это шаровидные горшочки, сосуды на подставке и вазы высотой до 13 см. Некоторые из них украшены врезным орнаментом в виде спиральных лент и геометрических фигур, имеющих аналоги в буковогорской культуре [Потушняк, 1979, с. 72].

На поселении обнаружены также глиняная фрагментированная женская фигурка, несколько биконических глиняных бусин. М.Ф.Потушняк считает, что дяковское поселение относится к локальной группе малоисследованных памятников (дяковской группе), сформировавшихся на базе памятников позднего этапа культуры линейно-ленточной керамики и существовавших непродолжительное время в середине IV тыс. до н.э. [Потушняк, 1979, с. 73].

Для понимания этнических и социально-экономических процессов в заключительную пору позднего неолита на Закарпатье определенный интерес представляют материалы из поселения у г. Берегово, открытого еще в 90-х годах XIX в. и неоднократно обследованного различными исследователями. В 1968 г. на поселении были проведены раскопки, позволившие раскрыть основные черты материальной культуры, хозяйства и быта его жителей [Пелешин, 1979, с. 83–94].

Поселение расположено на северо-западной окраине города, на южном склоне Береговского нагорья, на правом берегу небольшой речки. Оно занимало площадь 100 x 80 м. К сожалению, его культурный слой к началу раскопок был основательно разрушен планировкой холма для сельскохозяйственных нужд. В разных местах на поселении прослежены

остатки около десяти жилых и хозяйственных ям, выделяющихся более темным заполнением и скоплением инвентаря. На исследованной площади вскрыты две полуземлянки и три ямы.

Полуземлянка 1 состояла из двух ям. Основная яма имела прямоугольные очертания с неровным полом и входом в виде ступенек с южной стороны. Размеры ее составляли 3,5 x 3—2 м, наибольшая глубина в материке 1,2 м. К жилому помещению примыкала яма округлой формы (диаметром 1,5 м), отделенная от него материковым порогом. В заполнении жилища, особенно его южной части и примыкающей к ней ямы, обнаружен мощный завал печи в виде скопления кусков камней, кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, золы с углем. В заполнении жилища находилось свыше двух тысяч фрагментов керамики, принадлежавших около 80 сосудам, около 20 кремневых скребков, отдельных резцов, 9 ножей, 16 топоров и отдельных тесел из кремнистого сланца, отдельные изделия из обсидиана.

Полуземлянка 2, имевшая несколько иную конструкцию, состояла из трех различных овальных ям, общая длина ее составляла 5,5 м, наибольшая ширина — 2,3 м, глубина 1 м в материке. Вход в жилище находился с восточной стороны, где сохранились два уступа-ступеньки. В средней части жилища на стыке трех ям находились остатки небольшой печи в виде нескольких камней и больших кусков глиняной обмазки, здесь же были три небольшие зернотерки. В заполнении ям найдены фрагменты около 50 горшков, 15 амфоровидных сосудов, ваз на подставках и тонкостенных чаш, нескольких миниатюрных сосудов, глиняная, сильно схематизированная женская фигурка и глиняная бусина. Из орудий в жилище были оставлены семь кремневых скребков и острие, пять ножей с андезитовых пластин, два поврежденных топора и долотце, четыре зернотерки, фрагменты нескольких брусков.

Наиболее многочисленную группу находок на поселении составляла керамика, подразделяющаяся на две группы. Сосуды первой группы, а их абсолютное большинство, изготавливались преимущественно с примесью мелкого песка, реже шамота, измельченного камня. Внешняя поверхность неровная, имеет следы сглаживания, внутренняя — аккуратно выглажена, проложена. Основной формой являются небольшие шаровидные горшки, украшенные на верхней части удлиненными выступами, иногда с ямками, а также налепными валиками. Реже встречались небольшие амфорки с шаровидным туловом и широкой шейкой с ушками под ней, а также большие амфоры с высокой узкой цилиндрической или слегка воронковидной шейкой и массивными изогнутыми ушками с горизонтальными отверстиями.

Значительную группу посуды составляют небольшие миски с коническими или слегка заокругленными стенками, украшенные на внешней стороне округлыми коническими выступами, иногда налепными горизонтальными валиками с пальцевыми углублениями или врезными линиями. С внутренней стороны миски нередко украшались темно-коричневой краской. Основной узор составляют горизонтальные, вертикальные и косые широкие ленты.

Типичной формой являются чаши биконической формы с несколько зауженной верхней частью, украшенные на внешней поверхности преимущественно темно-коричневой краской в виде двойных вертикальных дуговидно соединенных между собой лент, спиралей, косых лент. Несколько отличается геометрический орнамент в виде заштрихованных мелких треугольников на одной из чаш. Подобный орнамент встречается в лендельской керамике.

На поселении бытовали чаши на различных подставках, некоторые украшены темно-коричневой краской или врезным линейным орнаментом. Встречаются и сосуды с длинным, как у чайника, выступом с продольным отверстием, сосуды в виде утиного клюва, различные миниатюрные сосудики. Глиняная пластика представлена схематической женской фигуркой (высотой 10,5 см) и несколькими округлыми стержнями (их длина 5—7 см) неизвестного назначения.

Посуда второй группы (ее около 10%) изготовлена из чистой глины без примесей, слабо обожжена, розового цвета, поверхность ее легко стирается. Формы ее в основном те же, что и у предыдущей.

Орудия труда, как отмечалось, изготовлены из карпатских пород камня, кремнистого песчаника и, как исключение, из обсидиана. В целом комплекс орудий, за исключением топоров, довольно примитивный, что объясняется отсутствием высококачественного сырья.

Привлекает внимание и отсутствие на поселениях глиняных пряслиц и грузиков, являющихся частыми находками на поселениях неолитической эпохи.

Керамический комплекс материалов поселения в Берегово не имеет точных аналогий среди других известных в настоящее время поселений на Закарпатье. Однако многие черты сближают его с поселениями в Дяково, на Малой горе, в Мукачево и др. Наличие значительного количества керамики с коричневой росписью свидетельствует о том, что оно существовало в конце неолита. Видимо, поселение принадлежит к кругу памятников лендельской культуры с традициями культуры линейно-ленточной и тисской культуры.

Советское Закарпатье вместе с сопредельными районами Восточной Словакии составляло северную периферию пока недостаточно изученной тисской культуры на территории Венгрии. На поселениях этой культуры открыты большие наземные жилища (30–70 м²) с глиняными стенами или столбовой конструкцией, а также углубленные жилища площадью 10–12 м². В керамических комплексах тисской культуры, отличающихся определенным разнообразием, имеется тонкая, хорошо изготовленная (столовая) и грубая кухонная керамика. Первая из них представлена банковидными кубками с плоским дном и на подставке, амфорами с ушками на уровне наибольшей выпуклости и др. Некоторые из них украшены прорезным орнаментом, образующим эсоподобные или меандровые узоры, отдельные сосуды были орнаментированы темной краской. В кухонной керамике преобладают большие горшки и невысокие миски.

До недавнего времени тисская культура на Закарпатье была представлена небольшим количеством керамики многослойной стоянки на Малой горе в Мукачево, частично исследованной еще в первой половине XX в. Раскопками К.В.Берняковича в 1948 г. и В.С.Титова в 1970 г. выявлено незначительное количество керамических материалов упомянутой культуры. Остатки поселения тисской культуры обнаружены и на многослойном поселении у с. Великие Лазы (урочище Ставливец). В заполнении ямы находились фрагменты больших амфор с ушками, сосудов на поддонах, кувшинов, мисок, украшенных врезным меандровым орнаментом [Потушняк, 1972, с. 83–84]. В 70-х годах близкие к позднетисской керамике фрагменты посуды обнаружены и на поселении у с. Дрысино [Пеняк, Потушняк, Попович, 1976, с. 376].

Энеолитический период на Закарпатье представлен памятниками тисополгарской культуры и культуры каннелированной керамики (баденской). Тисополгарская культура возникла на основе тисской в северной части территории Венгрии и затем распространилась на восточные районы Словакии и верховья Тисы в пределах Закарпатья. На Закарпатье поселения этой культуры известны в ряде пунктов, например у сел Дрысино, Дедово, Дяково II, Малые Гаевцы, Заставное, Великие Лазы III, Мукачево (Малая гора и др.). На многослойном поселении у с. Дрысино исследовано прямоугольное жилище столбовой конструкции с многочисленным керамическим материалом [Пеняк, Попович, Потушняк, 1976, с. 376]. На поселении у с. Заставное (урочище Когадомб) частично исследовано наземное сооружение шириной 6,6 м, длина исследованной части составляла 8,5 м. От фундамента сооружения сохранилась канавка глубиной 0,6 м и шириной 0,4 м, а также отдельные ямки от столбов. Выделяется хозяйственная яма диаметром 1,5 м, заполненная значительным количеством керамики [Титов, 1975, с. 364]. Для этой культуры, особенно на ее развитой стадии, характерны большие амфоровидные сосуды с ушками на уровне наибольшей выпуклости стенок, сосуды на подставках, украшенные коническими и клювовидными напелями, крышки. На закарпатских поселениях керамика содержит примесь шамота и песка, имеет лощеную поверхность. Среди форм выделяются конические миски, полусферические чаши, черпаки с широкими ручками, аналогичные керамике с поселений Оберин, Лучки, Тибава в Словакии [Siška, 1964].

На тисополгарских закарпатских поселениях встречаются также каменные топоры, кремневые и обсидиановые ножи, глиняные пряслица. Население упомянутой культуры пользовалось медными топорами, браслетами, рыболовными крючками, золотыми округлыми подвесками. На тисополгарских словацких памятниках найдены ядрища и нуклеусы из вольтинского кремня. Установлено, что тисополгарские памятники синхронны Триполью-Кукутени среднего периода [Siška, 1964, с. 43]. Возможно, что они доживают до позднего Триполья, так как тисополгарская керамика найдена на позднетрипольских поселениях Брынзены и Костешты в Молдавии [Титов, Маркевич, 1964, с. 86; Маркевич, 1981, с. 177].

Неолитическая культура каннелированной керамики сформировалась в верхнем течении Дуная, а затем распространилась в Среднее Подунавье и даже севернее Карпат в верховья Вислы. Она известна под различными наименованиями: баденская — в Австрии, печельская — в Венгрии, радиальной керамики — в Польше. Это было земледельческо-скотоводческое население, жившее в больших, иногда укрепленных поселениях. Ассортимент их орудий представлен каменными топорами, кремневыми ножами и скребками, костяными шильями, боевыми топорами-молотами, кремневыми наконечниками стрел. Керамика представлена мисками с внутренними перегородками, кувшинами и черпаками с высокими ручками, часто украшенными широкими пролощенными полосами-каннелюрами. Памятники этой культуры в целом датируются концом III тыс. до н.э. [Долуханов, Тимофеев, 1972, с. 51]. На территории Закарпатья следы поселений этой культуры в виде полуземлянок и керамических материалов обнаружены на многослойных поселениях Великие Лазы II, III, на Малой горе в Мукачево, у с. Осий Иршавского района [Потушняк, 1972, с. 83–84, 89–91]. Исторические судьбы поздних памятников этой культуры связаны с проблемой перехода к бронзовому веку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе на основании новых археологических источников была изложена история древнейшего населения Прикарпатья, Волыни и Закарпатья от периодов палеолита – древнего каменного века – по период неолита. Эта эпоха первобытнообщинного строя имеет большое значение в истории человеческого общества, так как на протяжении этого периода произошли существенные изменения в развитии производительных сил: от присваивающих форм хозяйства с охотой и собирательством человек перешел к воспроизводящим формам хозяйства – скотоводству, земледелию, что является свидетельством прогрессивного поступательного развития общества.

Человек изобрел и усовершенствовал орудия с помощью которых добывал необходимые для существования общества материальные блага, освоил огонь, научился сооружать разнообразные жилища и изготавливать керамику, изобрел лук и стрелы, а в конце эпохи появились и первые металлические изделия из меди.

Полученные в результате археологических исследований данные свидетельствуют о том, что постепенно увеличивалось количество древнего населения, человек заселял новые территории. Анализ археологических источников позволил проследить конкретные пути развития общества на территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья, пути расселения древних племен, характер взаимосвязей древнего населения региона с населением окружающих районов, определить наличие общих черт в развитии хозяйства, культуры и социального строя, отражающих общие закономерности в развитии общества, особенности развития социального строя от периода существования первобытного человеческого стада до появления патриархального родового строя.

На территории Прикарпатья, Волыни и Закарпатья прослежены археологические культуры, рассмотрены вопросы их возникновения, развития, этнического облика. Ряд описанных культур впервые выделен на основании новейших археологических исследований. Необходимо отметить, что окончательное решение рассмотренных проблем станет возможным лишь после дальнейших исследований. Авторы полагают, что настоящий труд будет полезным для всех, кто интересуется древнейшей историей нашей Родины и, в частности, историей древнейшего населения западного региона УССР.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Маркс К. Капитал. — М.: Госполитиздат, 1960. — Т.1. — (Сочинения // К.Маркс, Ф.Энгельс. — 2-е изд.; Т.23). — 2-е изд.; Т. 23).
- Энгельс Ф. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.20. — С. 343—626.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. — С. 5—338.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. — С. 23—178.
- Ленин В.И. О государстве // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 64—84.
- Ленин В.И. Аграрный вопрос и "критики Маркса" // Там же. — Т.5. — С. 95—268.
- Алексеева Л.И. Древнейшая фауна млекопитающих антропогена Юго-Европейской части СССР // Вопросы геологии антропогена. — М., 1961. — С. 31—40.
- Алексеева В.А. Сцинтиляторный вариант радиоуглеродного метода и его применение для датировки: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1961. — 18с.
- Андрианов М.С. Загальні відомості про клімат Радянських Карпат // Наук. зап. Чернівецьк. ун-ту. Сер. геогр. 1956. — Вып. 2. — С. 30—34.
- Анисюткин Н.К. Новая палеолитическая стоянка на Среднем Днестре // Бюл. КИЧП. — 1966. — Вып. 31. — С. 131—136.
- Анисюткин Н.К. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре // Археол. сб. Эрмитажа. — 1966. — Вып. 2. — С. 3—17.
- Анисюткин Н.К. Исследование памятников мустьерского времени в Черновицкой области // АО 1969 г. — М., 1970. — С. 219—220.
- Анисюткин Н.К. Жилой комплекс мустьерского поселения Кетросы в Поднестровье // Первобытная археология. — К.: Наук. думка, 1980. — С. 38—46.
- Анисюткин Н.К. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. — М.: Наука, 1981. — С. 7—53.
- Анучин В.А. География Советского Закарпатья. — М.: Географ. гиз, 1956. — С.47—64.
- Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. — К.: Наук. думка, 1981. — 309 с.
- Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині доби бронзи і раннього заліза. — К.: Наук. думка, 1982. — 194 с.
- Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів. — К.: Наук. думка, 1983. — 265 с.
- Артемько И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. — М.: Наука, 1967. — 140 с.
- Артюшенко А.Т. К истории растительности Прикарпаття в голоцене // Палинологические исследования осадочных толщ Украины и смежных районов. — К.: Наук. думка, 1976. — С. 86—94.
- Артюх В.С., Конопля В.М., Мацкевой Л.Г. и др. Обследования на территории Львова и Львовской области // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 262—263.
- Артюх В.С. Разведки на Шацких озерах / В.С.Артюх, В.М.Конопля, Л.Г.Мацкевой, Н.Г.Поцилуйко // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 248—249.
- Артюшенко А.Т., Арап Р.Я., Безусько Л.Г. История растительности западных областей Украины в четвертичном периоде. — Киев: Наук. думка, 1982. — 136 с.
- Бадер М.О. Мезолит // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука, 1970. — С. 90—102.
- Балагури Е.А. Слідами людей кам'яного віку // Балагури Е.А., Пеняк С.І. Закарпаття — земля слов'янська. — Ужгород: Карпати, 1976. — 160 с.
- Балагури Э.А., Гранчак И.М. К вопросу о заселении южной части Украинских Карпат в древности // Культура і побут населення Українських Карпат. — Ужгород: Ужгород. ун-т, 1973. — С.320—334.
- Балагури Э.А., Потушняк М.Ф. Археологические разведки и раскопки в Закарпатье // АО 1973 г. — м., 1974. — С. 255—256.
- Беззванская С.С. Разведки в северных районах Украины // Археологические исследования на Украине в 1967 г. — Киев, 1968. — С. 30—35.
- Бернякович К.В. Енеолітичне поселення на Малій горі біля Мукачева // Археологія. — 1966. — Т. 20. — С. 163—169.
- Бибиков С.Н. Об использовании улиток Helix в позднепалеолитическое время // МИА. — 1941. — № 2. — С. 140—141.
- Бібіков С.М. Верхньопалеолітичні знахідки на Середньому Подністров'ї // АП. — К., 1949. — Т. 2. — С. 232—238.
- Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Днестре // МИА. — 1953. — № 38. — 410 с.
- Бибиков С.Н. О хронологическом разделении памятников Триполья А и типа Гумельницы (Альдени II) на Юго-Западе СССР // ДСА СССР, VII, МК. 1966. — С. 93—99.
- Бибиков С.Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тез. докл. — Кишинев, 1967. — С. 12—15.
- Бибиков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. — 1969. — № 4. — С. 5—22.
- Бибиков С.Н. О ранних формах ремесленного производства // Домашний промысел и ремесло : Тез. расшир. заседания сектора Ср.Азии и Кавказа / ЛОИА АН СССР. — Л., 1970. — С. 3—6.

- Бибиков С.Н.* Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма // СА. — 1971. — № 4. — С. 11—22.
- Бибиков С.Н.* Древний музыкальный комплекс из костей мамонта. — Киев: Наук. думка, 1981. — С. 5—107.
- Богучкий А.Б.* Генезис лессов юго-западной окраины русской платформы // Тр. Междунар. симпоз. по литологии и генезису лессовых пород. — Ташкент, 1970. — Т.1. — С. 119—130.
- Богучкий А.Б., Свинкс М.Й.* Допалеогеновий карст серед верхньокрейдових відкладів Поділля // Доп. АН УРСР. — 1966. — № 1. — С. 163—164.
- Богучкий А.Б., Савич В.П., Татаринюк К.А.* Природа и развитие первобытного общества на территории юго-западной Волыни // Первобытный человек и природная среда в плейстоцене и голоцене. — М.: Наука. — 1974. — С. 143—148.
- Борисковский П.И.* Палеолит Украины // МИА. — 1953. — № 40. — С. 5—464.
- Борисковский П.И.* Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. — 1956. — № 1. — С. 3—19.
- Борисковский П.И.* Вопросы мезолита Чехословакии и Румынии // МИА. — 1966. — № 126. — С. 132—137.
- Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человека. — М.; Л.: Наука, 1978. — 222 с.
- Будько В.Д.* Памятники свидеро-грэнской культуры на территории Белоруссии // МИА. — 1966. — № 126. — С. 35—46.
- Вангейгем Э.А., Зажигин В.С.* Обзор фаунистических комплексов и фауны на территории СССР // Четвертичная система. — М.: Недра, 1982. — С. 267—278.
- Виноградова Н.М.* Памятники переходного этапа Триполья В I : В II в Поднестровье // СА. — 1972. — № 1. — С. 36—56.
- Возникновение и развитие земледелия.* — М., 1967. — 231 с.
- Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М.* Первые для СССР находки ашельского человека (Азербайджан, Азихская пещера) // Учен. зап. / Азерб. мед. инт. — 1970. — Т. 31. — С. 13—21.
- Габори М.* Мезолит // Археология Венгрии. Каменный век. — М.: Наука, 1980. — С. 66—72.
- Геоботаничне районування Української РСР.* — К.: Наук. думка, 1977. — 302 с.
- Герасимов М. М.* Раскопки позднепалеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР. — М.; Л., 1935. — С. 78—123.
- Герета І.П., Грибович Р.Т., Мацкевой та ін.* Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. — К.: Наук. думка, 1981. — 309 с.
- Гладилин В.Н.* Отчет о работах в Закарпатье в 1969 г. — Киев, 1970.
- Гладилин В.Н.* Королево — опорный памятник раннего палеолита в Закарпатье // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. : Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР. — Ужгород. 1978. — С. 15—16.
- Гладилин В.Н.* Итоги пятилетних исследований Закарпатской палеолитической экспедиции // Новейшие исследования советских археологов. — Киев, 1975. — С. 14—16.
- Гладилин В.Н.* Закарпатская палеолитическая экспедиция // АО 1980 г. — М., 1981. — С. 238.
- Гладилин В.Н., Кухарчук Ю.Г., Ткаченко В.Н.* Закарпатская палеолитическая экспедиция // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 312.
- Гладилин В.Н., Смирнов С.В.* Закарпатская палеолитическая экспедиция // АО 1969 г. — М., 1970. — С. 218.
- Гладилин В.Н., Солдатенко Л.В., Моця А.Н.* Закарпатская палеолитическая экспедиция // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 266—267.
- Гладилин В.Н., Пашкевич Г.А.* Палеогеография среднего и позднего вюрма Закарпатья по данным исследований в пещере Молочный Камень // Палеогеография древнего человека. — М.: Наука. — 1977. — С. 106—111.
- Головацкий Я.* Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галичине и Буковине // Тр. I археол. съезда в Москве. — М., 1871. — С. 219—242.
- Грибович Р.Т., Ярошинский Б.Х.* Археологические разведки в Прикарпатье и Волыни // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 273—274.
- Грибович Р.Т.* Исследование мезолитической стоянки Нобель I на Волыни // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 264—265.
- Грибович Р.Т.* Исследование стоянки Нобель I // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 271—272.
- Грибович Р.Т.* Некоторые данные о мезолите и природной среде мезолитического времени Западной Волыни // Палеогеография древнего человека. — М.: Наука, 1977. — С. 129—133.
- Грибович Р.Т.* Мезолитические памятники возле с. Красноселье // АО 1977. — М., 1978. — С. 315.
- Грибович Р.Т.* Мезолітична стоянка Нобель I на Волині // Археологія. — 1980. — 35. — С. 53—62.
- Грибович Р.Т., Петегирич В.М., Павлюк Д.Ю.* Исследования на Волыни // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 316.
- Григорьев Г.П.* Начало верхнего палеолита и возникновение Homo sapiens. — Л.: Наука. — 1968. — 173 с.
- Григорьев Г.П.* Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука. — 1970. — С. 43—63.
- Григорьева Г.В., Кланчук М.И.* Позднепалеолитическая стоянка в Ивано-Франковской области // КСИА АН СССР. — 1981. — Вып. 165. — С. 58—62.
- Громов В.И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. Ин-та геол. наук. — 1948. — Вып. 64. — 520 с.
- Громов В.И., Краснов И.И., Никифорова К.В.* Принципы стратиграфического подразделения четвертичной системы и ее нижняя граница // Хронология четвертичного периода. — М.: Наука. — 1960. — С. 5—18.
- Громов В.И., Краснов И.И., Никифорова К.В., Шанцер Е.В.* Состояние вопроса о нижней границе и

- стратиграфическом подразделении антропогенной (четвертичной) системы // Вопросы геологии антропогена. — М.: Наука, 1961. — С. 7—19.
- Гурина Н.Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА АН. — 1974. — Вып. 138. — С. 12—23.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. — Баку: Элм, 1985. — 73 с.
- Данченко В.Н. Неолит Украины. — Киев: Наук. думка, 1969. — 258 с.
- Дебиз Г.Ф. Новые данные соотношений галечной индустрии австралопитековых обезьян и древнейших людей // Сов. этнография. — 1964. — № 5. — С. 114—116.
- Дергачев В.Н. Памятники позднего Триполья. — Кишинев, 1980. — 208 с.
- Долуханов П.М. География каменного века. — М.: Наука, 1979. — 151 с.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблема абсолютного датирования в археологии. — М.: Наука, 1972. — С. 28—75.
- Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. Палеографические рубежи верхнего плейстоцена-голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-востоке Европы // Палеозология древнего человека. — М.: Наука, 1977. — С. 134—145.
- Ефименко П.П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы // СА. — 1956. — Т. 26. — С. 28—53.
- Звезц И.И. Древние земледельцы среднего течения Южного Буга во второй половине IV тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1975. — 19 с.
- Закарпатський державний краєзнавчий музей: Путівник. — Ужгород, 1958. — 62 с.
- Звизняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1979. — 19 с.
- Замятин С.Н. Раскопки у с. Гагарино // Палеолит СССР: Материалы по изуч. родового об-ва. — М., Л., 1935. — С. 26—77.
- Захарук Ю.Н. Поселение энеолитического времени в с. Зимно Вольнской области // КСИА. — К., 1955. — Вып. 4. — С. 114—115.
- Захарук Ю.Н. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лінійного посуду та трипольською // МДАПВ. — 1959. — Вип. 2. — С. 54—72.
- Захарук Ю.Н. Вопросы хронологии энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Вольни // КСИА. — 1962. — Вып. 12. — С. 48—52.
- Захарук Ю.М. Пам'ятки культури лінійно-стрічкової кераміки // Археологія Української РСР. — К.: Наук. думка, 1971. — Т. 1. — С. 96—103.
- Збенович В.Г. Хронологія пізнього Трипілья // Археологія. — 1971. — Вип. 7. — С. 3—25.
- Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1974. — 175 с.
- Збенович В.Г. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши // САИ. — 1976. — Т. 16. — С. 21—28.
- Збенович В.Г. Поселение Бернашовка на Днестре (к происхождению трипольской культуры). — Киев: Наук. думка, 1980. — 180 с.
- Иванова И.К. Стратиграфическое положение молдавских палеолитических стоянок на Среднем Днестре в свете общих вопросов стратиграфии и абсолютной геохронологии верхнего плейстоцена Европы. — М.: Наука, 1965. — С. 123—140.
- Иванова И.К. Стратиграфия верхнего плейстоцена Средней и Восточной Европы по данным изучения лессов // Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. — М.: Наука, 1966. — С. 25—59.
- Иванова И.К. Природные условия обитания людей каменного века в бассейне р. Днестр // Палеогеография древнего человека. — М.: Наука, 1977а. — С. 7—18.
- Иванова И.К. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья // Многослойная стоянка Кормань IV. — М.: Наука, 1977б. — С. 126—180.
- Иванова И.К. О геохронологии и стратиграфии позднего плейстоцена // Геохронология четвертичного периода. — М.: Наука, 1980. — С. 102—115.
- Иванова И.К. Ископаемый человек и его культура // Четвертичная система. — М.: Недра, 1982. — С. 382—411.
- Иванова И.К., Ренгартен Н.А. Материалы к геологии и палеонтографии палеолитической стоянки Кульчишка (Тернопольская обл. УССР) // Бюл. КИЧП. — 1975. — № 44. — С. 52—68.
- Иванова И.К., Ренгартен Н.В., Болюховская Н.С. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы, мустьерская стоянка на Среднем Днестре. — М.: Наука, 1981. — С. 152—161.
- Иванов Б.М. До питання про розвиток рельєфу Карпат в четвертинному часі // Праці експедиції по комплексному вивченню Карпат і Прикарпаття. Сер. геолого-географічна. — 1956. — Т. 3. — С. 3—21.
- Ивано-Франковский краеведческий музей: Путеводитель. — Ужгород: Карпаты, 1979. — С. 3—95.
- Исвенко В.Ф. Каменный век Белоруссии в свете нового исследования Полесья // Древности Белоруссии. — Минск, 1969. — С. 28—70.
- Исвенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. — Минск: Наука и техника, 1976. — 128 с.
- Канивец В.И. Отчет об археологической разведке в Западной Украине в 1952 г. — Киев, 1952. — 1—25. (Арх. Ин-та Археологии АН УССР. — Ф. 1952 / 16).
- Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита. — Кишинев: Штинца, 1973. — 180 с.
- Клалчук М.М. Раскопки верхнепалеолитического местонахождения Межигирцы I // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 302—303.

- Клячук М.М.* Палеолітичні та мезолітичні місцезнаходження поблизу Деятина // *Археологія*. — 1980. — Вип. 34. — С. 65—75.
- Кларк Ю.Д.* Доисторическая Африка. — М.: Наука, 1977. — 264 с.
- Кожин П.М., Фролов Б.А.* Становление человеческого общества // *ВДИ*. — 1968. — № 4. — С. 171—179.
- Колосов Ю.Г.* Мезолит // *Археологія УРСР*. — К.: Наук. думка, 1971. — Т. 1. — С. 64—77.
- Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. — М.: Наука, 1977. — 216 с.
- Конопля В.М.* Работы в Млыновском районе // *АО* 1977 г. — М., 1978. — С. 333—334.
- Конопля В.М.* Рятувальні розкопки поблизу Млинова на Волині // *Археологія*. — 1978. — Вип. 28. — С. 102—103.
- Конопля В.М.* Исследования поселений у сел Ярославичи и Малые Дорогостай // *АО* 1979 г. — М., 1980. — С. 286—287.
- Конопля В.М., Никольченко Ю.М.* Работы Ровенского отряда // *АО* 1978 г. — М., 1979. — С. 343—344.
- Конопля В.М.* Работы Прутской экспедиции // *АО* 1982 г. — М., 1984. — С. 276—277.
- Копытин В.Ф.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж // *КСИА АН СССР*. — 1975. — № 141. — С. 63—67.
- Коробкова Г.Ф.* Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры // *АО* 1973 г. — М., 1974. — С. 420—421.
- Коробкова Г.Ф.* Экспериментально-трассологическое изучение производства трипольского общества // *АО* 1974 г. — М., 1975. — С. 439—440.
- Коробкова Г.Ф.* Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трассологические исследования // *Первобытная археология — поиски и находки*. — К.: Наук. думка, 1980. — С. 212—225.
- Кравець В.П.* Ранньотрипольське поселення в Городниці на Дністрі // *МДАПВ*. — 1954. — Вип. 1. — С. 49—66.
- Кравець В.П.* Изучение поздне трипольских памятников в Верхнем Поднестровье // *КСИА*. — 1955. — Вып. 4. — С. 233—235.
- Крыжевская Л.Я.* Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ // *МИА*. — 1966. — № 126. — С. 47—63.
- Кричевський Е.Ю.* Ранній неоліт і походження трипольської культури // *Палеоліт і неоліт України*. — К., 1947. — Т. 1. — С. 323—407.
- Круц В.А.* Поздне трипольские памятники Среднего Поднепровья. — Киев: Наук. думка, 1977. — 160 с.
- Крушельницкая Л.И., Конопля В.М.* Работы в Верхнем Поднестровье // *АО* 1983 г. — М., 1985. — С. 300—301.
- Кухаренко Ю.В.* Первобытные памятники на территории Полесья // *САИ*. — 1962. — Вып. Б 1—18. — 24 с.
- Кучугура Л.І.* До заселення лівобережжя Середнього Дністра кам'яної доби // *Тези доп. обл. наук. конф. "Проблеми історичної географії Поділля"*. — Кам'янець-Подільський, 1982. — С. 47—48.
- Кучугура Л.И.* Раскопки многослойного поселения Врублевцы // *АО* 1981 г. — М., 1983. — С. 231—232.
- Кучугура Л.И.* Изучение многослойного поселения Врублевцы на Среднем Днестре // *АО* 1982 г. — М., 1984. — С. 287.
- Левенок В.П.* Мезолит Среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // *МИА*. — 1966. — № 126. — С. 88—98.
- Левицький І.Ф.* Довгинацька палеолітична стація // *Археологія*. — 1930. — Т. 3. — С. 153—159.
- Левицький І.Ф.* Гонцивська палеолітична стоянка // *Палеоліт і неоліт України*. — 1947. — Т. 1. — С. 197—236.
- Левицький І.Ф., Телєгін Д.Я.* Дослідження стоянки в ур. Минівський Яр на Сіварському Дінці // *АП*. — 1956. — Т. 6. — С. 183—188.
- Львівський історичний музей* : Путівник. — К.: Реклама, 1966. — 66 с.
- Маркевич В.Н.* Исследование неолита на Среднем Днестре // *КСИА*. — 1965. — Вып. 105. — С. 85—90.
- Маркевич В.Н.* Неолит Молдавии : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1966. — 30 с.
- Маркевич В.Н.* Поздне трипольские племена Северной Молдавии. — Кишинев, 1981. — 190 с.
- Массон В.М.* Метод палеоэкономического анализа в археологии // *КСИА*. — 1971. — Вып. 127. — С. 39.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976. — 192 с.
- Мацкевой Л.Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. — К.: Наук. думка, 1977 а. — 180 с.
- Мацкевой Л.Г.* Некоторые особенности мезолита Предкарпатья // *Палеоэкология древнего человека*. — М.: Наука, 1977 б. — С. 123—129.
- Мацкевой Л.Г.* Дослідження пам'яток мезоліту та раннього неоліту на Західному Поділлі, Предкарпатті та Закарпатті // *Тези доп. V Поділ. іст.-краєзнав. конф.* — Кам'янець-Подільський, 1980 а. — С. 111—112.
- Мацкевой Л.Г.* Исследования памятников мезолито-неолита в западных областях Украины // *АО* 1979 г. — М., 1980 б. — С. 303—305.
- Мацкевой Л.Г., Артюх В.С.* О работах Прикарпатской мезолито-неолитической экспедиции // *АО* 1973 г. — М., 1974. — С. 307—308.
- Мясяц В.А.* Житомирская раннепалеолитическая стоянка // *КСИА*. — 1962. — Вып. 12. — С. 53—56.
- Мясяц В.А.* Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира // *КСИА*. — 1962. — Вып. 92. — С. 54—55.
- Мовша Т.Г.* Новое поздне трипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье // *СА*. — 1964. — № 1. — С. 131—145.

- Мовша Т.Г.* Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля // *Археологія*. — 1972. — Вип. 5. — С. 3—24.
- Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы (каменный век). — М.: Наука, 1973. — С. 1—355.
- Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час.* — К.: Наук. думка, 1976. — 220 с.
- Неолит и энеолит юга Европейской части СССР.* — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 149 с.
- Никифорова К.В.* О стратиграфическом положении астия / Вопросы геологии антропогенеза : Докл. сов. геологов на VI конгр. — М.: Наука, 1961. — 222 с.
- Никифорова К.В.* Общая стратиграфическая шкала верхнеплейстоценовых и четвертичных отложений на территории СССР // Четвертичная система. — М.: Недра, 1982. — 440 с.
- Окладников А.П.* К вопросу о мезолите и эпилеолите в Азиатской части СССР // *МИА*. — 1966. — № 126. — С. 213—223.
- Островский М.И.* Палеолит міжріччя Стирі і Горині // Тези доп. Поділ. іст.-краєзнав. конф. — Кам'янець-Подільський, 1965. — С. 66—67.
- Островский М.И., Григорьев Г.П.* Липская палеолитическая культура // *СА*. — 1966. — № 4. — С. 3—13.
- Охотники, собиратели, рыболовы.* — Л.: Наука, 1972. — 288 с.
- Охрименко Г.В.* Новые свидерские памятники на Волини // Актуальные проблемы археологических исследований на Украине : Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. — К., 1981. — С. 12.
- Охрименко Г.В., Телегин Д.Я.* Нові пам'ятки мезоліту та неоліту Волині // *Археологія*. — 1982. — Вип. 39. — С. 64—77.
- Палеоэкология древнего человека.* — М.: Наука, 1977. — 244 с.
- Палеолит СССР.* — М.: Наука, 1984. — 382 с.
- Пассек Т.С.* Периодизация трипольских поселений (III—II тыс. до н.э.). — М., 1949. — 248 с. — (*МИА*; № 10).
- Пассек Т.С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // *МИА*. — 1961. — № 81. — С. 2—203.
- Пассек Т.С., Черныш Е.К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // *САИ*. — 1963. — Вып. 6—11. — С. 3—44.
- Пассек Т.С., Черныш Е.К.* Неолит Северного Причерноморья // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука, 1970. — С. 117—133.
- Пастернак С.И.* Биостратиграфика крейдовых відкладів Волино-Подільської плити. — К., 1959. — С. 48—53.
- Пешкевич Г.А.* Палеонтологические исследования разреза стоянки Кормань IV // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. — М.: Наука, 1977. — С. 105—111.
- Пелецишин М.А.* Древнее население Западной Волини в III тыс. до н.э. (культура воронковидных сосудов) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1967. — 16 с.
- Пелецишин М.А.* Племена культуры линейно-стрічкової кераміки // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. — К., 1974. — С. 97—104.
- Пелецишин М.А.* Стародавні племена Прикарпаття і Західної Волині за доби неоліту та енеоліту // Там же. — С. 96—152.
- Пелецишин Н.А.* Разведки и раскопки во Львовской области // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 321—322.
- Пелецишин Н.А., Михальчишин И.Р., Корчинский О.М.* Разведки на Буге и верхнем Днестре // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 384—386.
- Пеняк С.И.* Коллекция сборов близ пос. Перечина в 1970 г. и г. Свалявы (с. Голубино) в 1976 г. (Фонды Ужгород. краевед. музея за 1980 г.).
- Пеняк С.И., Попович И.И., Потушняк М.Ф.* Археологические исследования в Ужгородском районе Закарпатской области // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 336—337.
- Пеняк С.И., Попович И.И., Потушняк М.Ф.* Раскопки в зонах новостроек Закарпатья // АО 1976 г. — М.; 1977. — С. 352—353.
- Петрунь В.Ф.* Повідомлення на 13-й археологічній конференції Інституту археології АН УРСР в 1968 р.
- Підоплічко І.Г.* О ледниковом периоде. — Киев : Изд-во АН УССР, 1946—1954. — Вип. 1—3.
- Підоплічко І.Г.* Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. — К., 1956. — Вип. 2.
- Підоплічко І.Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — Киев : Наук. думка, 1969. — 163 с.
- Палікарповіч К.М.* Даисторычныя стоянкі сярэдняга і ніжняга Сожа // Запіскі акадэміі гуманітарных навук. Праці кафедры археалогіі. — Мінск, 1928. — Т. 1. — С. 123—252.
- Попова Т.А.* Кремнеобработывающее производство трипольских племен (по материалах поселения Поливанов Яр) // Первобытная археология — поиск и находки. — Киев, 1980. — С. 145—162.
- Потушняк М.Ф.* Питання хронології та культурної належності пам'яток неоліту та енеоліту Закарпаття // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. — Ужгород, 1972. — С. 76—95.
- Потушняк М.Ф.* Исследование памятников новокаменного века в Закарпатье // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 323—324.
- Потушняк М.Ф.* Неолітичне поселення Дякове I на Закарпатті // *Археологія*. — 1979. — Вип. 30. — С. 57—76.
- Потушняк М.Ф.* Коллекция сборов у с. Дибровки. — (Фонды Ужгородского краеведческого музея за 1980 г.).
- Потушняк М.Ф.* Неолітична стоянка Дібрівка. // Наук. зап. Ужгород. держ. ун-ту. — Ужгород. — Т. 20. — 1956. — С. 105—129.
- Пронин В.В.* Коллекция сборов на Чернецкой горе. (Фонды Ужгор. краевед. музея и экспозиция Мукачева. музея за 1980 г.).

- Раскатов Г.И.* К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья // Бюл. КИЧП. — 1953. — № 18. — С. 64–75.
- Раскатов Г.И.* О находке древнепалеолитических орудий у с. Буквина на Днестре и ее стратиграфическом значении // Геол. сб. ун-та, — 1954. — Т. 1. — С. 73–75.
- Рамантене Р.К.* Палеолит и мезолит Литвы. — Вильнюс : Минтис, 1971. — 204 с.
- Ровенский краеведческий музей* : Путеводитель. — Львов : Каменяр, 1982. — 79 с.
- Розгачев А.Н.* Некоторые вопросы изучения эпилеолита Восточной Европы // МИА. — 1966. — № 126. — С. 9–13.
- Rogge Н.Г.* Материалы для археологии Волыни // Тр. третьего археол. съезда в Киеве. — Киев, 1878. — Т.1. — С. 1–120.
- Розинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. — М. : Высш. шк., 1963. — 488 с.
- Рудинський М.Я.* Дубно-Кременецька палеолітична експедиція // АП 1952. — Т. 4. — С. 143–154.
- Савич В.П.* Багатошарова палеолітична стоянка Липа VI // Матеріали до дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — 1962. — Вип. 4. — С. 19–27.
- Савич В.П.* Мустьєрські знахідки біля с. Липа Ровенської обл. // МДАПВ. — 1964. — Вип. — С.15–17.
- Савич В.П.* До питання про співвідношення пам'яток пізнього палеоліту Південно-Західної Волині і Подністров'я // Матеріали II Поділ. іст.-краснав. конф. — Львів, 1968. — С. 110–111.
- Савич В.П.* Памятники позднепалеолитического населения Юго-Западной Волыни : Автореф. дис. ... ист. наук. — Киев, 1969. — 19 с.
- Савич В.П.* Мезолітичне населення Волині // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. — Киев.: Наук. думка, 1974. — С. 88–95.
- Савич В.П.* Итоги исследования многослойного памятника Кульчицка в г. Кременец // Материалы по четвертичному периоду Украины : К IX конгр. ИНКВА. — Киев, 1974. — С. 412–423.
- Савич В.П.* Позднепалеолитическое поселение на горе Кульчицка в г. Кременец (Тернопольской обл. УССР) // Бюл. КИЧП. — 1975а. — № 44. — С. 41–51.
- Савич В.П.* Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині — К.: Наук. думка, 1975б. — 136с.
- Савич В.П.* Жилище верхнего позднепалеолитического слоя стоянки Кульчицка в Тернопольской обл. // Бюл. КИЧП. — 1977. — № 47. — С. 121–127.
- Савчук А.П.* Мезолітичні знахідки на Горині // Археологія. — 1979. — Вип. 30. — С. 51–56.
- Свешніков І.К.* Розкопки в с. Костянці на полі Лиственщина // АП. — 1952. — Т.4. — С. 131–139.
- Свешніков І.К.* Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни // СА. — 1954. — Т. 20. — С. 100–130.
- Свешніков І.К.* Підсумкові дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західної Волині. — Львів, 1958. — 29 с.
- Свешніков І.К.* Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области // КСИА. — 1964. — Вип. 97. — С. 127–134.
- Свешніков І.К.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. — К.: Наук. думка, 1974. — 207 с.
- Свешніков І.К., Нікольченко Ю.М.* Довідник з археології України. Ровенська область. — К.: Наук. думка, 1982. — 116 с.
- Свешніков І.К., Конопля В.М.* Работы Ровенской экспедиции // АО 1981 г. — М., 1982. — 319 с.
- Семенов С.А.* Первобытная техника // МИА. — М., 1957. — № 54. — 240 с.
- Семенов С.А.* Некоторые проблемы земледелия в свете трассологических и экспериментальных исследований // Тез. докл., посвящ. итогам археол. исслед. в 1970 г. в СССР. — Тбилиси : Мачиереба, 1971. — С. 3–6.
- Сытник А.С.* Мустьєрская стоянка под Тернополем // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 389.
- Сытник А.С.* Исследования палеолита на Тернопольщине // АО 1978 г. — М., 1979. — С.409–410.
- Сытник А.С.* Исследования тернопольской палеолитической экспедиции // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 343.
- Сытник А.С.* Новые данные о палеолите Тернопольщины // АО 1980 г. — М., 1981. — С.313–314.
- Сытник А.С.* Новые палеолитические и мезолитические памятники Приднестровья // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 332–333.
- Смирнов С.В.* Крем'яний комплекс орін'якського місцезнаходження Берегове II в Закарпатті // Археологія. — 1973. — Вип. 8. — С. 59–67.
- Смирнов С.В.* Нові пізньопалеолітичні місцезнаходження на Закарпатті // Археологія. — 1975. — Вип. 16. — С. 57–60.
- Смішко М.Ю.* Археологічні дослідження в західних областях України за роки Радянської влади // МДАПВ. — 1959. — Вип. 2. — С. 5–26.
- Сова П.П.* Палеолітичні місцезнаходження в Ужгороді // Археологія. — 1964. — 17. — С. 180–187.
- Солдатенко Л.В.* Мустьєрські пам'ятки Закарпаття / До археологічної карти УРСР // Археологія. — 1982. — Вип. 37. — С. 73–83.
- Стародавнє населення Прикарпаття і Волині.* — К. : Наук. думка, 1974. — С. 286.
- Татаринов К.А.* Плейстоценовые позвоночные Подолии и Прикарпатья // Бюл. КИЧП. — 1966. — № 32. — С. 51–62.
- Татаринов К.А.* Фауна позвоночных антропогенных отложений Подолии и Прикарпатья и ее стратиграфическое значение // Материалы по четвертичному периоду Украины. — Киев : Наук. думка, 1974. — С. 55–63.
- Тезиси докладов сессии отделения истории, посвященных итогам полевых исследований 1969 года.* — М.: Наука, 1970. — 70 с.
- Телегін Д.Я.* Дніпро-донецька культура. — К. : Наук. думка, 1968. — 259 с.
- Телегін Д.Я.* Дніпро-донецька культура // Археологія Української РСР. — К.: Наук. думка. — 1971. Т. 1. — С. 112–128.

- Телегин Д.Я.* Новые памятники линеинно-ленточной керамики на Украине // СА. — 1979. — №20. — С. 229—234.
- Телегин Д.Я.* Племена днепро-донецкой культуры // История Украинской ССР. — К. : Наук. думка, 1981. — Т. 1. — С. 67—69.
- Телегин Д.Я.* Підсумки та завдання вивчення доби мезоліту і неоліту на Україні // Археологія. — 1982. — Вип. 40. — С. 34—48.
- Телегин Д.Я.* Мезолітичні пам'ятки України. — К. : Наук. думка, 1982. — 252 с.
- Титов В.С.* Итоги работы Закарпатской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971. — С. 237—239.
- Титов В.С.* Раскопки на Кремнистом холме и на Болотном городище // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 363—364.
- Титов В.С.* Археология Венгрии (каменный век). — М. : Наука, 1980. — 417 с.
- Титов В.С., Маркевич В.И.* Новые данные о западных связях позднего Триполья // СА. — 1974. — №3. — С. 150—164.
- Урысон М.И.* Истоки рода человеческого в свете новейших данных // Вопр. истории. — 1976. — №1. — С. 92—101.
- Фейнберг Л.А.* Возникновение и развитие родового строя // Первобытовое общество. — М. : 1975. — С. 49—87.
- Физико-географическое районирование Украинской ССР.* — Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1968. — 683 с.
- Фролов В.А.* Числа в графике палеолита. — Новосибирск : Наука, 1974. — 234 с.
- Цысь П.М.* Схема геоморфологического районирования западных областей УССР // Геогр. сб. — 1951. — Вип. 1. — С. 22—23.
- Цысь П.М.* Геоморфология УРСР. — Львів : Вид-во Льв. ун-ту, 1962. — 222 с.
- Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. — М. : Изд-во иностр. лит., 1952. — 468 с.
- Чердынцева В.В.* Абсолютная хронология палеолита // Палеолит и неолит СССР. — 1971. — Вип. 6. — С. 298—313.
- Чернівецький краєзнавчий музей :* Путівник. — Карпати, 1967. — 94 с.
- Черныш А.П.* Палеолитическая стоянка Бабьин I // КСИИМК. — 1953. — Вип. 49. — С. 56—64.
- Черныш А.П.* Пещера с древними рисунками // Бюл. КИЧП. — 1953. — Вип. 18. — С. 99—103.
- Черныш О.П.* Карта палеоліту УРСР // Наук. зап. Ін-ту сусп. наук. — 1954. — Т. 2. — С. 67—143.
- Черныш А.П.* Поздний палеолит Среднего Приднестровья // Тр. КИЧП. — М., 1959. — Т. 15. — С. 214.
- Черныш О.П.* Новая пам'ятка первісного мистецтва // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — К.: Вид-во АН УРСР, 1959. — Вип. 2. — С. 73—86.
- Черныш А.П.* Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья (1946—1957) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и СРР. — Кишинев, 1960. — С. 3—22.
- Черныш А.П.* Некоторые вопросы периодизации и геологической датировки палеолита Юго-Запада Европейской части СССР в связи с новыми данными многослойных стоянок долины р. Днестр // Тр. КИЧП. — 1961. — Т. 18. — С. 89—92.
- Черныш О.П.* Палеолітична стоянка Молодове V. — К. : Вид-во АН УРСР, 1961. — С. 174.
- Черныш А.П.* К вопросу о времени сложения родового строя // Крат. сообщ. Одес. археол. музей, 1962 г. — Одесса, 1964. — С. 81—84.
- Черныш А.П.* Ранний и средний палеолит Поднестровья. — М. : Наука, 1965. — 138 с.
- Черныш О.П.* Основні підсумки досліджень палеоліту Подністров'я // Укр. іст. журн. — 1968. — №11. — С. 100—104.
- Черныш О.П.* Основні підсумки археологічного вивчення території західних областей УРСР за роки Радянської влади // Там же. — 1968. — №2. — С. 102—107.
- Черныш О.П.* Наукова сесія у Львові // Археологія. — 1971. — Вип. 2. — С. 112.
- Черныш А.П.* Палеолит и мезолит Приднестровья. — М. : Наука, 1973а. — 127 с.
- Черныш О.П.* Багатошарова стоянка Кормань IV і її стратиграфічне значення // Археологія. — 1973б. — Вип. 9. — С. 42—54.
- Черныш А.П.* Палеолитическая стоянка Кормань IV // Материалы по четвертичному периоду Украины. — Киев, 1974. — С. 399—411.
- Черныш О.П.* Мезолітичне населення Подністров'я // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Доба первіснообщинного ладу. — К. : Наук. думка, 1974. — С. 75—88.
- Черныш О.П.* Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. — К. : Наук. думка, 1975. — 167 с.
- Черныш А.П.* Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. — М. : Наука, 1977. — С. 7—77.
- Черныш А.П.* О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями 1976 г. стоянки Молодова // У истоков творчества. — Новосибирск : Наука, 1978. — С. 18—23.
- Черныш О.П.* До питання про час виникнення мистецтва // Вісн. АН УРСР. — 1979. — С. 46—50.
- Черныш А.П.* Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Унікальне мустьєрське поселення на Среднем Днестре. — М. : Наука, 1982. — С. 6—102.
- Черныш О.П.* Особливості соціального ладу мустьєрської доби та домустьєрського часу // Вісн. АН УРСР. — 1983. — №6. — С. 42—46.
- Черныш О.П.* Мустьєрські житла в Подністров'ї // Археологія. — 1983. — Вип. 44. — С. 3—6.
- Черныш А.П., Демедюк И.С.* Новые данные о палеолите Закарпаття // Бюл. КИЧП. 1972. — Вип. 38. — С. 129—133.
- Черныш Е.К.* К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье // МИА. — 1962. — №102. — С. 7—85.
- Черныш Е.К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. — М., 1982. — С. 165—241.
- Четвертинья система.* — М. : Недра, 1982. — 440 с.

- Шмаглій М.М.* Городсько-волинський варіант пізньотрипільської культури // Археологія. — 1966. — Т. 20. — С. 15—37.
- Шоєкоплас І.Г.* Добраничевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. — 1955. — Вып. 55. — С. 32—45.
- Шоєкоплас І.Г.* Палеолітична стоянка Радомишль // Археологія. — 1964. — Т. 16. — С. 89—102.
- Шоєкоплас І.Г.* Мезинская стоянка. — Киев : Наук. думка, 1965. — 326 с.
- Янцис Л.Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. — 1966. — Вып. 126. — С. 114—123.
- Anisiutkin N.K., Banesz L.* Moustierske nalezisko Turá na Zakarpatsje Ukraine // Vychodno-Slavenski Pravek. — 1971. — N 2. — S. 5—10.
- Bagniewski Z.* Kultura komornicka na Dolnym Śląsku. — Warszawa, 1976. — P. 3—223.
- Banesz L.* Die problematik der päläolithischen Besiedlung in Tibava // SA. — 1960. — 8, N 1. — S. 747.
- Banesz L.* Prirodne prostredie, hospodarska zakladna a materialna kultura Aurignacienu Strednej Europy // SA. — 1976. 24, N 1. — S. 5—78.
- Barta J.* Pleistocénne piesočné duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osídlenie // SA. — 1957. — 5, v. 1. — S. 5—72.
- Boguckij A.B.* Stratigrafia lessów wyzny Wołyńskiej // Przewodnik sympozjum krajowego; Litologia i stratygrafia lessów w Polsce. — Warszawa, 1972.
- Boroneant V.* Descoperiri archeologice innere Pesteri din defileul Dunarii // Speologia. — Bucuresti, 1979. — P. 140—185.
- Bosinski G.* Die rekonstruktion des Gönnersdorfer Hauses // Ausgrabungen in Deutschland. — Mainz, 1975. — Bd 1, T. 3. — S. 255—270.
- Bryk J.* Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej części południowego Wołynia // Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. — 1928. — T. 5, z. 2. — 631 s.
- Cynkałowski A.* Osiedle kultury trypolskiej w Bodakach nad Horyniem. — Warszawa, 1969. — S. 265.
- Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów w Wołynia i Polesia Wołyńskiego. — Warszawa, 1961. — S. 3.
- Demetrykiewicz W.* Vorgeschichte Galiziens, Osterreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. — Wien, 1888. — 120 S.
- Demetrykiewicz W.* Poszukiwania archeologiczne w pow. Trembowelskim w Galicji Wschodniej // Materiały archeologiczno-antropologiczne. — Kraków, 1900. — T. 4. — S. 92—125.
- Dumitrescu V.* Cronologia absoluta a eneoliticului românesc în lumina datelor C₁₄ // Apulum, v. 12, Alba Julia.
- Dunkel Rolf und Eda.* Ein spatpäläolithischer Rastplatz bei Taucha, Kr. Leipzig // Ausgrabungen und Funde. — Berlin, 1977. — Bd 22, H. 1. — S. 6—10.
- Felgenhauer F.* Willendorf in der Wachau, Monographie der Päläolithfund stellen I—VII. Mitt. der Prähistorische Kommission der Osterreichischischen Akademie d. Wiss. — Wien, 1956—1959. — Bd 8/9. — 217 s.
- Fridrich J.* Paleolitické osídlení v Becové o Most // Archeologické Rozhledy. — 1972. — 24, N 3. — S. 249—259.
- Fridrich J.* Počátky mladopaleolitického osídlení Čech. — 1973. — 25, N 4. — S. 392—442.
- Gabori M.* Az epipaleolitikum lelohelye Honton // Archeologiai Ertesito. — 1956a. — 83, sz. 2. — 125—138.
- Gabori M.* Mezolitikus leletek Szodligetrol // Archeologiai Ertesito. — Budapest, 1956b. — 83, sz. 2. — 177—182.
- Gardawski A.* Zagadnienie kultury "ceramiki grebykowej" w Polsce // WA. — 1958, 25. — S. 300—308.
- Głusk J.* Wołyńsko-podolskie materiały z epoki kamiennej i wczesnej epoki brązu w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie // MS. — 1962. — 7. — S. 125—216.
- Gramsch B.* Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. — Berlin, 1973. — T. 1. — 173 S.
- Gribowicz R.* Kranoselye I—II // Early Man News 3/4. — Tübingen, 1980. — P. 34.
- Hadaczek K.* Osada przemysłowa w Koszytówcach z epoki neolitu. — // Sprawozdanie z czynności Akad. — Kraków, 1912a. — 73 s.
- Hadaczek K.* Kultura dorzeczka Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego // MA. — 1912b. — 12. — S. 23—28.
- Hahn J.* Das Arignacien in Mittel- und Osteuropa // Acta praehist. et archeol. — 1972. — N 3. — S. 81—84.
- Jankovič J.* Podkarpatska Rus v prehistorii. — Mukačevo: Novina, 1931. — 56 s.
- Janusz B.* Z pradziejów Ziemi Lwowskiej. — Lwów, 1913 — 93 s.
- Janusz B.* Kultura przedhistoryczna Podola Galicyjskiego. — Lwów, 1913. — 59 s.
- Jelinek J.* Wielki atłas prehistorii człowieka. — Warszawa : Państw. wyd. Roln. i Leśn., 1977. — 557 s.
- Kahlke H.-D.* Ausgrabungen auf vier Kontinenten. — Leipzig etc. : Urania, 1967. — S. 263.
- Kempisty A.* Pierwszy grób kultury wstęgowej ceramiki rytey na Lubelszczyźnie w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów // WA. — 1962. — N 2. — S. 28.
- Kirkor A.* O grobach kamiennych na Podolu Galicyjskim // ZWAK, 1877 — T. 1. — S. 1—80.
- Klima B.* Druhý siedlní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Vestonicích // Archeologické rozhledy. — 1952. — 4, z. 3/4. — S. 193—197.
- Klima B.* Nova paleolitická stanica v Gotvaldove — Loukach // Antropozoikum 5. — Praha, 1955. — S. 425—450.
- Klima B.* Dolní Vestonice, výzkum taboristé loveu mamutu v letech 1947—1952. — Praha, 1963. — S. 1—260.
- Kostrzewski J.* Od mezolity do okresu wędrówek ludów // Przechistoria ziem Polskich. — Kraków, 1939—1948. — S. 103—307.
- Kostrzewski J.* The North—Eurasian Pottery in Poland // Palaeologia. — 1954. — v. 3. — N 3. — P. 195—204.
- Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.* Pradzieje Polski. — 2 wyd. — Wrocław etc., 1965. — 428 s.
- Kozłowski I.K., Kozłowski S.K.* Pradzieje Europy od XV do IV tysiąclecia p.n.e. — Warszawa, 1915. — P. 7—594.
- Krukowski S.* Paleolit Polski. — Kraków, 1939. Enzyklopedia Polisy. — T. 1. — S. 3—117.

- Kulczycka A.* Uwagi o chronologii kultury starszej ceramiki wstęgowej w górnym dorzeczu Wisły // *Studia i materiały do badań nad neolitem małopolskim.* – Wrocław etc., 1964. – S. 34.
- Mažalek* Na okraj Československého mesolitu // *Antropozoikum.* – Praha, 1954. – T. 4. – S. 373–425.
- Monah P.* Datorea prin C₁₄ a etapei Cucuteni // *ASCIVA.* – 1978. – 20, N 7. – P. 33–41.
- Nestor J.* Der stand der vorgeschicht forschung in Romenic // *22 Bericht der romisch-germanischen Kommission.* – Frankfurt, 1939. – S. 11–181.
- Neustupný E.* K relativní chronologii volutové keramiky // *AR.* – 1956. – N 8 – S. 461–462.
- Nicolăescu-Plopșor C.S.* Travaux sur les plintures rupestres d'Oitennia. – Craiova, 1928.
- Nicolăescu-Plopșor C.S.* Sur la presence du swiderien en Roumanie // *Dacia.* – 1958. – N 2. – P. 5–34.
- Niesiolowska-Sreńiowska E., Curek K.* Mezolit w Polsce Środkowej // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Ser. Archeol.* – 1975. – N 22. – S. 27–65.
- Nosek S.* Przyczynki do znajomości kultur z cykły wstęgowych w Polsce Południowej // *PA.* – 1946 / 1947. – 7, z. 2. – S. 10–24.
- Passek T.* La ceramique Tripolienne. – Moskov; Leningrad, 1935. – 165 p.
- Pavuk J.* Kultura starsiego a sredneho neolitu na zapadnom Slovensku // *Slovensko v mladšej dobe kamennej.* – Bratislava, 1970. – S. 1–150.
- Păunescu A.* Evolutia uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României. – București: Ed. Acad. Rep. Soc. România, 1970. – 359 s.
- Prahistoria ziem Polskich.* – Warszawa, 1975. – T. 1.
- Pronin V.V.* Archeologické nálezy na Černeckej Hore v Mukačeve // *Študijne zvesti ausav.* – 1959. – S. 3. – Nitra. – S. 5–20.
- Prošek F.* Mladopoleolitická obydlí v Československu // *PA.* – 1961. – 52, N 1. – S. 57–75.
- Przybysławski W.* Wstęp z poszukiwań archeologicznych w Horodnicy nad Dniestrem w 1878 r. // *ZWAK.* 1878. – T. 3. – S. 70–73.
- Quitta H.* Zur ältesten Bandkeramik im Mitteleuropa // *Prähist. Z.* – 1960. – Bd. 30. – S. 47.
- Quitta H., Kohl G.* Neue Radiocarbon daten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowietunion // *Z. Archaeol.* – 1963. – N 3.
- Sawicki Z.* Przyczynek do znajomości prahistorii Polesia // *Ziemia.* – 1925. – N 6/8. – S. 18–36.
- Sawicki Z.* Stanowisko młodsze paleolitu w Gródku na Wołyniu // *Ibid.* – 1927. – R. 12, z. 3. – S. 36–42.
- Schild R.* Paleolit końcowy i schyłkowy // *Materiały do prahistorii ziem polskich.* – Warszawa, 1954. – S. 10–70.
- Siška S.* Tiszapolgarska kultura na Slovensku // *SA.* – 1964. – 16, N 1. – S. 61–176.
- Skutil J.* Paleolitikum Slovenska a Podkarpatskej Rusi // *Spisy Historického odboru Matice Slovenskej,* svazok 4. Turciansky Svaty Martin, 1938 – 159 s.
- Soudský B.* K metodice triolení volutové keramiky // *PA.* – 1954. – 45. – S. 75–106.
- Soudský B.* Bylany-osada najstarsích zémédéleu z mladší doby kamenné. – Praha, 1966.
- Sulimírski T.* The climate of the Ukraine during the Neolithic and the Bronze Age // *Archaeologia.* – 1962. – 12. – P. 1–18.
- Venci S.* K otázce zániku sběračskoloveckých kultur // *AR.* – 1983. – V. 34, N6. – S. 648–694.
- Vértes L.* Die Ausgrabungen in Szekszárd–Palánk und die Archäologischen Funde // *Swiatowit.* – 1962. – T. 34. – S. 159–202.
- Woldřich J.* Táboristé diluvjiálního člověka a jeho kulturní stupeň v Jenerálce u Prahy a v několika nalezištích českých // *Rozprawy České Akademie.* – 1900. – 1/2. – S. 1–29.
- Žaki A.* Archeologia gór i problemy archeologii Karpackiej // *Acta archeol. carpathica.* – 1962/1963. – 4. z. 1/2. – S. 5–75.
- Zatlukal J., Zatlukal E.* Adatok Podkarpatska Rusz praeistoriajahoz. – Mukacevo, 1937. – 189 l.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ	– Вестник древней истории
КИЧП	– Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА АН	
СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МДАПВ	– Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
УІЖ	– Український історичний журнал
ААС	– Acta archaeologica Carpathica
АР	– Archaeologie Polski
АЕ	– Archaologia Értésítő
АР	– Archeologické rozhledy
AUSAV	– Archeologický ústav Slovenskej Akadémie Ved
SA	– Slovenská Archeológia
SLA	– Slavia antiqua
SCIV	– Studia si ceretari de historie Veche
MS	– Materiały starożytne
MA	– Materiały archeologiczne
ESA	– Eurasia septentrionalis Antiqua
PA	– Památky archeologické
PAU	– Polska Akademia Umiejętności
WA	– Wiadomości archeologiczne
ZOW	– Z otchłani wieków
ZWAK	– Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (В.П.Севич, А.П.Черныш)	4
ГЛАВА 2. ПРИКАРПАТЬЕ, ВОЛЫНЬ И ЗАКАРПАТЬЕ В ПЕРИОД ПАЛЕОЛИТА	9
<i>Общая характеристика периода (А.П.Черныш)</i>	9
<i>Ранний и средний палеолит (А.П.Черныш)</i>	12
<i>Поздний палеолит Поднестровья, Закарпатья (А.П.Черныш)</i>	28
<i>Поздний палеолит Волыни (В.П.Севич)</i>	43
ГЛАВА 3. МЕЗОЛИТ ПРИКАРПАТЬЯ, ВОЛЫНИ И ЗАКАРПАТЬЯ	66
<i>Мезолит Западной Волыни (Р.Т.Грибович)</i>	66
<i>Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Закарпатья (Л.Г.Мацкевой)</i>	75
<i>Мезолит Поднестровья (А.П.Черныш)</i>	89
ГЛАВА 4. КУЛЬТУРЫ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ПРИКАРПАТЬЯ, ВОЛЫНИ И ЗАКАРПАТЬЯ	98
<i>Характеристика периода (Л.Г.Мацкевой)</i>	98
<i>Планина культуры линейно-ленточной керамики (Н.А.Пелещишин)</i>	99
<i>Культура гребенчато-накольчатой керамики (Л.Г.Мацкевой)</i>	109
<i>Памятники неолитического времени Закарпатья (Н.А.Пелещишин)</i>	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.П.Черныш)	121
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	122
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	131